

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В.П. АСТАФЬЕВА»

На правах рукописи

Дорогайкина Екатерина Михайловна

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗООНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТЕКСТЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.05 – романские языки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент,
Т. Г. Игнатьева

Красноярск 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ...	16
1.1. Языковая репрезентация как номинативный аспект языка.....	16
1.2. Художественный дискурс и текст как объекты лингвистического исследования. Дихотомия дискурс- текст в современной лингвистике	29
1.3. Диахронический текст как особый тип текста.....	43
1.4. Зоонимы как объект лингвистического исследования.....	56
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I	68
ГЛАВА II. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗООНИМОВ В ЖИВОТНОМ ЭПОСЕ ФРАНЦУЗСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	70
2.1. Первые зооморфические тексты.....	70
2.2. Персонаж «Лис» в исторической культуре разных стран	78
2.3. «Роман о Лисе» как произведение животного эпоса в литературе Средневековья	84
2.4. Зоонимические номинации персонажей в «Романе о Лисе».....	92
2.4.1. Однословные зоономинации главного персонажа в «Романе о Лисе».....	93
2.4.2. Однословные зоономинации не главных персонажей в «Романе о Лисе».....	107
2.4.3. Двухсловные и многословные зоономинации в «Романе о Лисе».....	115
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II.....	123

ГЛАВА III. СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗООНИМОВ В	
ЖАНРАХ ФАБЛИО, ЛЭ И КУРТУАЗНОГО РОМАНА	126
3.1. Зоонимические номинации в фаблио	126
3.1. 1. Однословные зоонимы в фаблио.....	131
3.1. 2 Двухсловные и многословные зоонимы в фаблио....	143
3.2. Зоонимические номинации в лэ.....	147
3.2.1. Однословные зоонимы в лэ.....	151
3.2.2. Двусловные и многословные зоонимы в лэ.....	167
3.3. Зоонимические номинации в куртуазном романе.....	179
3.3.1. Однословные зоонимы в куртуазном романе.....	183
3.3.2. Двухсловные и многословные зоонимы в куртуазном романе.....	189
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III.	194
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	198
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	204
ПРИЛОЖЕНИЕ Глоссарий зоонимов старофранцузского письменного- литературного языка.....	237

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено проблеме изучения языковой репрезентации персонажей животных в художественном тексте на раннем этапе становления французского письменно-литературного языка XII–XIII веков.

В работе исследуется литературный художественный текст как один из наиболее широко представленных типов текста в диахронической перспективе.

Проблема выявления специфических свойств номинаций персонажей животных связана с проблемой формирования того или иного жанрового типа текста в эволюционной перспективе развития языка.

Актуальность исследования определяется необходимостью целостного представления сложноструктурной и многозначной категории зоонимов, несомненной значимостью и неразработанностью проблем, связанных с их формой, структурой, функционированием на начальном этапе становления французского письменно-литературного языка.

Способы репрезентации животных в художественном тексте неоднократно привлекали к себе внимание ученых-лингвистов, таких как А. В. Суперанская, А. Д. Михайлов, Р. А. Благодатова, В. П. Нерознак, Ю. Л. Лясота, Н. В. Подольская, Т. В. Матвеева Д. И. Ермолович, В. Е. Орел, М. Пастуро и др.

Несмотря на длительную традицию в изучении вопроса, лексико-семантическая группа зоонимов не была объектом комплексных изысканий, выполненных в рамках истории языка. В науке существуют замечания общего характера о зооморфизации, не изучен вопрос о способах грамматического оформления основной смысловой категории персонажа-животного в диахроническом тексте, требует дальнейшего рассмотрения изучение символического значения зоонимов и их текстовых функций. Лингвистический аспект зоономинаций в диахронии изучен недостаточно.

Нам не удалось найти специальных работ, посвященных проблемам зоономинаций в диахронии. Главной практической проблемой Д.И.Ермолович определил полное отсутствие, по его мнению, справочников и словарей, где зоонимы – фольклорные персонажи – были бы описаны и систематизированы [Ермолович 2005: с. 276-284].

Актуальность исследования вытекает также из всевозрастающего интереса современного языкознания к проблемам жанровоцентрического подхода к диахроническому тексту, что обуславливает сближение лингвистических и литературоведческих проблем, рассмотрение языковых явлений и языковых изменений с учетом их реального функционирования в конкретной языковой форме и исторической перспективе, соединение изучения языка с изучением культуры и истории.

В настоящее время темы так называемого «Бестиария» переживают момент возрождения, о чем свидетельствует появление сборников научных статей Бестиария: «Бестиарий в словесном и изобразительном искусстве» (2012), «Бестиарий и стихии» (2013), «Риторика Бестиарности» (2014), «Бестиарный код культуры» (2015), «Бестиарий и чувства» (2017) – вышедших в Москве по итогам научных конференций, посвященных актуальным вопросам семантики, семиотики, символики животных различных времен и другим бестиарным темам. Однако собственно лингвистическая сторона данной темы, которая показывает, какие лингвистические и языковые структуры репрезентируют образы животных в словесности, остается неразработанной.

Теоретической базой исследования послужили следующие теоретические положения, представленные в трудах ученых.

1. В области общего языкознания и теории языка (Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, Е.С. Кубрякова, В. И. Карасик, В.А. Маслова, З.Я. Тураева, Э. Бенвенист, И.Р. Гальперин и др.) – положение о взаимодействии языка и речи в актах рече-языковой деятельности; (Ф. де Соссюр, Ю. Д. Апресян, В. Г. Гак, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин,

- А.А.Уфимцева, В. Pottier) – положение о составе и структуре значения слова как компонента лингвистического знака.
2. В области исторического языкознания (Ф. де Соссюр, Д. С. Лихачев, Ю.С. Степанов, Л. М. Скрелина, Л. А. Становая, Н. В. Бугорская, и др.) – положение о дихотомии синхрония-диахрония, принцип историзма.
 3. В области истории и теории французского языка (Ш. Балли, Ж. Муанье, К. Буридан, А. Доза, М.А. Бородина, Л. М. Скрелина, Л. А. Становая) – положение о лексических и грамматических категориях в диахронии.
 4. В области ономастики (А. Бах, А.В. Суперанская, Ю.Л. Лясота, В.П.Нерознак, Н.В. Подольская, В.И. Абаев, Е.А. Гутман, Ф.А. Литвин, Т.В.Козлова, Т.В. Матвеева, Д.И. Ермолович, Д.М. Марданова;, К.Д.Марицас, А.И. Молотков, Л.В. Кузнецова) – положение о роли анализа контекстов употребления слова при описании зоонимических номинаций.
 5. В области истории и теории французской средневековой литературы (М.М. Бахтин, Е.М. Мелетинский, У.Эко, Э. Бомгартнер, М.К. Сабанеева, А.Л. Штейн, А. Д. Михайлов, Е. И Ванеева, Т.Г. Игнатьева, Л.Г.Викулова, А. Gaillard, J. Dufournet и др.) – положение об особенности жанров, типологии и жанровой специфике старофранцузского художественного текста; – положение о значении жанровоцентрического подхода при изучении средневековой литературы (Е.М. Мелетинский, Э.Бомгартнер, А.Л. Штейн, А. Д. Михайлов, Т.Г. Игнатьева).
 6. В области лингвокультурологии (В.И. Карасик, О.А. Дмитриева, Л.Колначевский, Е.М. Мелетинский, П. Зюмтор, В.Е. Орёл, М. Пастуро, У. Эко, R. Brusegan и др.) – положение о роли мифологии и символики, символического значения слов (зоонимов) в структуре текста.

Специфику текстовой ситуации в период раннего Средневековья XI–XIII вв. в обобщенном виде ученые называют «жанровой обусловленностью текста» (Путилов, 1975, Михайлов, 1976, Григорьев, 1983, Лихачев, 1989, Бурбело, 1992, Аверинцев, 1996, Т.Г. Игнатьева, 2001). Подчеркивается роль

жанра при оформлении текста в средневековой литературе по отношению к литературе Нового времени. Данное исследование не претендует на исчерпывающий анализ теории жанра средневековой литературы, однако мы будем учитывать важность данной категории для характеристики зоонимов в четырех разных жанрах старофранцузского периода: животный эпос, фаблю, лэ и куртуазный роман.

Объектом исследования в работе является диахронический текст эпохи становления письменного литературного языка во Франции XII-XIII веков.

Предметом исследования являются грамматические, лексико-семантические, символические и социокультурные особенности зономинаций в структуре диахронических художественных текстов в изучаемый исторический период.

Цель исследования состоит в том, чтобы показать зоонимическую специфику языковой картины мира в диахронических текстах французского Средневековья, в связи с их жанровой принадлежностью.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Обобщить и систематизировать основания и сведения теории зоонимов с целью определения исходных для исследования положений и понятий;
2. Выявить совокупность языковых средств, составляющих структурно-грамматические типы номинаций, репрезентирующих персонажей животных в жанрах животного эпоса, фаблю, лэ и куртуазного романа;
3. Проанализировать лексико-семантическое наполнение грамматических структур, номинирующих животных, с учетом их символической значимости для жанра произведения;
4. Составить словарь зоонимов, включающий семантико-этимологические комментарии, расширяющие лингво-культурологическое и символическое осмысление зономинаций в диахронических текстах.

Для решения изложенных выше задач и достижения цели в работе используются **методы** структурно-грамматического и лексико-семантического анализа, квантитативной обработки материала, прием словарных дефиниций, метод контекстного и морфемного анализа.

В ходе исследования мы используем методику структурно-грамматического анализа Т. Г. Игнатъевой, в соответствие с которой весь корпус примеров для произведений каждого жанра был разделен на однословные, двухсловные и многословные номинации. Критериями при анализе языкового материала определены: состав номинации (количество знаменательных слов и их морфологическая форма), местоположение элементов относительно друг друга, характер смысловых и синтаксических отношений между элементами, лексико-семантическое наполнение номинаций [Игнатьева 2001, 2013]. Данная методика дает возможность в ходе исследования получить простор для анализа материала, изучить все многообразие номинативных конструкций, не «оглядываясь» на синтаксический статус номинации, что позволяет представить картину номинативных возможностей языка в комплексе, во всем многообразии языковых средств.

Материалом для исследования послужили художественные тексты различных жанров на старофранцузском языке XII-XIII веков. Это литературно-художественные тексты известных жанров – животный эпос, куртуазный роман, фаблю и лэ. В связи с новейшими достижениями скриптологии в исследование включены материалы дипломатических и фототипических изданий диахронических текстов, а также тех критических изданий, в которых указаны все внесенные издателем изменения рукописных форм и даны комментарии. Исследовались данные авторитетных толковых и энциклопедических словарей, словарей старофранцузского языка и ресурсов, доступных пользователям сети Интернет.

Общий корпус исследованных примеров составляет 1805 номинаций животных, выбранных методом сплошной выборки. В целом обработано

1750 страниц печатного текста, что составило около 200 тысяч печатных знаков. Для оптимизации работы с материалом использовались электронные таблицы Microsoft Excel.

В жанре животного эпоса нами исследован наиболее репрезентативный текст данного периода – «Роман о Лисе» – памятник французской литературы (XII-XIII вв.), который составляет 350 страниц текста, около 60 тысяч словесных знаков.

В рамках жанра куртуазного романа исследовано 400 страниц текста романа «Эрек и Энида» Кретьена де Труа второй половины XII века, что составило около 48 тысяч словесных знаков.

В жанре фавлю XII–XIII вв. исследовано 19 фавлю, которые составили более 300 страниц текста, около 36 тысяч словесных знаков.

Для жанра лэ исследовано 2 сборника лэ: 12 лэ Марии Французской и 11 анонимных лэ (1160– 1190), что составило более 700 страниц текста, около 56 тысяч словесных знаков.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Языковая репрезентация зоонимов в диахроническом тексте в жанрах животного эпоса, куртуазного романа, фавлю и лэ отражает общеязыковые тенденции старофранцузского периода, в частности, становление аналитических тенденций в системе имени существительного. Вместе с тем, лексическое наполнение зоономинаций имеет свою специфику в отдельно взятом жанре.

2. Грамматическое оформление зоонимов находится в русле общеязыковой тенденции становления аналитизма в системе имени существительного. Исключение составляют лэ Марии Французской, где флективно-аналитическая модель выражения грамматических значений имен существительных-зоонимов является ведущей и демонстрируется пример «динамического равновесия» системы существительного в ходе эволюционного процесса перехода от синтетизма к аналитизму во французском языке.

3. Для лексико-семантического наполнения языковых структур, репрезентирующих зоонимические номинации, а также для выявления символического значения зоонимов, категория жанра является значимой, реализуя жанрово-стилистическую определенность текста в литературном языке донационального периода.

4. Типологической чертой зоонимаций в изучаемый период является преимущественная реализация через однословные структуры, совмещающие персонифицированную апелляцию с номинативно-референтной функцией.

5. Зоонимические характеристики в художественном тексте могут приобретать символическое значение в зависимости от интенций автора и специфики жанра.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Отраженные в диссертации научные положения соответствуют паспорту специальности 10.02.05 – романские языки, в частности, следующим научным областям: основные этапы и направления становления и развития романских языков (рассматриваются старофранцузский период и старофранцузский текст), общие и индивидуальные тенденции развития романских языков, слово, как основа единства языка, типы лексических единиц, структура словарного состава, функционирование лексических единиц, развитие и пополнение словарного состава, лексика и внеязыковая действительность, особенности стилистического воздействия и экспрессивных средств романских языков, становление лингвистических систем романских языков, проблемы классификации лексических единиц и фонем. Работа выполнена в русле функционально-семиотического направления.

Степень разработанности проблемы.

В последние годы в работах по истории французского языка проявляется интерес к изучению особенностей (структурных, морфологических, лексических, синтаксических и др.) диахронических

художественных текстов разных жанров XII–XIII веков (Игнатьева 2001, 2013, Потылицына 2004, Лукина 2006).

Имеет место изучение номинации с позиций лингвокультурологии (Арутюнова 1999, Верещагин, Костомаров 1973, 1980, 1990, Репина 1996, Карасик 2002, 2005, 2006). Среди работ XXI века, есть исследования, посвященные особенностям номинации животных в английской, немецкой лингвокультуре в синхронии (Лясота 1984, Москаленко 2005, Шумихина 2005, Карташкова 2009, Казакова 2012).

Предметом изучения стали зоонимы в составе фразеологических единиц в синхронии и диахронии на материале русского или разных иностранных языков. В диссертациях, посвященных их анализу, вместе с термином «фразеологические единицы» (ФЕ) ученые выводят и используют также различные термины, такие как «компонент-зооним» (Малафеева 1989), «анималистические фразеологизмы» (Бирюкова 1990; Бащ Хун 1999), «зоофразеологические единицы» (Кацитадзе 1985), «фразеологические единицы с зоонимическим компонентом» (Козлова 1991), «фразеологические зоонимы» (Марданова 1997; Москаленко 2012). Предметом изучения в XX веке в основном явились семантика зоонимов, их значение. Образные и переносные значения зоонимов и способы их номинации изучались чаще в лингвокультурологии с позиции их этнической или этноспецифической значимости (Хахалкина 2002), лексико-фразеологических систем и анализа семантической структуры имен животных и зооморфных метафор английского языка в пословично-поговорочном фонде [Карташкова, Куражева, Егорова 2009].

В связи с тем, что нам не удалось найти специальных лингвистических работ по номинации животных в диахроническом аспекте, представляется важным проанализировать номинации животных в разных жанрах художественных текстов на раннем этапе становления французского письменно-литературного языка (периода XII–XIII вв.) с тем, чтобы дать их

структурно-грамматические, лексико-семантические характеристики, учитывая символическую значимость выявленных зоономинаций.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые анализируется лексико-семантическая группа зоонимов на материале диахронических текстов XII–XIII вв. различных жанров. Новым является подход к материалу исследования: художественные тексты XII– XIII вв. представлены как жанрообусловленные конструкты, каждый из которых отражает специфическую зооморфную картину мира, репрезентированную в данном тексте в рамках жанрового канона. Новым является изучение особенностей оформления номинативных структур, объективирующих персонажей животных в диахроническом тексте. Совершенно новым является составление словаря зоонимов, оформленное в виде глоссария, включающего семантико-этимологические комментарии, расширяющие концептуальное осмысление зоономинаций в диахроническом аспекте.

Гипотеза исследования. Общая тенденция развития языка в данный период состоит в укреплении аналитизма. Лексико-семантическая группа зоонимов, с одной стороны вписывается в общую тенденцию становления аналитизма во французском языке, с другой стороны – на каждом этапе развития языка имеет свои особенности, обусловленные жанровой спецификой текста.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут способствовать дальнейшей разработке общих и частных проблем лингвистики текста, жанрологии, семантики текста, антропологической и когнитивной лингвистики.

Данная работа вносит вклад в разработку лингвистики текста в направлении решения актуальных проблем номинации, используется взаимосвязь между языковыми структурами и образами, которые эти структуры наполняют. Выявляется лингвистическая сущность лексико-семантической группы зоонимов в период становления французского письменно-литературного языка. Принципы лингвограмматического

изучения зоономинаций на примере диахронического текста могут быть применены при анализе других лексико-семантических групп, разных типов текстов, других жанров и в других языках. Изучение грамматических форм и значений при интерпретации зоономинаций позволяет углубить и расширить представление об истоках, условиях зарождения и становления языковых структур в связи с их жанровотипологической определенностью.

Достоверность результатов и научная обоснованность теоретических и практических результатов исследования обеспечивается, во-первых, достаточным объемом теоретического материала по проблемам дискурса, диахронического текста, зоонимов, во-вторых, комбинированным использованием проверенных теоретических и эмпирических методов исследования. Результаты исследования подкреплены современной теоретической базой, в которую вошли работы последних лет, а также использованы редкие аналитические и критические издания диахронических текстов.

Метод сплошной выборки примеров-зоонимов обеспечил подбор представительного корпуса языкового материала (200 тысяч печатных знаков), адекватного целям и задачам исследования, позволившего получить достоверные результаты.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что основные теоретические положения и выводы могут найти применение в курсах по теории языка, лингвистике текста, лексикологии, истории французского языка, истории литературы французского языка, лингвокультурологии, интерпретации текста, курсах теоретической и практической грамматики, спецкурсах по диахронической типологии, в исследованиях по способам номинации в художественном тексте. Полученные выводы могут быть использованы при написании учебных пособий, студенческих курсовых и выпускных квалификационных работ.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы были представлены в качестве научных докладов на XII, XIII и XIV

Всероссийских с международным участием научно-практических конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века» (Красноярск, 2011, 2012, 2013), Юбилейной международной конференции Школы-семинара им. Л.М. Скрелиной «Человек и его язык» (Санкт-Петербург, РГПУ им. Герцена, 2013), XVII Научной конференции Школы-семинара им. Л.М. Скрелиной «Человек, язык, время» (Москва, МГПУ, Институт иностранных языков ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет», 2015), объединенной международной научной конференции Школы-семинара имени Л.М. Скрелиной и Международного общества функциональной лингвистики (SILF, Париж) «Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы» (Москва, Институт иностранных языков ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет», 2017), а также семинарах «Современные проблемы языка и культуры» I, II, III и V Международных научно-образовательных форумах «Человек, семья и общество: история и перспективы развития» (Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева, 2012, 2013г., 2014, 2016, 2019). По теме диссертации опубликовано 9 статей общим объемом 4,8 п.л., из них 4 работы в изданиях, реферируемых ВАК.

Объем и структура диссертации. Диссертация общим объемом 256 страниц (из них – 203 страницы основного текста), состоит из Введения, трех глав, Заключения, списка литературы, включающего 320 наименований, в том числе 56 на иностранных языках, списка используемых словарей и энциклопедий (68 наименований), списка интернет-источников (10 наименований), списка источников примеров (10 наименований), приложения. Работа включает 12 таблиц, 4 рисунка.

Во Введении дается обоснование выбора объекта, предмета исследования, его актуальности и новизны, определяются цель, задачи работы, используемые в ходе анализа методы и подходы. Указывается теоретическая значимость и практическая ценность работы, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

Глава I «Теоретические основания исследования» посвящена изучению номинативного аспекта языка, дискурсу, дихотомии дискурс-текст. Анализируются диахронический текст и зоонимы как объект лингвистического исследования.

В **главе II** «Животный эпос во французском Средневековье» исследуется жанр животного эпоса городской литературы французского Средневековья, первые зооморфические тексты, «Роман о Лисе» и зоонимы данного жанра.

В **главе III** «Способы репрезентации зоонимов в жанрах фаблио, лэ и куртуазного романа» рассматриваются лексико-семантические и структурно-грамматические особенности зоонимов в жанрах фаблио, лэ и куртуазного романа.

В **Заключении** обобщаются результаты исследовательской работы, формулируются основные выводы, намечаются перспективы дальнейшей работы.

Приложение «Глоссарий зоонимов старофранцузского письменно-литературного языка» содержит 88 зоонимов старофранцузского письменно-литературного языка, взятые из текстов жанров животного эпоса, куртуазного романа, лэ и фаблио. В глоссарии представлены начальная форма зоонима или формы, существующие для данного слова в языке изучаемого периода, грамматические и семантико-этимологические комментарии.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Языковая репрезентация как номинативный аспект языка

Под языковой репрезентацией будем понимать номинативные языковые структуры, номинирующие животных в художественном тексте. В связи с этим возникает необходимость теоретического осмысления теории номинации и определения терминологического значения лексемы «номинация».

Проблемам, связанным с изучением теории номинации, в лингвистической литературе уделяется особое внимание. Номинация является объектом анализа не только традиционной лингвистики, но и психологии, культурологии, философии, социосемиопсихологии, аксиологии и других наук.

О номинации известно с античных времен. Античные мыслители Аристотель, Гераклит, Демокрит, Платон, Августин понимали механизм номинации как сложное многообразие соотношений между словом, вещью и понятием. У Философов Эллады Кратила и Гермогена обсуждался вопрос об истинности имени: присуще ли вещи ее собственное имя или же каждое слово не принадлежит по природе самой обозначаемой вещи, а является лишь результатом договоренности.

Так, в «Поэтике» Аристотеля объектом внимания становятся разновидности имен, выбор имен в речи, измененные слова, необычные слова, эпитеты, метафоры и другие, связанные с номинацией понятия. [Аристотель 2000:168– 171].

По мнению Н.Н. Лыковой, Аристотель в труде «Об истолковании» дал нам свое определение понятию «имя»: «Имя есть звук с условным значением, без отношения ко времени, отдельная часть которого ничего не обозначает <...>. От природы нет имен; они получают условное значение, когда становятся символом, ибо ведь и нечленораздельные звуки поясняют собою нечто, как, например, у животных, хотя ни один из этих звуков не есть имя... [Цит. по: Лыкова 2010: 24–26].

Если выразить содержание античных воззрений на номинацию философов Древней Греции в истории лингвистических учений, то оно сведется к трем основным вопросам: 1) соотношение человеческого языка и познания; 2) характер связи имени и обозначаемого предмета; 3) наличие у членов языковой общности инвариантного представления об именуемой вещи [Уфимцева 1977: 9].

В средние века вопросы номинации и их различная интерпретация стали объектом внимания последователей номинализма, философского направления, зародившегося в XI веке, представителями которого являются Росцеллин, Оккама, Буридан. Номиналисты Средневековья считают, что если окружающий мир обладает объективным существованием независимо от именуемого субъекта, равно как и означающих звуков, то никакое имя не может мыслиться неотъемлемой частью именуемого, орудием господства, управления именуемым. Весь мир есть то, что он есть, в силу его сотворенности таковым, а не в силу его познанный и названности: мир здесь первичен, он существует до имени, именующего и независимо от него.

Между объектом и его именем неизменно стоит тот, единственно ради кого имя существует. Установитель и интерпретатор имени – человек. Всякое имя связано не непосредственно с сущностью именуемого, а с тем, что в этой сущности познано и названо человеком. Только поэтому у заведомо несуществующих построений человеческой фантазии, каких-нибудь многоруких, многоглавых драконов, дышащих пламенем, говорящих человеческим голосом, тоже есть имена, ничем не отличающиеся от всех прочих знаков: ведь человек может изобретать как полезное, так и вредное, именовать как истинное, так и ложное, источник любого творчества один – разумность.

Средневековые ученые выработали учение об «универсалиях», то есть общих понятиях. Учение об универсалиях – это вопрос о природе абстрактных понятий (универсалий) и об их отношении к языку, а также вопрос об именовании вещей. Полемика вокруг «универсалий» занимала

пять столетий, получила название спора между реалистами и номиналистами, у истоков которого стояли Платон и Аристотель, и далее ученые Средневековья: философ Ансельм Кентерберийский (1033–1109) – представитель реалистов, и Пьер Абеляр (1079–1142) – представитель номиналистов. Реалисты считали, что реальны «универсалии», то есть общие понятия, которые существовали до появления вещей. Вещи, по их мнению, копии реальных названий. Номиналисты утверждали, что реальны вещи с их индивидуальными качествами. Общие понятия, по их мнению, не обладают самостоятельной реальностью [Шулежкова 2006: 31–32].

История изучения универсалий восходит к очень далеким временам. Предшественниками исследований в этом направлении явились античные грамматики, создавшие учение о членах предложения, а в более позднее время – Ян Амос Коменский, Р. Бэкон и др. Теория универсалий связана с попытками разработки универсальной грамматики. В дальнейшем, после появления известной «Грамматики Пор-Руаяля» Арно и Лансло и, особенно в XVIII в., термин «универсалия» получает широкое распространение.

В XVII–XVIII вв. теория номинации развивалась более на лексико-семантическом уровне. Имели место каталогизация языкового материала, разработка вопросов происхождения и развития языков, написание грамматик и словарей. В России, например, создавались азбуковники непонятных слов.

В XVII веке появилось философское направление рационализма и развилось логическое направление в языкознании. В Грамматике Поль-Рояля предметы и мысли обозначались именами, все то, что не соответствовало логическим построениям, игнорировалось. В XVIII веке языкознание заняло самостоятельное место в системе наук. Логисты вывели впервые семантическую сущность имен существительных как частей речи. Имя номинирует предметы и мысли [Березин 1984: 21–22; Шулежкова 2006: 43–44].

Предметы мысли, по мнению ученых так называемого Нового времени XVII–XVIII вв., обозначаются именами, местоимениями, причастиями, наречиями, предлогами, артиклями. Ход мысли обозначают глаголы, междометия, союзы. Имена имеют числа, падежи, а глаголы – время, наклонение, лицо, число, а также инфинитив, безличные формы, супин, герундий, вспомогательные глаголы [Шулежкова 2006: 41–45].

В.Ф. Гумбольдт изучал смежные с номинацией понятия. В труде «О различии строения человеческих языков» он писал, что слова следует понимать как знаки, отдельные понятия, в слове видел двоякое единство звука и понятия. В одном из высказываний В.Ф. Гумбольдта мы видим следующее: «Субъективная деятельность создает в мышлении объект. Ни один из видов представлений не образуется только как чистое восприятие уже данного предмета...» [Гумбольдт 2000: 27].

Следует понимание понятий, обозначаемых общими именами, таких как «человек», не как самостоятельного целого, а как совокупности отдельных понятий (конкретных людей), то есть абстракции, мысленного образа.

Значительное развитие теория номинации получила в XX веке в разных направлениях языкознания. Предметами исследования отечественных лингвистов становятся имя собственное и нарицательное, комбинаторика и сочетание именных знаков в рамках единиц разной структуры, процесс создания новых названий, анализ обозначения целых ситуаций, непредикативные сочетания и единицы, характеризующиеся предикативностью. Над указанными выше проблемами работали такие ученые, как В.В. Виноградов, Н.В. Уфимцева, Н.Д. Арутюнова, А.А.Потебня, Д.Ю. Апресян, Е.С. Кубрякова, В.Г. Гак, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева, Д.Н.Шмелева и другие.

В XX веке, в 1950-е годы возникла ономазиология как самостоятельное лингвистическое учение о номинации со своим методологическим аппаратом. В этот период происходит интенсивное развитие теории номинации, возникает тенденция переноса научного интереса от изучения

имен собственных в сторону исследований в области имен нарицательных, а также от изучения номинативной функции только существительных переходят к рассмотрению других полнозначных частей речи. От изучения процесса номинации интерес перешел к анализу обозначения целых ситуаций. Ономазиология обращается в сторону пропозитивной (или пропозиционной) номинации, ранее не исследуемой в языке [Кубрякова 2002: 345–346; Арутюнова 1999: 401].

В XX веке представители Пражского лингвистического кружка внесли вклад в развитие теории номинации тем, что развили представление о языке как функциональной системе, определяя язык как систему средств выражения, служащих определенной цели. Основатель и идеолог Пражского лингвистического кружка В. Матезиус – основоположник теории актуального членения предложения – рассматривал язык с точки зрения его роли в общении. Пражцы признают социальную природу языка, акцентируя внимание на многообразии связей, существующих между языком и объективной действительностью. По этому поводу Ф. де Соссюр писал о том, что в результате номинации имя механически прикрепляется к обозначаемому поименованному предмету в виде «этикетки» или «вывески», именование в языке всегда содержательно и опосредованно мышлением. Наряду с социальной характеристикой номинации выделяется и ее когнитивный характер. Известна мысль Ф. де Соссюра о способности сознания мысленно и ассоциативно связывать между собой две стороны языкового знака – понятие и акустический образ, означающее и означаемое. Процесс обозначения тех или иных предметов и феноменов объективной реальности, осуществляемый при помощи языковых единиц, связан с формированием понятий, в которых природные свойства вещей и явлений даны в преобразованной форме на основе коммуникативных потребностей и ассоциативного опыта, а также и его восприятия [Сюссюр 1999: 69].

Вопросами теории номинации занимались многие зарубежные ученые. Можно назвать такие имена, как Дж. Ст. Милль, Б. Рассел, Т. Гоббс, Д. Локк,

У. Куайн, П. Стросон, Дж. Серл, Крипке, С. Шиффер. Была разработана теория об изучении того, как понятия находят свои наименования, известная в настоящее время как теория номинации.

Теория номинации связана, в первую очередь, с выяснением того, как соотносятся между собой понятийные формы мышления, каким образом создаются, закрепляются и распределяются наименования за разными фрагментами объективной реальности. Несмотря на высокую частотность употребления термина «номинация» в современной лингвистической литературе, его содержание до сих пор остается неоднозначным.

Необходимо, прежде всего, обратить внимание на то, что «номинация» – многозначный термин. Им обозначают: 1) процесс наименования; 2) результат этого процесса, само наименование; 3) раздел лингвистики, изучающий структуру актов наименования. В третьем значении синонимом термина «номинация» является термин «ономасиология» – наука, изучающая слово как название и его связи с другими словами лексической системы языка в системном аспекте. Его антонимом является термин «семасиология» – раздел языкознания, занимающийся лексической семантикой, то есть значениями тех языковых единиц (слов и словосочетаний), которые используются для называния, номинации отдельных предметов и явлений действительности.

Общепринятое понимание номинации сформировалось в отечественной лингвистике и имеет следующее толкование: 1) номинация определяется как образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, то есть служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений; 2) номинация трактуется как совокупность проблем, охватывающих изучение динамического аспекта актов наименования в форме предложения и образующих его частей; 3) номинация – это суммарное обозначение лингвистических проблем, связанных с именованием, а также со словообразованием, полисемией,

фразеологией, рассматриваемыми в номинативном аспекте. Результаты номинации, обозначающие элементы действительности, служат строительным материалом для предложения. Предметом теории номинации как особой лингвистической дисциплины являются изучение и описание закономерностей образования языковых единиц, взаимодействия мышления, языка и действительности в этих процессах, роли человеческого (прагматического) фактора в выборе признаков, лежащих в основе номинации, исследование языковой техники номинации, ее актов, средств и способов, построение типологии номинации, описание ее коммуникативно-функциональных механизмов и т.д. [ЛЭС, 1998: 336–337].

Сложности, с которыми может столкнуться исследователь в ходе изучения происхождения и сути понятия «номинация» можно определить так. Во-первых, на основе ранее рассмотренных нами исторических справок и определений можно утверждать, что термин «номинация» обозначает как процесс, так и сам результат номинации. Во-вторых, нужно различать первичную и вторичную номинацию.

Первичную и вторичную номинации различают следующие ученые: В.Н. Телия, Г.В. Колшанский, Н. Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, В. Г. Гак, А.А. Уфимцева, З.Я. Тураева. Содержание терминов «первичная» и «вторичная» номинация у разных исследователей часто не совпадает.

Так, В.Г. Гак, А.А. Уфимцева трактуют первичную номинацию как языковое означивание посредством слов и словосочетаний, а вторичную – как языковое означивание посредством предложений. Отнесение терминов «первичная номинация» к словам и словосочетаниям, а «вторичная номинация» – к предложениям обосновывается сопоставлением слов в системе языка и предложений как речевых единиц к речи.

В.Г. Гак в работе «К типологии лингвистических номинаций» представил всестороннюю классификацию номинаций. Проблема номинаций рассматривалась на примерах, взятых из области имен существительных. Она характеризуется широким охватом классифицируемых явлений. Понятие

номинации охватывает как лексические (знаменательные) знаки (корни), так и грамматические (служебные) знаки (аффиксы, порядок слов), а также и слова, предложения; языковые единицы, их речевые вхождения. Фактически эта концепция предполагает универсальную типологию языковых знаков. Другой чертой классификации В.Г. Гака является ее многоаспектность. Каждый из выделяемых аспектов выделен на основании некоторых общих принципов.

Каждое положение теории обосновано фундаментальными логико-философскими категориями. Так, в зависимости от объекта (номината) номинации подразделяются на элементные (части высказываний) и событийные (высказывания). По признаку внешней формы – номинации самостоятельные (лексические) и несамостоятельные (грамматические). Типы, выделяемые по способу обозначения, образуются с учетом их связанности-обособленности, внутренней формы и степени мотивированности. По отношению к субъекту номинации учитываются отношение говорящего к предмету, отношение говорящего к адресату, общие условия речевого акта и отношение адресата к предмету. Соотношение номинаций в парадигматическом аспекте связано с выделением пяти логических отношений между сигнификатами (равенство, включение, внеположенность, противоположность и перекрещивание) и отношений разноаспектности между денотатами. Соотношение номинаций в синтагматическом аспекте связано с различием автономных (первичных) и неавтономных (то есть повторных и синтагматически обусловленных) номинаций [Гак 1977].

На уровне текста проблемой номинации занималась З.Я. Тураева. По мнению ученого, слово живет не в системе языка, а в тексте, где оно включается в сеть взаимосвязных, взаимозависимых средств выражения мысли и чувства. Как элемент текста слово может утрачивать стилистическую нейтральность и приобретать дополнительный заряд, может

использоваться в рамках регистра, к которому оно принадлежит, либо вне их, может приобретать стилистическую маркированность [Тураева 2012: 31].

З.Я. Тураева говорит об интеграции слова с текстом как сложным структурно-семантическим единством, которая объясняет и использование слова в различных не прямых функциях в художественном произведении для косвенной или прямой характеристики персонажа. Включение определенного вокабуляра в ткань повествования – сигнал социальной, временной и локальной принадлежности персонажа. Слово выступает как знак персонажа. Наряду с основным значением (первичным кодовым значением) у слова появляются вторичные кодовые значения, которые могут быть поняты только в системе всего текста. Вторичные кодовые значения, согласно З.Я. Тураевой, участвуют в формировании смысла, который складывается не только из плана содержания текста, но и из взаимодействия его с контекстуальной, ситуативной и энциклопедической информацией. Лексические единицы могут являться средством передачи дополнительной информации о действующих лицах, об их социальном и культурном статусе. Вторичную косвенную номинацию автор называет также несвободной, опосредованной или зависимой номинацией и выделяет некоторые ее признаки: 1) контекстуальная связанность; 2) имплицитность; 3) способность включать в основное значение семы из слабовероятностного импликационала (части, выявляемой в когнитивном содержании словозначения (структуры лексического значения, в которой существуют интенционал и импликационал); 4) опосредованность отнесения к сфере денотации. Среди средств вторичной (опосредованной! в терминологии З.Я. Тураевой) номинации З.Я. Тураева считает важными слова-символы, за которыми может следовать широкий ряд ассоциативных связей и которые могут встречаться часто в литературе. Автор подчеркивает важность вторичной окказиональной номинации, сопряженной с экспрессивно-образным представлением предмета, переходом знака из разряда характеризующих

(имя нарицательное) в разряд индивидуализирующих (имя собственное) [Там же: 32, 96].

В работе «Текст, структура и семантика» З.Я. Тураева также рассматривает интродуктивную, функциональную, предикатную и идентифицирующую номинации, больше внимания уделяя последней. Интродуктивная номинация, согласно З.Я. Тураевой, содержит первое упоминание об объекте, вводит его в мир повествования. Функциональная номинация может занимать различные позиции – дополнения, подлежащего. Этот тип номинации часто употребляется с глаголами чувственного восприятия. Предикатная номинация является творческим процессом раскрытия сути явления, различными степенями его сущности, бывает часто связана с метафоризацией, самобытна, нетривиальна, несет в тексте функциональную нагрузку и является некой находкой среди других типов номинаций. Идентифицирующая номинация предполагает отнесенность к предмету, известному не только автору сообщения, но и его получателям. Данная номинация имеет четкую предметную соотнесенность. Формальный показатель идентифицирующей номинации – определенный артикль. Идентифицирующая номинация иногда включает интродуктивную номинацию, что чаще характерно для полных моделей текстов [Там же: 37, 43, 103].

Существует толкование содержания термина «номинация», которое относится к художественному тексту. Номинация действующего лица может быть первичной (интродуктивной) и повторной (идентифицирующей). Интродуктивной номинацией называют обозначение действующего лица при его первом появлении в тексте в авторском или персонажном контексте, а идентифицирующая номинация устанавливает тождество объекта путем сопоставления свойств, признаков, фактов и т.п., данных в непосредственном наблюдении или поступающих по каналам информации со сведениями или впечатлениями, вытекающими из прошлого опыта. Идентификация есть итог

сличения результатов разного знания, прямого или опосредованного [Арутюнова 1999: 11; Амросова 1985: 18–19].

В классификации у Н.Д. Арутюновой в работе «Язык и мир человека» номинации называются дескрипциями. Эти слова – синонимы в понимании ученого. Согласно Н.Д. Арутюновой, характер дескрипции (номинации), ее семантический тип, объем включаемой в нее информации об объекте непосредственно связаны с ее предназначением. Н.Д. Арутюнова говорит о зависимости значения дескрипции от занимаемого ею в структуре предложения синтаксического места. В ее классификации выделены четыре позиции, влияющие на выбор номинации предмета: экзистенциальная, или интродуктивная, то есть позиция имени в бытийном предложении или его эквиваленте (1), идентифицирующая — позиция субъекта и других актантов, относящихся к определенным (конкретным) объектам (2), позиция предиката (3) и позиция обращения (4). Названные четыре синтаксические позиции различаются по характеру референции имени. В первом случае можно говорить об экзистенциальной (иначе, неопределенной специфической) референции имени, то есть его отнесенности к предмету, известному говорящему, но не знакомому адресату речи. Во втором случае Н.Д.Арутюнова говорит об идентифицирующей референции имени, то есть его отнесенности к известному собеседникам объекту. В третьем случае имя употреблено нереферентно, то есть оно выполняет атрибутивную (кваликативную) функцию, обозначая признаки некоторого класса предметов. В четвертом (как и во втором) случае речь идет об отнесенности имени к конкретному объекту — лицу — адресату речи, т. е. непосредственному участнику речевого акта. Эта особенность референции апеллятива приспособливает его не столько к выполнению идентифицирующей функции, сколько к обслуживанию интерперсональных отношений в условиях коммуникации. Н. Д. Арутюнова выделяет следующие виды номинаций:

- 1) ситуативные (окказиональные);

- 2) компаративные (уподобляющие);
- 3) синонимические;
- 4) субъективные;
- 5) функциональные;
- 6) цитатные (цитации);
- 7) образные;
- 8) идентифицирующие (референтные);
- 9) предикатные (нереферентные);
- 10) экзистенциальные (интродуктивные);
- 11) оценочные;
- 12) релятивные (реляционные);

13) номинации-обращения (апеллятивы). Также автор пишет об определениях в номинациях и отношениях между номинациями в структуре предложения, например противопоставлениях или темпоральных определениях в номинациях [Арутюнова 1999: 95, 887, 888].

Отметим, что Н.Д. Арутюнова в основном относит номинации к именам. Среди имен Н.Д. Арутюнова выделяет :1) слова дейктические (своего рода «подвижные определители» (shifters), приложимые к любому референту. Содержание этих слов всецело обусловлено признаками денотата, выбор которого зависит от конкретного речевого акта); 2) имена собственные (слова, обладающие свойством уникальной референции. Их наполнение также обусловлено признаками денотата, выбор которого независим от условий коммуникации); 3) имена нарицательные (слова этого разряда обладают полной семантической структурой, складывающейся из некоторого понятия) [Там же: 2–5].

Говоря о предложениях в качестве номинаций, Е.С. Кубрякова считает, что предложения лишь условно могут быть причислены к единицам номинации: лексикон их не хранит (за исключением предложений-клише и фразеологических единиц типа пословиц, поговорок, афоризмов, сентенции и

т.п., которые, строго говоря, и не являются наименованиями чего-либо, хотя и обладают номинативным аспектом) [Кубрякова 1986].

Динамический аспект теории номинации развился в теорию референции.

Референция – это отнесенность актуализованных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам или денотатам). В современной лингвистике существует интенциональный подход к референции: не слово, а говорящий намеренно указывает на объект, употребляя нужное языковое выражение. Проблема референции требует отдельного рассмотрения.

Выводы:

Термин «номинация» понимается в данной работе в узком значении как обозначение предметов с помощью отдельных слов или словосочетаний. В этом определении проявляется этимологическое значение термина: *nominatio* – «наименование, дача имени». Согласно В.Г. Гаку, поскольку именуются, прежде всего, предметы, лица, то и номинация связывается с обозначением субстанциальных или мыслимых таковыми объектов [Гак 1977: 232–233].

Вопрос о том, как, каким образом человек именуется объективный мир, затрагивает слишком большой комплекс антропологических дисциплин, чтобы ответить на него однозначно. Но одновременно сложность и комплексность проблемы дает большой простор для исследовательских поисков.

Номинация понимается в данной работе как результат номинативного процесса, выраженный в тексте своего рода языковыми репрезентантами, т.е. языковыми структурами различной сложности.

1.2. Художественный дискурс и текст как объекты лингвистического исследования. Дихотомия дискурс-текст в современной лингвистике

Занимаясь изучением зоонимов в диахроническом дискурсе на раннем этапе становления французского письменно-литературного языка, в данном параграфе рассмотрим базовые теоретические понятия, необходимые в рамках нашего исследования. Поскольку мы рассматриваем лексико-семантическую группу зоонимов в художественном тексте, таковыми являются «дискурс», «текст», «художественный текст», «диахронический текст».

Термин «дискурс» имеет несколько определений: 1) В.А. Звегинцев рассматривает его с позиций формально- или структурно- ориентированной лингвистики [Звегинцев 1976: 147, 279, 280, 287]; 2) Р.О. Якобсон – с позиций функционального определения дискурса [Якобсон, НЗЛ-VIII 1978: 301, 302, 319, 411]; 3) Д. Шифрин подчеркивает взаимодействие формы и функции (Д. Шифрин) [Shiffrin 1994: 147– 149].

Существует оппозиция – *письменный текст* и *устный дискурс* при формальном подходе к изучению языка и речи. Попытка разграничить понятия «дискурс» и «текст» была предпринята в 70-х годах. Термин «дискурс», понимаемый как речь, «погруженная в жизнь», в отличие от «текста», обычно не относится к древним текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно [ЛЭС, 1998: 137; DLSL: 151]. Однако в последнее время наметилась тенденция к применению методологии дискурса и самого термина *дискурс* к языковому материалу разной культурологической и исторической ценности, например к произведениям литературы, в том числе и средневековым. По мнению М.Л. Макарова, дискурс изучает социокультурные, интерактивные стороны языкового общения, но из этого не следует вывод об ограниченности его интересов только лишь устным диалогом: практически любой фрагмент языкового общения, включая самый банальный письменный текст, может быть рассмотрен под этим углом зрения [Макаров 2003: 88].

Во многих исследованиях видна тенденция к противопоставлению дискурса и текста по ряду критериев, но существует и другой подход к этому вопросу. Например, некоторые ученые рассматривают *речь* и *текст* как два аспекта дискурса. Вследствие этого дискурс понимается широко – как все, что говорится и пишется, как речевая деятельность и языковой материал, где языковым материалом считается текст в узком смысле, как материал, фиксированный на том или ином материальном носителе. Текст и речь являются видовыми понятиями по отношению к термину «дискурс» и не являются оппозиционными понятиями [Там же: 89–90]. Широкой трактовкой термина «дискурс» мы будем пользоваться в работе.

История исследования дискурса, по мнению Т.А. ван Дейка [Дейк: 2000: 113–114], может рассматриваться с античных времен, начиная с трактатов по риторике, поэтике античных философов. Были заложены основы нарративного анализа, которые явились предшественниками, началом рассмотрения дискурса. Большое влияние в исследованиях уделялось анализу повествовательных структур, мифов, литературных и обыденных сюжетов, например, в работах Ролана Барта, Цветана Тодорова, Умберто Эко, Б.М. Гаспарова и некоторых других. В XX веке изыскания Т.А.ван Дейка, В. Я. Проппа, М.М. Бахтина, В.Н. Ворошилова, Р.О. Якобсона, К.Леви-Стросса дали различным школам лингвистики, антропологии, литературоведения, теории коммуникации, социологии и этнологии общие принципы и универсальные определения, что обусловило развитие междисциплинарных связей в теории дискурса. Глубокое изучение дискурса и дискурс-анализа находим в монографии М.Л. Макарова «Основы теории дискурса» [Макаров 2003].

По мнению М.Л. Макарова, современный интерес к дискурсу возник в 60-е годы XX века. М.Л. Макаров пишет, что влияние на дискурс оказывала социолингвистика, которая уделяла много внимания лингвистической вариативности, анализу функционирования и вариативности языка, разным типам дискурса, интерактивной социолингвистике, антропологии языка,

методологии и т.д. Появились работы по аналитической философии, повлиявшие на теорию речевых актов, логику речевого общения, риторическую прагматику, которые создали концептуальную структуру прагматической теории языка, которая соотносит языковые объекты с социальными действиями. Таким образом, возникли понятия референции, а в дальнейшем когнитивная психология, грамматика и лингвистика текста [Там же: 93–94].

Суммируя различные определения дискурса, М.Л. Макаров дает функциональную интерпретацию дискурса в самом широком понимании: это понимание дискурса как использования (употребления) языка, т.е. речи во всех ее разновидностях. В узком варианте понимания дискурса – это установление корреляции «текст и предложение» – «дискурс и высказывание», т.е. понимание дискурса как целостной совокупности функционально-организованных, контекстуализованных единиц употребления языка [Макаров 1998: 68–75]. Данная трактовка предполагает противопоставление дискурса как процесса текста и продукта речи.

Значительное внимание проблемам дискурса уделяет В.И. Карасик. Ученый считает, что дискурс, понимаемый как текст, допускает различные измерения. С позиции языкового материала, лексико-грамматической ткани текста дискурс анализируется в аспекте полноты, правильности, логичности высказываний, составляющих рассматриваемый текст. При имманентно-лингвистическом подходе к изучению дискурса исследователь исходит из концепта «правильно построенного дискурса» как идеального типа дискурса с отклонениями, которые не всегда можно анализировать [Карасик 2002: 198].

В дискуссии о дискурсе В.И. Карасик сближает его с понятием *текст*. В. И. Карасик пишет, что для лингвистики текста существенным является рассмотрение текста как процесса, а не как самостоятельного образования. Требуется переход к коммуникативной модели представления текста, т.е. освоение результатов исследований в связанных с текстом науках. Текст

изучается погруженным в ситуацию реального общения, т.е. концептуально и терминологически противопоставляются *текст в ситуации общения – дискурс* – и текст вне такой ситуации. На первый план выходят вопросы, связанные с прохождением понимания текста, исследуются не идеальные тексты, а текстовые стратегии в их разнообразных реализациях. В.И. Карасик считает, что вопросы, затрагивающие сущности текста как дискурса, рассматриваются при лингвокультурологическом исследовании текста. В этом вопросе он опирается на работы В. фон Гумбольдта и его последователей, а также представителей лингвистической антропологии. В.И. Карасик не проводит четкой разницы в определении данных двух понятий. Называя текст дискурсом, он считает главной его характеристикой ценностные признаки текста-дискурса как феномена культуры, изучая интертекстуальные отношения целого текста или его фрагментов, т.е. типов дискурса, вторичных текстов и т.д. Таким образом, одной из основных посылок при анализе дискурса у В.И. Карасика является текст как продукт коммуникации, который имеет несколько измерений, главными из которых являются прохождение и интерпретация текста [Там же: 188–200].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, то есть текст, взятый в событийном аспекте, речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах) [ЛЭС, 1990: 136].

Одним из ученых, кто много написал о дискурсе, является Б.М.Гаспаров. Он считал дискурс центральным моментом человеческой жизни «в языке», который включает в себя черты и климат эпохи, конкретной среды и личностей, которым адресованы сообщения, жанровые черты сообщений, той или иной коммуникативной ситуации, ассоциации с предыдущим опытом, попавшим в орбиту языкового действия [Гаспаров 1996: 10].

Рассмотрением текста как единицы дискурса занимался В.В. Красных. Автор обращает внимание на феномен, стоящий в центре коммуникативного акта, поддающийся непосредственно лингвистическому анализу, – текст. Он связывает текст с экстралингвистической реальностью, с когнитивными явлениями, рассматривает его как единицу дискурса, сложный и неоднозначный феномен [Красных 2003].

Вслед за М.Л. Макаровым мы понимаем *дискурс* как результат, «текст связной речи», который приводит к образованию языковой структуры. Поскольку дискурс неотрывен от реальности, в нем отражается накопленный народом опыт общения, в том числе в той сфере деятельности, за которой он закреплён. Дискурс для нас имеет связь с живой жизнью и ее событийным контекстом, социокультурными явлениями.

Текст – одно из ключевых понятий гуманитарной культуры в XX–XXI веках, применяющееся в семиотике, структурной лингвистике, филологии, философии текста, структурной и генеративной поэтике. Понятие «текст», как и дискурс, сложно и неоднородно. У авторов и ученых существуют разные определения этого научного термина.

Французский словарь DLSL (*Dictionnaire de linguistique des sciences du langage*, J. Dubois) даёт два определения, немаловажных для нашего аспекта изучения текстов: 1) текстом называют ансамбль любых лингвистических выражений, которые подвергаются анализу, таким образом, текст является отражением лингвистического поведения, которое может быть сказано или написано; 2) любой лингвистический материал формирует текст и может быть классифицирован на анализируемые классы: жанры и т.д., в свою очередь, которые тоже могут быть подвергнуты анализу, до последнего возможного деления (здесь перевод наш. – Е.Д.) [DLSL: 482].

Термин «текст» происходит от латинского слова *textō* (*сотканный, сплетенный*). Он получил широкое распространение в трудах французских гуманистов XVI века, вытеснив слово *glose* (*толкование, объяснение, глосса*). Как указывает Ф. Риголо, этому способствовал тот факт, что однокоренные

со словом *texte* слова расширили сферу своего влияния и стали употребляться по отношению к литературным произведениям. Так, слово *texture*, или *tisture* (*структура, строение ткани, текстура*) из языка юрисдикции и риторики перешло в язык поэтики [Rigolot 1982: 187–189; Игнатъева 2001: 25].

В теорию текста большой вклад внесли такие ученые, как И.Р. Гальперин, Н.Н. Михайлов, Ю.Н. Земская, Д.С. Лихачев, Е.С. Кубрякова. Содержательный аспект текста рассматривался в трудах В.В. Виноградова, Л.В. Щербы, И.И. Мещанинова, С.Д. Канцельсона, Н.С. Поспелова, О.И. Москальской, И.Р. Гальперина, З.Я. Тураевой, Е.А. Рефорофской.

С середины XX века оформилась дисциплина, изучающая текст, которая называется лингвистика текста. Лингвистика текста изучает различные аспекты текста: онтологический, гносеологический, собственно-лингвистический, психологический, прагматический. Изучение текста как системы высшего ранга синтаксического уровня языка предполагает признание того, что текст есть некое сложное единство, структурно-семантическое образование, отличное от простой последовательности предложений. При установке на сообщение возникает оппозиция текстов: художественные-нехудожественные. Вопрос о типологии текстов не является до конца изученным. Лингвистической науке предстоит продолжать поиск критериев, по которым можно противопоставлять тексты и объединять их по типам.

В целом можно сказать, что определение текста, которое можно было бы считать исчерпывающим, еще не выработано и что в данном случае лингвистика много лет оперирует понятием, не получившим своего четкого определения. Различные дефиниции текста приводятся в книге И.Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования» (1981, 2007). Так, в узком понимании у И.Р. Гальперина текст – это «фиксированное на письме речетворческое произведение» [Гальперин 1977: 524]. В широком определении текста прежде всего выделяются грамматико-когезиальные

связи и понятие целостности. Ученый пишет: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовков) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 2007: 18].

Вышеприведенное определение текста является классическим, служащим базой для разработки различных положений лингвистики текста.

Рассматривая текст с точки зрения психологии и психолингвистики, Ю.Е. Прохоров определяет текст как «явление языковой и экстралингвистической действительности, который представляет собой сложный феномен, выполняющий самые разные функции: это и средство коммуникации, и способ хранения и передачи информации, и отражение психической жизни индивида, и продукт определенной исторической эпохи, и форма существования культуры, и отражение определенных социокультурных традиций и т.д.». Все это обуславливает многообразие подходов, множественность описаний и многочисленность определений текста. Ю.Е. Прохоров упоминает и о «ситуативной интерпретации текста», т.е. учете социально, психологически и культурно значимых условий и обстоятельств, так называемом поле прагмалингвистического исследования [Прохоров 2004: 12, 22].

З.Я. Тураева понимает текст как «некое упорядоченное множество предложений, объединенных различными типами лексической, логической и грамматической связи, способное передавать определенным образом организованную и направленную информацию. Текст есть сложное целое, функционирующее как структурно-семантическое единство». В своей работе З.Я. Тураева пишет о становлении лингвистики текста как новой области языкознания, на примере произведений отечественных и английских авторов

освещает основные направления ее развития, кардинальные понятия, такие как структура текста, единицы текста, категории текста и другие. Освещая основные направления развития лингвистики текста, З.Я. Тураева рассматривает такие направления, как: 1) изучение текста как системы высшего ранга, основными признаками которой являются целостность и связность; 2) построение типологии текстов по коммуникативным параметрам и лингвистическим признакам (плана выражения и содержания); 3) изучение единиц текста; 4) выявление особых текстовых категорий; 5) определение качественного своеобразия функционирования языковых единиц различных уровней под влиянием текста; 6) изучение межфразовых связей и отношений. Опираясь на труды немецких ученых П. Хартмана и Э.Косериу, З.Я. Тураева говорит о разделах лингвистики: 1) общая лингвистика текста; 2) лингвистика конкретного текста; 3) лингвистика типологии текстов; и различных аспектах текста: онтологическом, гносеологическом, собственно лингвистическом, психологическом, прагматическом; делает выводы по каждому из аспектов. Одним из немаловажных выводов, который подчеркивает З.Я. Тураева, является тот факт, что «одним из принципиальных достижений лингвистической науки явилось распространение текстоцентрического подхода к единицам языка. Его сущность заключается в том, что для адекватного описания языковых единиц разных уровней необходим переход от толкования этих единиц самих по себе к их интерпретации в контексте целого текста. З.Я. Тураева рассмотрела текст как продукт естественного языка и как феномен культуры, принадлежащий художественному языку, провела анализ взаимодействия номинативных знаков и эстетических знаков. З.Я. Тураевой принадлежит цитируемый вывод о том, что «для понимания природы текста немаловажное значение имеет отражение в тексте картины окружающего нас мира. В этом плане существует различие между художественным текстом и текстом, принадлежащим естественному языку. Если последний представляет собой отраженный и переработанный в сознании образ действительности, то

художественный текст сочетает отражение с вымыслом» [Тураева 2012: 6, 8, 10,11, 135– 137].

Определение Н.Н. Михайлова состоит в том, что текстами он называет статичные «произведения речи», формирующиеся в процесс ее функционирования и являющиеся единственным фактическим материалом, на котором можно изучать законы как самой речи, так и языковой системы, знаками которой она пользуется. Н.Н. Михайлов придерживался функционально прагматического подхода, согласно которому языковая система – это устройство для порождения конкретных текстов. Ученый занимался изучением дискурса и текста, противопоставляя данные понятия. В 1960-е годы Н.Н. Михайлов вступал в спор между «физиками» и «лириками», подходил к сравнению художественного текста и дискурса с научным и естественным [Там же: 11].

Г.В. Колшанский в русле коммуникативной лингвистики предложил считать текст основной единицей языка и коммуникации. Он считает текст динамической единицей, в отличие от слова и предложения, «в которой мысль не умирает изреченной, но действительно живет» [Колшанский 2006: 6].

Ю.А. Левицкий в работе «Лингвистика текста» рассматривает вопросы становления и проблемы порождения текста, говорит о статусе текста в языковой системе, связи текста и дискурса. Он предлагает несколько определений текста, в том числе текст как письменную фиксацию речи и, более широко, текст как объединение языковых средств, используемое в речи, которое обеспечивает их следование друг за другом и их отношение к суммарному смыслу этих компонентов. Автор говорит о минимальных компонентах текста, о «минимальном тексте», о комплексности текстовых образований. Также, что немаловажно для нашего исследования, Ю.А.Левицкий затрагивает проблему наименований в тексте, говоря о предметах или явлениях, характеристиках названных предметов или явлений, входящих в связный текст, упоминает проблему функции слов и формы их

выражения. Ю.А. Левицкий выделяет художественный текст как первостепенный для изучения [Левицкий 2006: 83–89, 98–99].

Проблему текста, его единиц: сложного синтаксического целого и сверхфразового единства, а также дискурса – рассматривает А.Ф. Папина. Автор говорит о различии в терминологии отечественной и зарубежной лингвистике, о развитии текста и дискурса, рассмотрении иерархии внешней и внутренней структуры текста, о текстообразующих категориях, необходимых для смысловой и структурной завершенности наблюдаемых языковых явлений, о прикладном значении текста, о языковой картине мира [Папина 2002: 8, 14, 19, 21].

Эволюция развития лингвистики текста на современном этапе дает нам примеры того, что в общей теории текста выделяется направление, посвященное теории художественного текста. Отметим наличие работ этого направления, например, работы Ю.М. Лотмана, Н.Н. Михайлова, В.Я.Задорновой, В.А. Лукина, Т.Г. Игнатъевой, Т.Ф. Плехановой, Д.Понтона, Т.В. Лариной и других ученых.

Ю.М. Лотман считает художественный текст особым образом устроенным механизмом, обладающим способностью заключать в себе высокосконцентрированную информацию. Ю.М. Лотман говорит о важности и иерархичности структуры художественного текста, о законах его организации, дихотомии автор-текст, о типах, жанрах и социальных механизмах текста как о задачах общенаучного значения. Особое место в художественном тексте занимает проблема значения, а также автор стремится раскрыть функциональность художественной структуры текста. По Ю.М. Лотману, мельчайший элемент структуры является содержательным, несет смысловую нагрузку [Лотман 1970: 8, 70, 360–365].

Н.Н. Михайлов указал на то, что труднее проводить анализ художественного текста по сравнению с другими его типами. В настоящее время теория художественного текста бурно развивается. Согласно Н. Н. Михайлову, художественный текст – результат использования языковой

системы для художественного отражения действительности. Н.Н. Михайлов рассматривал дискурс как промежуточную подсистему, приспособляющую языковые знания к специфическим коммуникативным целям, а художественный дискурс – случаем творческого использования языка, как динамическую вербально-когнитивную систему, функционирующую между двумя полюсами: объективной «предметностью» и субъективной «художественностью» вербального выражения, рассматриваемую в единстве с порождаемым ею текстом (текстами), представляющую собой вторичную семиотическую систему открытого типа. Находя свое воплощение в текстах, дискурс ими же и управляется, в этом заключается главный смысл данного лингвистического феномена: создание текстов является не только целью, но и средством его развития [Михайлов 2006: 6, 8, 14].

В.Я. Задорнова в работе «Восприятие и интерпретация художественного текста» говорит об исключительности изучения художественного текста с точки зрения понимания художественной литературы, перевода, систематического сопоставления текстов разных языков, диалектики лингвопоэтического и лингвостилистического изучения художественного текста. Она понимает художественный текст как сумму значений составляющих его единиц, видит двойственную природу языковых единиц в художественном тексте, что и наполняет, по ее мнению, его содержание. Согласно В.Я. Задорновой, в художественном произведении содержание и выражение семантического уровня служат выражением нового мета-содержания (коннотативного, метафорического и образного). Это содержание, в котором должно изучаться функционирование языковых элементов, и является предметом исследования в художественном контексте [Задорнова 1984: 8].

Т.Г. Игнатьева в работе «Типология старофранцузского текста» говорит о том, что текст для исследователей может служить языковым материалом, поставляющим данные о системно-структурных особенностях языка. Особенностью художественного текста, согласно Т.Г. Игнатьевой,

является то, что он представляет собой определенный лингвистический инвариант, в котором зафиксирована определенная авторская информация и который слабо меняется по истечении времени, а любые формальные элементы языка могут приобретать самостоятельную значимость и быть носителями эстетической информации [Игнатъева 2001: 8–18, 19]. Важнейшей чертой художественного текста ученые считают его антропоцентричность, когда познание и отображение мира в произведении художественной литературы направлено на познание человека, а все изображаемые художественные события есть средства всестороннего его показа [Герасимова 2011].

В.А. Лукин в монографии «Художественный текст: основы лингвистической теории» исследует широкий спектр актуальных проблем современной теории текста, определяет специфику художественного текста относительно других типов текстов, рассматривает знаки семиотических систем, языковые и текстовые коды, тексты разных типов и др. В.А. Лукин говорит о восходящем и нисходящем подходах к определению художественного текста, о множественности его дефиниций в зависимости от подходов, функций, направлений лингвистики, определяет концепт текста с такими компонентами, как: знаковая последовательность текста, связность, цельность, текстовый код, семантическая структура текста, композиция текста, интерпретация текста, произведение, авторский замысел, референтная область текста, функция текста, определяя их как сумму параметров для выявления типологической специфики художественного текста [Лукин 2005: 10, 12, 18].

Выводы:

Изучение рассмотренных нами категорий «дискурс», «текст» и «художественный текст» имеет большое значение для лингвистики в целом и лингвистики текста. Определения и характеристики понятий, связанные с дихотомией дискурс-текст, в настоящее время расширились, однако нет однозначных определений данных категорий в рамках диахронических

исследований. Некоторые ученые различают два этих понятия (В.В. Красных М.Л. Макаров), некоторые используют их как синонимы (Ю.А. Левицкий).

В исследовании мы придерживаемся положения тех ученых, которые говорят о невозможности «имманентного», изолированного изучения систем языка. Лингвистика, интегрированная в культуру, освещает понятие «лингвокультурология», а также специфичность различных текстовых организаций, в том числе и диахронических. Дискурс и текст необходимо рассматривать в широком культурологическом плане, с учетом специфики литературной коммуникации изучаемого периода.

В дихотомии дискурс-текст базовым теоретическим термином является термин «текст», т.к. для диахронического исследования этот выбор методологически важен. Подтверждением такого вывода могут служить слова И.Р. Гальперина о том, что текст представляет собой некое образование, возникшее, существующее и развивающееся в письменном варианте литературного языка. «Только в этом варианте расчлененность текста, эксплицитно выраженная графически, выявляется как результат сознательной обработки языкового выражения. В результате длительного процесса формирования письменный вариант языка выработал особенности, которые постепенно приобрели статус системности» [Гальперин 2007: 4, 10, 15, 16].

Мы понимаем *дискурс* как результат, «текст связной речи», который приводит к образованию языковой структуры. Поскольку дискурс неотрывен от реальности, в нем отражается накопленный народом опыт общения, в том числе в той сфере деятельности, за которой он закреплён. Дискурс для нас имеет связь с нелингвистическими обстоятельствами, с живой жизнью и ее событийным контекстом, социокультурными явлениями.

Текст – явление многогранное и разноплановое. Мы трактуем текст, вслед за Т.Г. Игнатъевой, как осмысленную последовательность словесных знаков, так как осмысленность, по словам Э. Бенвениста, является основным условием для придания чему-либо лингвистического статуса. Данное

определение привлекает нас своей лаконичностью и семиотической интерпретацией текста как языкового знака. Формальной стороной текста является его означающее в виде последовательности актуализированных словесных знаков. Означаемым является идеологическое содержание текста, которое, несмотря на свой фикционный характер, отображает в той или иной полноте картину мира. Текст – единица информативная, имеющая коммуникативную и грамматическую направленность.

Понятие дискурса рассматривается шире понятия «текст». В решении проблемы «дискурс-текст» мы присоединяемся к точке зрения тех ученых, которые рассматривают текст как способ реализации дискурса. Имея в виду диахронический аспект исследования, считаем необходимым пояснить, что под термином «текст» в данной работе понимается письменный литературно-художественный памятник средневековой литературной культуры, репрезентирующий языковую картину мира изучаемой эпохи и являющийся для нас источником материала для исследования.

1.3. Диахронический текст как особый тип текста

Поскольку мы изучаем зоонимы на материале диахронических текстов нам необходимо рассмотреть понятие и специфику диахронического текста. Важным моментом является то, что помимо оснований общетеоретического характера, изложенных выше, диахронический текст имеет свою специфику.

В зависимости от исторического периода, по существу, возникает проблема изучения «второго языка», что является, с одной стороны, трудностью, с другой – способом расширения кругозора культурологического, филологического и лингвистического кругозора. Два «способа существования языка» влекут за собой как различные перспективы рассмотрения языка, так и различные перспективы его исследования [Бугорская 2002: 55– 56].

Актуальными для изучения текста в диахронии являются работы Э.Бурсье, А. Доза, Ф. Брюно, В.Ф. Шишмарева, Л.М. Скрелиной, Л.А.Становой, А.Я. Гуревича, У. Эко и других.

О диахроническом тексте говорил А. Доза в работе «История французского языка», 1956 [Доза 1956]. Среди тем, касающихся старофранцузских текстов, в рассмотрении А. Доза были такие, как: переход от латыни к непосредственно народному французскому языку, строй и формы «нового» французского письменно-литературного языка, периодизация, описание языка, как официальных документов эпохи, так и художественной литературы, традиции сохранения и преподавания истории языка для последующих поколений [Там же: 376–378].

Теория Л.М. Скрелиной и Л.А. Становой изложена в работе «История Французского языка», 2005. Согласно этой теории, каким бы ни был подход историка языка к дихотомии язык-речь, основным источником знаний о состоянии языка в древнейшие эпохи для него остается текст. В истории французского языка есть целый ряд работ, посвященных изучению текста. Они относятся к медиевистике, текстологии, литературоведению и собственно лингвистике, в зависимости от тех задач, которые решаются в

процессе исследования. Данная работа Л.М. Скрелиной и Л.А. Становой уделяет большое внимание проблематике диахронических исследований. В рамках лингвистических исследований, согласно Л.М. Скрелиной и Л.А. Становой, текст рассматривается и как объект, и как материал исследования. В лингвистике текста существуют и общая теория текста, и такие более конкретные направления, как грамматика, стилистика и прагматика текста. Исследуются структура и семантика текста, его членение, единство и целостность, микро- и макроконтексты, ключевые слова и модели и т.д., что и является актуальным для данного исследования. Согласно Л.М. Скрелиной и Л.А. Становой, текст со стороны содержания представляет собой сложную структуру и может изучаться с разных точек зрения. Но кроме содержания, он обладает и формой, и даже формами, одна из которых создается его рукописным исполнением. Средневековые рукописи содержат многочисленные памятники художественной и научной литературы, документы, хартии и т.д. Многие из них дошли до нас в виде различных рукописных вариантов или списков. Количество вариантов может варьироваться от одного до двухсот-трехсот [Скрелина, Становая 2005: 28].

Долгие годы текстологи пытались «восстановить» первоначальный текст произведения, так называемый архетип, со всеми присущими ему языковыми характеристиками. Считалось, что для этого достаточно лишь «очистить» имеющийся рукописный текст от последующих «ошибок» и исправлений сcribes. Для этого все имеющиеся рукописные варианты и версии одного произведения сравнивались между собой, вычленялись ранние и поздние формы, «правильные» и «неправильные», французские и региональные, литературные и просторечные и другие. Затем одни формы заменялись на другие. Обычно такие замены производились с опорой на другие списки, или же при помощи ассонанса, метрики, рифмы стиха, или же на основании установленных законов языкового развития. Сравнение рукописных вариантов позволяло выявить пропуски или сокращения текста в одной рукописи и заполнить их вставками из другой. Все эти замены

нарушали языковое единство рукописного текста, однако исследователи не обращали на это внимания и полагали, что «воссоздали» текст оригинала. Такой текст назывался восстановленным (*restitué*) и получал статус первоначального, а его возраст, так же как и языковые характеристики, определялся временем создания произведения и отодвигались на 50–300 лет назад от имеющихся рукописных фиксаций, что, в свою очередь, вело к искажению хронологии и описания всей эволюции французского языка в целом.

Между тем текстологические исследования показали, что ни одна из существующих рукописей не восходит непосредственно к оригиналу: их всегда разделяет несколько промежуточных вариантов, с которых в свое время делались дошедшие и не дошедшие до нас рукописи. Устная основа многих произведений, например всех эпических поэм, предполагает возможное (со)существование разных устных вариантов, обуславливая таким образом, различие и рукописных вариантов. Кроме того, сами сcribes (писцы) часто выступали как активные соавторы, и рукописный текст, следовательно, являлся продуктом творчества не только автора, но и сcribes. Разграничение понятий «текст рукописи» и «текст произведения» являются базовыми понятиями современной истории французского языка.

История языка делится на периоды и изучается чаще в рамках определенных периодов. В романистике общеизвестны старофранцузский, среднефранцузский, классический и современный периоды языка. При изучении языка более поздних периодов, когда произведения не переписывались, а печатались в типографии, проблемы, возникавшие в связи с работой над рукописью, исчезли. Сохранились проблемы лингвистического и стилистического анализа и толкования текста, возникли новые проблемы в связи с развитием литературных жанров, нормализацией и кодификацией языка и др. Изучение эволюционных процессов на этапе современного существования языка ведется на базе не только письменной формы языка, но и устной звучащей речи.

По мнению Л.А. Становой, все издания старофранцузских текстов делятся на: 1) *учебные* – предназначенные для изучения истории языка и литературы. Тексты в таких изданиях максимально облегчены и снабжены необходимыми комментариями для учащихся; 2) *критические* – представляющие тексты, воссозданные из оригинальных, имеющие характерные черты текстов архетипов с присущими характеристиками: «очищенные» (без ошибок писцов), которые не годятся для серьезных исследований, т.к. могут быть не достоверны; 3) *дипломатические* – наиболее точные воспроизведения рукописного текста, неприкосновенные, со всеми знаками препинания и характеристиками старых рукописей. Современный подход к изучению языка старофранцузского периода предусматривает изучение только достоверного языкового материала [Становая 2017: 64–67].

Для эпохи Средневековья понятие текст оказывается двусмысленным и требует уточнения, идет ли речь о тексте произведения как элементе высказывания или о тексте рукописи как конкретном рукописном тексте. Такое уточнение является очень важным для датировки и описания проходящих в языке процессов, поскольку между текстом произведения и текстом рукописи имеются существенные временные и языковые различия. Известно, что рукописный текст не является прямой письменной фиксацией существовавших в устном виде тех или иных произведений. Текст, представленный в рукописи, не тождественен ни первоначальному (устному или письменному) тексту произведения, ни другим его вариантам, находящимся в других рукописях. Между созданием произведения в устной или письменной форме и его письменной фиксацией в виде дошедшей до нас рукописи (или рукописей) могло пройти от 50 до 300, а иногда и более лет. За это время многократная перепись рукописей существенно удаляла копию не только от устного оригинала, если он существовал, но и от его первых записей. По мнению Л.М. Скрединой и Л.А. Становой, в филологическом и диахроническом исследовании текст поставляет ученому материал для

описания фонетической, морфологической, синтаксической и лексической систем языка, их функционирования и использования в разных жанрах и стилях в разные периоды. Здесь выделяется два подхода к соотношению текста и языка в целом – текст признается представителем языка данного периода или представителем самого себя. В первом случае преобладает идея репрезентативности, тогда данные разных текстов, сводимые воедино, служат свидетельством общих языковых тенденций. Во втором случае преобладает идея дифференцированного характера текстов, тогда наблюдения, сделанные на том или ином тексте, служат для описания только этого текста [Скрелина, Становая 2005: 29].

Старофранцузский текст характеризуется многими учеными и как и памятник литературного творчества, и как исторический документ. Франсуа Риголо именуется литературное произведение того времени «монумент и документ», называя монументом сам литературный памятник эпохи и документом – возможность через текст изучать специфику описанного в нем исторического периода, его культуры и ментальности. Современное значение термин «текст» получил в начале XVI века, в труде Эразма Роттердамского «*De duplici copia verborum ac rerum*» – «О двойном богатстве слов и вещей». Великий философ под двойным богатством понимает одновременно возможность производить речь и практическую реализацию этой возможности. По мнению Ф. Риголо, в трактовке Э. Роттердамского «*la copia est a la fois promesse de generation (un discours «copieux») et realisation pratique de cette promesse («copie» du discours)*». Термин «текст» ведет свою этимологию от латинского *texto* (*сотканный, сплетенный*). Однокоренные слова расширили сферу влияния старого текста и стали употребляться по отношению к литературным произведениям [Rigolot 1982: 189–192].

Теоретическим основанием при изучении диахронического текста как текстотипа эпохи нам послужит концепция старофранцузского текста, изложенная Т.Г. Игнатъевой в работе «Типологии старофранцузского текста», в которой специально изучался диахронический текст [Игнатьева

2001]. Теория разработана в рамках семиотического подхода с общефилософскими сущностными основаниями, в настоящее время адекватными ко всем уровням языка. Специфика семиотического подхода к художественному тексту заключается в изучении его содержания через призму включенных в него знаков, характеризующих его как произведение искусства. Текст рассматривается как знак в купе его содержательной, формальной и функциональной сторон.

В старофранцузском языке термину «текст» соответствовало слово *conjointure* (соединение, связь, структура, расположение частей, строение), которое находит первое употребление у Кретьена де Труа.

Et tret d'un conte d'avanture

Une molt et bele conjointure.

[É. et Én.: 12–13].

Слово *conjointure* восходит к латинскому *junctura* в значении *dispositio* (распределение, размещение слов в тексте) и *compositio* (структура текста). *Conjointure* определяется как то, что объединяет различные элементы, трансформирует их в организованное целое. Данное слово не выдержало конкуренции со словом *conjunction* (от латинского *conjungere* – *unir*, объединять) и вышло из употребления. Эквивалентом старофранцузскому термину стало в XVI веке слово *contexture*, которому М. Монтень в своих «Опытах» дает широкий круг значений: от значения «физическая структура человека» (*nostre contexture, cette contexture naturelle*), «ментальная структура» (*une constante et solide contexture*) до значения «структура, диспозиция речи» (*la belle contexture, ingehieuse contexture*)".

По определению Т.Г. Игнатъевой, текст – полифункциональное явление, образование высшего порядка, который выполняет ряд функций: коммуникативную, когнитивную, эстетическую, экспрессивную, эмоциональную, культурологическую и другие. Текст обладает совокупностью свойств, присущих предыдущим по иерархии образованиям (слову, фразе), т.к. уровни языка изоморфны. Т.Г. Игнатьева определяет

старофранцузский текст как «текстотип эпохи», имея в виду, что содержательный семиотический компонент текста позволяет передать сквозь себя знания об эпохе, в которой данный текст был создан. В качестве определения старофранцузского текста автор предлагает считать «целостную со стороны содержания и со стороны формы единицу коммуникативного уровня, равную письменному литературному памятнику, представляющему из себя текстотип эпохи. Это литературно-художественный текст как наиболее широко представленный в культурном наследии изучаемой эпохи, представляющий наиболее многопланово идеологию, культуру периода» [Игнатъева 2001: 32].

Абсолютной чертой художественного текста (в том числе и диахронического) является антропоцентризм. В диахроническом тексте антропоцентризм исторический. Принцип историзма проявляется в том, что явление анализируется в его происхождении, в аспекте движения, в обусловивших его причинах, в связях с окружающим как часть более общего целого. В нашей работе принцип историзма проявляется в «жанровоцентрическом» подходе к тексту. Речь идет о такой специфической черте диахронического текста, как его жанровая детерминированность. Текст организован строго по жанровому принципу, т.е. обладает стереотипной организацией в рамках жанрового канона, что объясняет возникновение текстов разных жанров в изучаемый период.

Выдвигая в центр исследования старофранцузский текст, обратим внимание на основные характеристики, составляющие специфичность данного понятия в условиях Средневековья. Прежде всего, важно следующее положение П. Зюмтора: то, что говорится о любом тексте, приложимо в принципе и к средневековому тексту. Следовательно, все характеристики текста, о которых говорилось ранее, остаются релевантными и для старофранцузского. Вместе с тем диахронический текст как текстотип эпохи имеет определенные особенности. Это сложность акта его написания, специфичность мотивации акта написания, дороговизна, редкость, слабое

распространение и способы актуализации (пение голосом или рецитация) [Zumtor 1980: 41, 84]. Также необходимо отметить специфические особенности, выявленные Т.Г. Игнатъевой, связанные с категориями «жанр» и «автор», например, жанровая детерминированность текста, открытость, специфика литературной коммуникации периода и специфические свойства ее участников, глобальность [Игнатъева 2001: 177–178].

В экстралингвистическом плане XII и XIII века являются очень значимым периодом для становления и идеологического обновления общественного сознания французской народности и языка. Этот период называют Ренессансом Средневековья, «поворотным историческим моментом в развитии культуры Запада», связанного и с появлением интереса к отдельно взятой личности, обнаружением индивида в столь различных во всех отношениях средневековых текстах и их жанрах [Гуревич 2009: 31–33].

В собственно лингвистическом плане период XII–XIII вв. – это период становления французского письменно-литературного языка, появление светской литературы наряду с официальной литературой на латинском языке. Самосознание народности объективировалось в эпоху жанрового взрыва в языке, т.е. появление нового вида литературного творчества – прозы, которая составила контраст поэзии, дав возможность появлению новых жанров в литературе периода.

Долгое время к средневековым текстам (рукописям) относились только как к памятникам истории. В своей монографии А.Д. Михайлов отмечал, что с наибольшим увлечением ученые спорили более о бумаге, чернилах, почерке, но не о том, что этим почерком написано, хотя многие рукописи текстов были чрезвычайно интересны, многосоставны и ценны с точки зрения литературы и лингвистики [Михайлов 1986: 12].

Текст может изучаться как исторический памятник для получения данных исторического, юридического, социологического и другого характера, причем глубокое изучение непосредственно рукописного текста может привести к важным историческим выводам [Скрелина, Становая 2005:

27–32]. Ученые, например Умберто Эко, изучают старые (в том числе средневековые) тексты для того, чтобы дать представление об определенной эпохе с основательным разъяснением собственных философских предпосылок, и находят период Средневековья интересным и достойным глубокого изучения.

Понятие «диахронический» в современной науке означает «связанный с рассмотрением исторического развития тех или иных явлений».

Диахрония – это последовательность появления и развития каких-либо явлений во времени как предмет научного изучения. Аспект изучения языка в его динамическом развитии, взгляд на язык как на изменяющийся феномен во времени и в пространстве считается на современном этапе общепринятым. Диахронически-ориентированная лингвистика исследует временные и тем самым причинно-следственные связи в языке. Диахронический подход, однако, неправомерно отождествлять только с воссозданием истории языка (языков) на протяжении длительного времени. Предметом диахронического анализа являются любые изменения и межвременные связи в языке, вплоть до выявления, например, мотивированности знаковой единицы в одномоментном акте номинации: констатация производности одного слова от другого.

Для нас важно отметить, что текст является представителем языка данного периода. Изучение диахронических текстов привело к зарождению и становлению таких научных дисциплин, как текстология, палеография (вспомогательная историческая дисциплина, изучающая историю письма, закономерности развития его графических форм), история литературы, культуры и общества. Среди дисциплин есть история языка, историческая диалектология и текстология.

Период Средневековья в литературе называют «серым мысом перед Ренессансом». Далее рассмотрим, чем интересен нам этот период.

Термин «Средние века» впервые был употреблен в 1469 году, а в 1789 году – Французская Академия заявила, что Ренессанс – верхняя граница

Средневековья. Данный период в литературе очень сложно определить. Этот феномен был определен как «проблема Средневековья». Некоторые говорят о двух периодах его существования – с 700 по 1000 год и с 1000 года до Ренессанса, когда процветало рыцарство и распространение письма. В XI веке весь эпос представляли жонглеры – «потешники», которые своими текстами высмеивали церковные обряды, и вместе с ними исполнители высоких литературных жанров (эпоса и других стихов), которые, напротив, пользовались поддержкой церкви.

У. Эко считает Средневековье эпохой латинского языка, когда авторы переходят на народный язык и восстанавливается равновесие в языках, своеобразной эпохой «срединности» [Эко 2015: 12–13].

Вариативность текстов этого периода представляется нам многими жанрами литературы, например, наряду с жанрами агиографии и житиями святых, эпоха представлена старофранцузским животным эпосом, героическим эпосом (куртуазный, рыцарский роман), а также так называемыми малыми жанрами: фаблио, фабль, лэ и многими другими. Признаками старофранцузского текста являются фольклорная основа (некоторые формы устной речи, исторические придания) и стихотворная форма (10–12 сложный стих, деление на лессы или бранши, исполнение для пения, прохождение стиха через один мотив), а также своеобразный сюжет произведений.

XI век славится изобретением рифмы и превосходством мирской тематики над духовной. Трубадуры – первые профессиональные писатели (сочинители) в Европе, которые за свои песни получали плату.

В дальнейшем в XII веке на севере Франции возникает средневековый рыцарский роман. Древним аналогом средневекового рыцарского романа считаются греческие романы, которые были написаны в прозе с I века до н.э. по III век н.э. в прозе. Рыцарский роман стал творением образованных людей, которые хорошо владели искусством экспозиции. Тема куртуазной любви берет начало в поэзии трубадуров Южной Франции (XI–XIV вв.).

Куртуазный герой жил для того, чтобы служить своей даме, возлюбленной и замужней. На развитие темы куртуазной любви большое влияние оказал Овидий в произведениях «Наука любви» и «Лекарство от любви». В литературе того времени уже сформированы отличия романа от жести. Для рыцарского романа характерна насыщенность психологическим содержанием, интерес к реальной жизни и явлениям природы в конкретной обстановке действий, обязательно присутствует некая истина.

К данному периоду необходимо также отнести творчество Кретьена де Труа – автора «артуровских романов» (романов о короле Артуре): «Эрек и Энида» (1160), «Клижес» (1165) (сюжет похож на роман «Тристан и Изольда», «Ланселот или Рыцарь Телеги» (1170) (в романе рыцарь влюблен в жену короля Артура – королеву), «Ивен, или Рыцарь Льва» (1175), «Перенваль, или повесть о Граале» (1180).

Важным моментом в исследовании для нас явилось определение текстов как источников зоонимов. Так, например, Ю.Л. Лясота, автор отдельной монографии по зоосемии, подчеркивал, что зоосемия широко распространена в «совершенно определенных типах текстов», отмечая «детские тексты» различных жанров: сказки, басни, присловья и т.д., говорил о необходимости реанимации забытых мотивов в зоосемии. Текст определяется по его жанровой принадлежности, и уже затем на общей основе рассматриваются конкретные данные, например характер зоосемии в тексте [Лясота 1984: 96–97].

Говоря о заглавии в старофранцузских текстах, необходимо отметить работу Л.Г. Викуловой «Волшебная французская литературная сказка», в которой отмечается, что заглавие является важнейшим компонентом концептуально-тематической основы текста, контекстом основного текста. В работе приводится объяснение заголовка-синтеза, а также смысла единого заглавия, его отсутствия, подмены, описаны знаки стилистики заголовков, нормы времени и средства оформления заголовков. Согласно Л.Г. Викуловой, заголовок каждого отдельного текста сказки, предложенного

либо самим писателем, либо издателем, является не просто техническим средством закрепления текста, но скорее сигналом структурного характера. Заголовок включается в предтекстовую структуру. При минимальных языковых средствах заглавие является максимально информативным и эмоционально нагруженным. Смысловая емкость заголовка состоит в том, что он выступает семантическим репрезентантом текста. В данной работе Л.Г. Викулова принимает мнение других ученых о диаде заголовок-текст: заголовок является единицей коммуникативного уровня. Номинативы, представленные в заглавиях, отображают важнейшие компоненты концептуально-тематической основы текста, т.е. заголовок совмещает в себе процесс номинации (тексту дается имя), процесс предикации и процесс коммуникации [Викулова 2001: 144, 149].

Выводы:

Таким образом, литература периода разнообразна и наше обращение к текстам данной эпохи предполагает их изучение с собственно лингвистической точки зрения.

Определение старофранцузского текста, данное Т.Г. Игнатъевой, можно экстраполировать на другие периоды эволюции французского языка и рассматривать любой диахронический текст как целостную со стороны содержания и со стороны формы единицу коммуникативного уровня, равную письменному литературному памятнику, представляющему из себя текстотип эпохи [Игнатъева 2001: 32]. Для рассмотрения берется литературный художественный текст как наиболее широко представленный в культурном наследии изучаемой эпохи. Этот тип текста наиболее полно и многопланово отражает идеологию и материальную культуру периода.

Мы принимаем положение П. Зюмтора о том, что все то, что говорится о любом тексте, приложимо в принципе и к средневековому тексту, следовательно, все характеристики текста остаются релевантными и для диахронического текста [Zumtor 1980: 41].

Необходимо также отметить, что в науке сформировалось двойственное отношение к тексту как к объекту исследования. Одни ученые воспринимают текст как закрытый объект, независимый от условий создания, восприятия, внешнего контекста. Противоположная точка зрения состоит в том, что никакой текст не может существовать в себе самом, а живет в контексте экстратекстуальной реальности. Мы придерживаемся точки зрения о том, что при работе с диахроническим текстом нельзя исключить второй подход, при котором преобладает идея дифференцированного характера текстов. Наблюдения, сделанные на том или ином тексте, служат для описания только этого текста, так как исторические и экстралингвистические факторы влияют на процессы создания текстов, а сам текст не может быть автономен от условий внешнего контекста, то есть экстралингвистической реальности эпохи, в которой он порожден.

1.4. Зоонимы как объект лингвистического исследования

Лексико-семантическая группа «названия животных» давно привлекает внимание исследователей в связи со способностью ее единиц обладать многозначностью, основанной на метафорических и метонимических связях. Любовь ко всему живому определяет жизненный путь человечества многие века. Необходимость человека сосуществовать с животными породила огромный пласт зоологической лексики, которая составляет неотъемлемую часть любого языка.

История наименований животных начинается с ранних эпох эволюции человечества, когда анимализм являлся одним из базовых компонентов мировоззрения, люди складывали первые обобщения-символы, конкретизируемые в образе того или иного животного. Позднее приручение животных стало причиной новых форм символизации. Филологический анализ текста предполагает их истолкование [Лясота 1984: 97].

Ученые XX века разделяли именованя животных на собственно названия животных, обозначающие представителей животного мира, в таких терминах, как анимализмы [Козлова 2003: 14], зоосемизмы [Гутман, Литвин 1977: 147; Козлова 2003: 14, Лясота: 1984] зоонимы [Суперанская 1973, 2012] и вторичные переносные метафорические лексико-семантические варианты названий животных – зооморфизмы [Рыжкина 1980: 5]. Несмотря на значительное количество работ по изучению зоологической лексики, в теоретическом плане до настоящего времени очевидна некая произвольность, неопределенность при употреблении термина и понятий, связанных с именованями животных.

Употребляются в основном два термина для обозначения номинаций животных – «зоонимы» и «зооморфизмы».

Общеизвестно, что **зоонимы** – это наименования представителей животного мира, от греч. ζῷον животное, ὄνομα – имя. Первое, что обращает на себя внимание, это отсутствие однозначного определения понятия «зооним» в научной литературе. Ученые данную лексико-семантическую

группу определяют по-разному. Под зоонимами понимают нарицательные названия животных, собственные имена, клички животных, а также фразеологические единицы с упоминанием животных (пословицы, поговорки, сравнения).

Комментарии о зоонимах встречаются в рамках статей об ономастике, где речь идет об именах собственных, их происхождении и функционировании. Так, у В.П. Нерознак встречаем, что раздел ономастики, занимающийся кличками и названиями животных, называется *зоонимикой* [Нерознак, ЛЭС, 1987: 260].

Согласно отечественному словарю терминов по ономастике Н.В.Подольской, *о́нимы* (собственные имена, апеллятивы) – в ономастике репрезентируют общее наименование собственных имен. Термин объединяет различные классы собственных имён: антропонимы, зоонимы, топонимы, астронимы, фитонимы и др. По примечаниям ученого, форма *о́ним* удобна как объединяющая для всех соподчиненных терминов; она используется как термин, называющий совокупность собственных имен. Производными данной формы являются: *онимия*, *онимизация*, *деонимизация* и др. Форма *о́нома* служит для образования таких терминов, как ономастика, ономасиология, ономастикон. Таким образом, *зоонимы* – часть ономастики, вид *о́нима*, который может быть традиционным (Шарик – дворовая собака, Мурка – кошка) и у которого тоже могут быть свои подвиды: *а́нтропозоо́ним* (отантропонимический зооним – Васька – кот), *то́позоо́ним* (оттопонимический зооним – Амур – собака, Байкал – собака). *Зоонимия* – совокупность зоонимов, *зоо́нимный* – прилагательное к *зоо́ним* [Подольская 1988: 58, 59, 95].

В конце XX века в отношении наименований животных в русле когнитивных исследований ученый Ю.Л. Лясота применил термин «зоосемизмы», понимая под ними названия животных в прямом и переносном значении. Работа ученого является подробной попыткой семасеологического описания английской зоосемии с подробной

характеристикой английских зоосемизмов с точки зрения формальной организации. Отмечая важную необходимость рассмотрения зоосемии, с точки зрения формальной организации в плане выражения и с точки зрения семантического значения в плане содержания, ученый находил должным рассматривать ее структурные особенности: морфологический состав лексем и структурные типы зоосемизмов. Рассматривая данную проблему в синхронии и диахронии, Ю.Л. Лясота понимал под зоосемией «частные родовидовые общности, лексика которых охватывает как прямые так и переносные значения названий животных в широком смысле (млекопитающие и пр., насекомые, птицы, рыбы и пр.)». Ученый определял косвенную зоосемию как звуки, которые издают животные, а также ряд существительных или глаголов, произошедших от наименований животных «на основе семантической аттракции». Исследуя фразеологизмы, в узком смысле Ю.Л. Лясота под зоосемией понимал «совокупность лексики, тематически связанной с понятиями о животном мире». Отбирая лексику по принципу частотности употребления, то есть учитывая степень узуальности и стилистическую окраску, называл данную лексику зоосемическими словами или корнесловами (зоосемизмы-существительные, зоосемизмы-прилагательные т.д.), или – лексемами, если данные слова не входили в ряд фразеологизмов. Исследователь считал, что значение зоосемических лексических единиц, употребляемых в речи весьма часто и широко, в принципе направлено на иносказательное обозначение человека, чаще всего метафорическое, стилистически подчеркнутое, наделенное явно экспрессивными семантико-стилистическими оттенками, фигуральное и содержащее элементы образности [Лясота 1984: 3, 35, 41–49, 89, 96].

Из определений науки ономастики в XXI веке в части зоонимов необходимо отметить, что ономастика как наука имеет комплексный характер: лингвистические наблюдения и выводы опираются здесь на данные истории, этнографии, археологии, географии и др. наук. В ономастике изучаются история происхождения и современное состояние собственных

имён, их территориальное распространение, особенности функционирования в естественной речи и художественном тексте, варьирование, традиции и мода – самый широкий круг теоретических и прикладных проблем. Прикладная ономастика регламентирует письменную передачу заимствованных собственных имен, а также искусственную номинацию и переименование объектов [Матвеева 2010: 266].

Одним из первых отечественных ученых, предложивших классификацию имен собственных в связи с именуемыми объектами в ономастическом пространстве, является А.В. Суперанская. Согласно ее классификации, все ономастическое пространство может быть разделено на своеобразные секторы, внутри которых выделяются отдельные зоны или поля. *Зоонимы* А.В. Суперанская определяет, как имена различных животных, которые варьируются в разные эпохи. Она понимает зоонимы не только как имена различных животных, птиц, но и как раздел ономастики со своими традициями, которые варьируют в значительном диапазоне у различных народов и в разные эпохи. Необходимо пояснить, что А.В.Суперанская делит ономастическое пространство на секторы, внутри которых есть своеобразные зоны и поля, объективируя данное деление необходимостью обзора всего пространства в целом – и реального и фантастического. Среди живых существ или существ, воспринимаемых как живые, в этом пространстве она определяет антропонимы, зоонимы и мифонимы. В их описании собственные имена делятся на личные, индивидуальные и родовые. Индивидуальные даются людям и домашним животным, родовые собственные имена – диким животным. В последнем случае к «макрозоонимам» могут быть отнесены собственные имена, которыми называют весь род или вид тех или иных животных. На стадии «микро», естественно сложившейся в процессе становления имени, микрозоонимами, согласно классификации А.В. Суперанской, называется нарицательное употребление слова и закрепление его за одним,

определенным в данной ситуации объектом, например верблюд [Суперанская 2012: 173, 178].

А.В. Суперанская определяет имена собственные по нескольким категориям, самой важной из которых, по нашему мнению, является классификация имен в связи с именуемыми объектами. Подход к делению (на секторы) может быть разным в силу не только объективных, но и субъективных причин, которые определяются как факторами общественного порядка, так и индивидуальностью исследователя. В своем исследовании А.В. Суперанская берет за основу классификацию А. Баха (1952), которую она называет «не до конца точной, но достаточно резонной». А. Бах распределил имена собственные таким образом, что имена живых существ или существ, которых считают живыми, в ней занимали первое место [Bach, 1952: 4; Суперанская 2012: 169–178].

Согласно определению А.В. Суперанской, зоонимы – имена различных животных, птиц и пр. – особый отдел ономастики со своими традициями, которые варьируют в значительном диапазоне у разных народов и в разные эпохи. По классификации зоонимы могут быть индивидуальными и групповыми: групповые – имена животных, даваемые всему виду в целом, известны из арабской зоонимии; индивидуальные – имена (клички) домашних и диких животных, имеют существенные отличия. Говоря об индивидуальных зоонимах более, чем о групповых, А.В. Суперанская, в свою очередь, упоминает среду приобретения имени: естественную или искусственную, национальный принцип называния: традиции культивирования, индивидуализации и именования, разновидности животных, доминирующие языковые модели (диалекты, диминютивы), выделяет в зоонимии официальные (паспортные) и неофициальные (обиходные) формы имен животных, сопоставляя зоонимию и антропонию. Имена животных в классификации А.В. Суперанской описываются и среди мифонимов. Мифонимия – сектор ономастического пространства, созданный наподобие реальной его части. В него входят

именования животных и т.п., в действительности никогда не существовавших. А.В. Суперанская подчеркивает, что без мифонимов, исследования других типов имен были бы неполными и хронологически неточными. На ранних этапах развития человеческого сознания, когда человек еще недостаточно четко выделял себя из окружающего мира, его мировоззрение было анимистическим. Он считал, что все окружающие его предметы обладают душой, наподобие человеческой. Душа была материальной. В связи с этим вера в ее чудотворную силу развивала зоолатрию – религию поклонения животным и терротейзм – обожествление животных. С развитием абстрактного мышления человек начал представлять себе предметы и животных как вместилища духов, существ высшего порядка, живущих в обществе, подобном земному, выделяя их в особый класс, несопоставимый ни с чем земным. Именования таких духов стали подобием известных антропонимов разных типов [Суперанская 2012: 178–181]. Впоследствии ученые назовут данный феномен зооморфизмом. В XX веке в обиходе ученых также было понятие «зоофóрное имя» – имя собственное, любое имя, образованное от названия животного, в том числе топонимом, гидронимом, антропонимом [Суперанская 1969, 1973].

Одной из современных теорий об именах собственных в художественном тексте является классификация С.П. Васильевой, предложенная в работе «Имя собственное в языке и в художественном тексте». Автор рассматривает имена и номинации конкретно в художественном тексте, теория применима для литературной ономастики. Так, согласно С.П. Васильевой, номинация (процесс приобретения имени или названия) происходит на основании того или иного выделяемого в денотате признака, с помощью которого объект включается в определенный класс объектов, для которых в языке либо имеется закрепленное наименование, либо оно может быть сформировано из существующих языковых элементов. С.П. Васильева различает четыре вида номинаций: 1) номинации, соответствующие нормам и образующиеся естественным путем. Они

называются нормальными, или естественными, номинациями; 2) мутации, то есть номинации, характеризующиеся стандартностью, но возникающие в языке незаметно для его носителей. Такие номинации возникают на основе метафоры или метонимии; 3) номинации, создаваемые сознательно, номинации целеполагающего наречения, направленное введение названия в общественный лексикон, это искусственные номинации; 4) так называемая «паталогическая» номинация, представляющая отклонение от нормы, возникающая в результате влияния факторов экстралингвистического характера [Васильева 2017: 7, 138].

Д.И. Ермолович в работах по переводоведческой ономастике, анализируя концепции имен, определил зоонимы как имена собственные, присваиваемые животным. Ученый считал, что имеет смысл называть собственным именем далеко не каждое животное, а только домашних и хозяйственных или имеющих какую-то значимость для общества. Среди зоонимов Д.И. Ермолович выделял единичные и множественные (типичные), классифицируя зоонимы по категориальному признаку, т.е. отнесенности к тому или иному виду животных. Ученый в своих работах подчеркивает, что в наше время в лингвистической литературе данная категория имен слабо исследована. Д.И. Ермолович говорит о необходимости исследования вопросов разработки и передачи зоонимов в переводных текстах, видах зоонимов, их смысловых коннотаций, исследовании сказочных и фантастических зоонимов, связи зоонимов и антропонимов, трактовании образов зоонимов в фольклоре и литературе, словообразовании, ассоциативных связях и различий зоонимов в языках в синхронии и диахронии. Главной практической проблемой ученый определил полное отсутствие, по его мнению, справочников и словарей, где зоонимы – фольклорные персонажи – были бы описаны и систематизированы [Ермолович 2005: 276– 284].

Одной из последних актуальных работ по зоонимам можно считать монографию Ф.И. Карташковой, И.В. Куражевой и А.В. Егоровой «Имена

животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре» [Карташкова, Куражева, Егорова: 2009: 2]. В работе предлагается систематизированное описание участка лексико-фразеологической системы английского языка – имена животных в лингвокультурологическом аспекте. Работа ценна с точки зрения ориентиров английского этноса, анализа семантики имен животных в английском и русском этносах. Отдельно описаны результаты изучения имен животных в составе пословично-поговорочного фонда английского языка. В настоящее время зоонимы как отдельные лексические единицы и компоненты устойчивых выражений, широко представлены во всех языках мира, признанно относятся к самым древним и распространенным словам. Именно поэтому их следует изучать во многих аспектах, что подчеркивается в современных работах [Телия 1996; Козлова 2003; Карташкова 2009, Pinski 2017].

В последние годы предметом изучения стали зоонимы в составе фразеологических единиц в синхронии и диахронии на материале русского или разных иностранных языков. В диссертациях, посвященных их анализу, вместе с термином «фразеологические единицы» (ФЕ) ученые выводят и используют также различные термины, такие как «компонент-зооним» (Малафеева 1989), «анималистические фразеологизмы» (Бирюкова 1990; Баш Хун 1999), «зоофразеологические единицы» (Кацитадзе 1985), «фразеологические единицы с зоонимическим компонентом» (Козлова: 1991), «фразеологические зоонимы» (Марданова 1997; Москаленко 2012). Предметом изучения в XX веке в основном явились семантика зоонимов, их значение. Образные и переносные значения зоонимов и способы их номинации изучались чаще в лингвокультурологии с позиции их этнической или этноспецифической значимости (Хахалкина 2002), лексико-фразеологических систем и анализа семантической структуры имен животных и зооморфных метафор английского языка в пословично-поговорочном фонде [Карташкова, Куражева, Егорова 2009].

Т.Ф. Ефремова в толковом словаре, комбинируя множество понятий через приставку *зоо* – начальную часть сложных слов, вносящих значение *зоологический*, связанный с животным миром, определяет понятие зоонима через термины «зооморфизм», «зооморфический» и «зооморфный». «Зооморфизм» – представление богов и духов в образе животных, «зооморфический» или «зооморфный» – соотносящийся по значению с существительным *зооморфизм*, связанный с ним. Под «зооморфизмом» Т.Ф.Ефремова понимает представление богов и духов в образе животных [Ефремова: 2000].

Л.В. Кузнецова объясняет «зооморфизацию» как способ самоидентификации, процесс уподобления животному, средство обретения идентичности человеком в социуме. Животные неотделимы от человека в течение жизни. Согласно Л.В. Кузнецовой, зверь является самой древней, архетипической формой визуального мышления человека. Это первый Другой, с которым сталкивается в процессе своего социального становления ребенок, слушая, смотря и читая сказки, а позже басни, где животные являются главными действующими персонажами. Здесь они антропоморфизированы, приручены человеком. Наделяя животного чертами самих себя, люди снимают оппозицию «животное-человек» как трансформацию оппозиции «природа-цивилизация» и создают вокруг себя мир, полностью понятный, упрощенный до одной-единственной точки зрения – человеческой, властной и иерархизированной. Л.В. Кузнецова говорит о том, что звери в сказках, детских стихотворениях, загадках, баснях, в массе книжной литературы и экранной продукции наделяются антропоморфными чертами: часто носят одежду, используют вещи человеческого обихода, передвигаются и мыслят как люди, говорят человеческим языком. Таким образом, животные оказываются неким атрибутом человеческого бытия и теряют статус равноправного субъекта. Процесс зооморфизации Л.В. Кузнецова рассматривает в противоположность антропоморфизации как ее более раннюю стадию, стадию вхождения

человека в социум, уподобления животному как средство обретения идентичности в ситуации уже назревшего конфликта человека с социумом. Идентификация себя с животным помогает по-новому взглянуть на многие стороны человеческой природы, посмотреть на проблемы людей как бы со стороны и увидеть решения, которые были бы недоступны для «внутренней», внутричеловеческой позиции [Кузнецова 2013: 68–69].

Т.В. Матвеева определяет «зооморфизмы» как метафорические характеристики лица, образованные от животных: *баран, змея, гусь, паук* – о человеке; как обширную группу экспрессивной лексики, специфика которой состоит в диффузности значения: в зооморфизмах уподобление животному осуществляется на разных эмпирических основаниях. Так, согласно Т.В.Матвеевой, *петух* имеет актуальные смыслы: «задира, избыточно энергичный человек», «скандалист», «хвастун», «крикливо одетый человек»; *волк*: «злой, свирепый», «сильный, мощный», «гордый и одинокий»; *медведь*: «большой и сильный», «неуклюжий». Семантическим множителем в многозначном слове у зооморфизмов выступает весь эмпирический компонент лексического значения. Т.В. Матвеева также говорит о том, что зооморфизмы отражают национально-культурное представление о животных, которое складывается не без влияния фольклора и литературы. Некоторые зооморфизмы стали олицетворением нравственных качеств личности: *лиса* – хитрости, *заяц* – трусости, *осёл* – упрямства и глупости. [Матвеева 2010: 117–118].

Термин «зооморфизм» широко используется во фразеологии [Молотков 1977; Бакалай 1992]. Фразеологизмы с зоонимическим значением имеют ряд отличительных особенностей.

1. Зооморфизмы – это устойчивые словосочетания, содержащие прямое наименование животного.
2. Зооморфизмы всегда имеют переносное значение «человек».
3. Зооморфизм несет в себе оценку действий или поведения человека [Молотков 1977].

Отмечаем интересную работу С.Р. Омельченко [Омельченко 2007], в которой сделана попытка освещения областей языкознания, выделившихся на рубеже XX–XXI вв.: лингводидактики, когнитивной и коммуникативной лингвистики, лингвокультурологии и этнолингвистики. Обозначая свои научные интересы как «аспекты изучения языковой личности» или «антропологический ракурс новых областей лингвистики», С.Р. Омельченко видит их содержание несколько шире обозначенного, включает также описание некоторых явлений, не связанных напрямую с понятием «языковая личность», оставляя нам попытку, возможно, предположить, возможно, занять эту позицию зооморфизмами или зооморфическим аспектом лингвистики.

Изучение роли антропоморфных предметов в формировании мировоззренческих установок и жизненных стратегий личности рассмотрел в своей диссертации И.А. Морозов. Для достижения цели он решил выделить типы зоо- и антропоморфных артефактов в различных культурах; исследовать использование зоо- и антропоморфных игрушек в формировании и развитии «пространства личности» ребенка, осознании им своего «Я», противопоставленного Другому, преодолении им возрастного этапа «аутизма» и освоении социальных ролей [Морозов 2010]. При этом ученый использовал методы культурологического и этнолингвистического анализа, а также структурно-функциональный и структурно-семиотический методы. Результаты его диссертационного исследования интересны нам как смежные. Выделенные автором типы зоо- и антропоморфных артефактов в различных культурах позволили автору дать дефиницию понятиям, описать их разновидности.

Выводы:

В теоретической литературе, посвященной изучению способов номинации представителей животного мира, отсутствует единый термин для обозначения интересующего нас класса слов. Это объясняется тем, что исследования проводятся на базе разных дисциплин, разных уровней языка, с

привлечением разных методик. В работах предлагаются разные термины: «анимализмы», «зоосемизмы»; «зоонимы» и «зооморфизмы».

Чаще остальных встречаются термины «зооним» и «зооморфизм». В теоретической литературе, посвященной изучению способов номинации представителей животного мира, отсутствует единый термин для обозначения интересующего нас класса слов. Это объясняется тем, что исследования проводятся на базе разных дисциплин, разных уровней языка, с привлечением разных методик.

Мы полагаем, что в художественном тексте употребляются зооморфные зоонимы и незооморфные зоонимы. Данные термины не являются синонимами. Зооморфные зоонимы мы называем «зооморфизмы». Для незооморфных – оставляем термин «зоонимы». Зооморфные зоонимы имеют антропологический характер, т.е. они соотносятся с понятием «человек», в каждом конкретном случае приписывая этому понятию характеристики, связанные с образом того или иного животного. При этом, как показывает наше наблюдение, текстовые функции зоонимов, как зооморфных, так и незооморфных, могут быть разными. На функционирование зоонимов и зооморфизмов в художественном тексте влияет такой фактор, как жанр текста.

В данном исследовании мы принимаем термин «зооним» и трактуем его традиционно, как слово, употребляемое для обозначения животных в устном или письменном дискурсе. Выбор термина обусловлен тем, что он принят как в отечественной науке [Суперанская 1973, 2012; Нерознак 1987; Подольская 1978], так и в работах по грамматике и лексикологии французского языка, на материале которого проводится настоящее исследование.

Под зоонимом мы будем понимать группу имен существительных выступающих в качестве зоопоэтических номинаций в тексте, репрезентирующих языковые средства, семантической стороной которых являются образы животных.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Изучив теоретическую литературу по данному вопросу и обобщив вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что, несмотря на длительную традицию, проблема номинации остается в центре внимания современного языкознания, относясь к «вечным». Логика исследования, «зашифрованная» в названии темы работы, обязывает нас не только рассмотреть в качестве теоретической базы исследования конкретные положения теории зоономинации, но и раскрыть положения общей теории номинации, осветить дискуссию дихотомии «дискурс-текст», определить свойства и характеристики диахронического текста.

Термин «номинация» понимается в работе в узком смысле как обозначение предметов с помощью отдельных слов или словосочетаний, в частности, в данной работе номинация – это результат номинативного процесса, выраженный в тексте своего рода языковыми репрезентантами, т.е. языковыми структурами различной сложности.

Анализ научной дискуссии дихотомии «дискурс-текст» позволяет определить в нашей работе термин «текст» как осмысленную последовательность словесных знаков. Художественный текст рассматривается как каждый конкретный текст, порожденный в процессе функционирования художественного дискурса, то есть понятие «дискурса» рассматривается в данной работе шире понятия «текст». В решении проблемы «дискурс-текст» мы присоединяемся к точке зрения тех ученых, которые рассматривают текст как способ реализации дискурса.

Диахронический текст определяется как тип текста, особенность которого состоит в том, что это текстотип эпохи, т.е. письменный литературный памятник, представляющий из себя текстотип эпохи. Мы берем для рассмотрения литературный художественный текст как наиболее широко представленный в культурном наследии изучаемой эпохи. Этот тип текста полно и многопланово отражает идеологию и материальную культуру периода.

Мы принимаем во внимание положение П. Зюмтора о том, что все то, что говорится о любом тексте, приложимо в принципе и к средневековому тексту [Zumtor 1980: 41], следовательно, все характеристики синхронического текста остаются релевантными и для диахронического. Считаем возможным термин «дискурс» употреблять не только по отношению к синхроническим, но и к диахроническим текстам, определяя его терминологически как «диахронический дискурс».

В нашем исследовании мы принимаем термин «зооним» и трактуем его традиционно как слово или группу слов, употребляемых для обозначения животных в устном или письменном тексте. Зоонимы могут иметь зооморфический характер, т.е. выступать в качестве зоопоэтических номинаций в тексте, репрезентирующих языковые средства, семантической стороной которых являются образы животных, но могут и не быть таковыми, осуществляя прямую номинацию зверей как представителей животного мира.

В художественном тексте зоонимы могут приобретать символическую значимость, демонстрируя «приращение смысла» и усиление стилистического эффекта в зависимости от интенции автора.

ГЛАВА II. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗООНИМОВ В ЖИВОТНОМ ЭПОСЕ ФРАНЦУЗСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

2.1. Первые зооморфические тексты

Одним из древних жанров литературы о животных является жанр бестиария. Изучив литературу по данному вопросу, мы можем сказать, что бестиарии представляют из себя средневековые сборники зоологических статей, в которых подробно описывались различные животные, чаще вымышленные, мифологические. Классические бестиарии назывались «*Bestiarum vocabulum*», что буквально означает «Слово о животных». Обычно стихотворный или прозаический текст этого жанра о животных (от лат. *bestia* – зверь) сопровождался картинками, а все вместе смешивало реальный опыт с фантастическими существами или объяснениями, претендующими на научную истину и истолковывающими повадки животных в иносказательном смысле. Их реальное содержание было самым разным, зачастую даже не связанным с животными. Там же попадались тексты о птицах, камнях и даже рецепты целительных зелий. Трактаты по естественной истории обычно сопровождалась какой-либо поучительной христианской притчей. Все имена и названия обязательно имели некий священный смысл. Таким образом, бестиарии были еще и словарями символического «языка животных». Еще одной интересной особенностью бестиариев было то, что иллюстрации рисовались художниками, большинство из которых ни разу в жизни не видели таких животных.

Бестиарии появились в XII веке (Франция, Англия) и быстро завоевали популярность благодаря богатым иллюстрациям и интересным статьям. По сути, они являлись компиляцией древних текстов. Бестиарии письменные впоследствии вдохновляли бестиарии скульптурные, особенно характерные для романского искусства. Самые ранние сборники под этим названием появляются в первой половине XII столетия. Немалый вклад в содержание бестиариев был сделан крупными церковными деятелями – архиепископом Исидором Севильским и епископом Амбросом. Приблизительно с XIII века

основной функцией «Слова о животных» стало нравоучение. На правдивость излагаемых сведений никто не обращал внимания. Подавляющее большинство читателей искренне верили в написанное.

Общеизвестно, что сохранилось около 50 средневековых бестиариев. Самым старым считается бестиарий из шотландского города Абердин (предположительно XII век, возможно, даже старше), впервые упомянутый в книжной описи 1542 года. Для примера представим краткое описание свойств некоторых обитателей бестиариев XII–XV вв. Например, «казарка» – дикий гусь, растущий на деревьях. Когда птица достигает достаточных размеров, она отваливается от ветки и падает. Если дерево растет над водой, казарка уплывает в целости, а если над землей – разбивается насмерть. Считалось, что зерно истины в бестиариях все же было. Чисто научные наблюдения тех времен, попавшие в эти тексты, например исследование сезонной миграции птиц, оказывались среди выдумок и были заново открыты лишь сотни лет спустя. Парадная разукрашенность бестиариев и изысканные посвящения, сохранившиеся на первых страницах, свидетельствуют о том, что это чтение предназначалось для высших слоев знати и духовенства. Они были образованы в достаточной степени, чтобы оценить предлагаемые им аллегории зверей. Наука, которая занималась бестиариями, называлась «геометрией» — описание земли и существ, ее населяющих. В курсе геометрии излагались географические и космографические сведения, почерпнутые, например, из Орозия (V в.), читались Шестодневы (толкования библейского рассказа о творении мира) и бестиарии [Попов 2003: <http>].

Для бестиариев характерны преобладание символического взгляда на мир, вытеснившего натурфилософский подход, символизм, который был важным элементом средневекового мировоззрения, усиливал тенденцию нравственно-аллегорического толкования природы.

Необходимо обозначить, что бестиарии представляли собой переложения популярной на Востоке христианского мира книги «Физиолог», относящейся к IV веку, – компиляции учений о животном мире с

теологическими комментариями. Согласно многим ученым, «Физиолог» («Physiologus») – это памятник коллективного творчества, который исследуется учеными более 200 лет. Автор, время и место составления «Физиолога» неизвестны. Принято считать, что сочинения создано в египетской Александрии. Хорошо исследованы дальнейшая литературная история физиолога, его переводы и переложения. «Физиолог» состоит из 49 отдельных статей о некоторых реальных и мифических существах, в описаниях привязанных к богословским толкованиям (некая христианская зоология), иллюстрирующим новые идеи, нравственные установки, переводящие данных животных в категорию символов. Первые исследователи разделяли «Физиолог» на две части: первая – описание животных и их свойств, вторая – символические толкования этих свойств. «Физиолог» предстает посланием от наставника к посвящаемому, где под видом занимательных историй о животных говорится совсем о другом. Автор «Физиолога», описывая животных, говорит о поступках людей. Ученые называют это произведение христианским bestiарием [Юрченко 2001: 5, 6, 17; Ванеева 1996: 5, 6; Эко 2015: 130].

По мнению У. Эко, «Физиолог» написан на греческом языке в Сирии или Египте между II и IV веком, затем переведен и пересказан на латыни, эфиопском, армянском и сирийском языках. У. Эко считает, что все средневековые bestiарии восходят к «Физиологу». У. Эко предполагает, что в трактате дается точное описание животных, хорошо знакомых автору, а необузданная фантазия автора проявляется там, где речь заходит о животных, известных ему только понаслышке. В «Физиологе» заключено свое представление о форме мира, хотя довольно смутное: все существа вселенной возвещают о Боге, следовательно, каждое животное с точки зрения его формы и поведения надлежит рассматривать как символ высшей реальности [Эко 2015: 130].

В русской версии «Физиолог» также состоит из отдельных небольших глав числом до 50, дающих описание животных и птиц, насекомых,

минералов и т.д., перечисление их особенностей и свойств с символическими толкованиями (свойства зверей, например, сопоставляются с христианскими добродетелями). В «Физиолог» попали такие животные, как феникс, сирены, кентавры, горгона, единорог; перечисление свойств остальных животных и особенно символические толкования переносят читателя в совершенно сказочный мир. «Физиолог» пользовался авторитетом в Московской Руси в XVII веке. Славянские переводы «Физиолога» сохранились только в русских списках.

На западе Европы «Физиолог» пользовался большой популярностью. В XIII веке он был переведен с латинского на языки Европы и вошел в состав средневековых энциклопедий; символическая сторона его при этом ослабевает, сам «Физиолог» принимает форму естественно-научного труда.

Некоторые ученые считают, что «Физиолог» («Physiologus») – произведение поздней Восточной Империи, которое, в свою очередь, унаследовало иранские и индийские традиции. Автором «Физиолога» они считают неизвестного писателя, временем его создания – примерно II—III век. Согласно такой теории, этот труд, в свою очередь, основывался на более ранних книгах, прежде всего – на *Historia Animalium* («История животных») Аристотеля, написанной им во время визита на остров Лесбос в 343 году до нашей эры. Местные рыбаки регулярно приносили великому ученому всякую морскую живность, которая и вдохновила его на создание зоологического справочника. «Физиолог» хоть и основывался на трактатах Аристотеля, Геродота, Плиния Старшего, Солина и Элиана, но был стопроцентно христианским и очень далеким от истины. Именно с него пошла традиция «зоологической аллегии». Сообщалось, например, что львята рождаются мертвыми, и лишь на третий день лев – очередной образ Христа – оживляет их дуновением в ноздри (аналогично, человек рождается мертвым, пока он не крещен) [Попов 2003: [http](http://)].

В России в XIX веке «Физиолог» изучал ученый Александр Карнеев. В работе «Материалы и заметки по литературной истории «Физиолога» 1890

года он установил, что язык древнейшей редакции «Физиолога» указывает на болгарское происхождение перевода, сделанного до XIII в. Сказания «Физиолога» отразились на некоторых древнерусских текстах в разных сборниках, отчасти также в народно-поэтических произведениях. Физиологическая символика проникла и в памятники искусства. Александр Карнеев считал, что «Физиолог» – произведение неоднозначное, противоречивое, которое повлияло не только на церковную, но и на народную среду. Также А. Карнеев был убежден в том, что, помимо различных влияний, данное произведение жило собственной жизнью, перерождаясь в бестиарии тех времен. Говоря об источниках самого «Физиолога», А. Карнеев опирался на народные предания о жизни и животных [Карнеев1890: 3–4].

Жанр бестиария предполагает умение перейти от буквального прочтения к тому, что скрыто за поверхностью. В бестиариях авторы пользовались приемом зооморфизации и экстраполировали звериные повадки на нравы и обычаи феодального общества. Можно сказать, что жанр бестиария вносил аллегорический уровень смысла в средневековые тексты. Литературные тексты бестиариев нашли продолжение и в других жанрах литературы, например в жанре животного эпоса. Животному эпосу в работе будет посвящен отдельный параграф.

Необходимо также отметить, что семантической основой литературно-художественных текстов того времени являлась жизнь средневекового человека, где животным находилось место не только в будничной работе и рутине, но и в различных ритуалах, посвященных животным. Антропоморфизм животных олицетворял себя в различных празднествах, посвященных животным, а также ритуалах.

В.П. Даркевич среди стереотипных образов участников празднеств (жонглеров, музыкантов, кукольников) упоминает животных: дрессированных львов, танцующих собак, коз, ослов, забавных обезьян и неуклюжих медведей. Бродячие скоморохи показывали дрессированных

животных, которых обучали различным трюкам. «Очеловечивая» своих питомцев, выигрышно используя забавный контраст между «партнерами» (животными в сценках), дрессировщики разыгрывали потешные пародийные сказки. Для животных создавались «военные» игры, именуемые турнирами. Гротескные «всадники» были одеты наподобие рыцарей. Такие «турниры» занимали видное место в жизни средневековых людей XII–XIV веков, тем самым пародируя куртуазные нравы общества. Например, обезьяна верхом на козле символизировала чувственную распущенность общества, несовместимую с возвышенным идеалом рыцарской любви. Некоторые ритуалы были более серьезны, например, умерщвление «духа хлеба» – испанский ритуал с магическими заклинаниями и жертвоприношением птиц, болгарский ритуал с жертвоприношением петуха или гуся [Даркевич 1990: 58–68].

В. Тернер, опираясь на работы К. Леви-Стросса, описывая в своих работах различные ритуалы разных народов, показал, что символы общества обладают структурой, что они образуют классификационные ряды или модель для размышления и разговора о природе и социальной жизни. В одном из таких рассуждений В. Тернер упоминает антисоциальную силу колдовства, добавляя в социальный круг людей-колдунов их сородичей животных-монстров или мощных животных, которые действуют как орудия злобы или агрессии их владельцев, а иногда и по своему желанию и вопреки воли их хозяев, что носит более зловещий характер. Среди таких созданий, выращенных людьми сознательно для ритуалов или злодеяний, упоминаются водяная змея и гигантский рогатый пресноводный краб, терантропические (зверочеловеческие) существа первобытного мифа, например мужчины и женщин-ягуары из «огненных» мифов племен с берегов Амазонки, чьи фигуры символизируют отношения отцов и матерей к детям, социальный и психический конфликт в момент решающих социальных переходов [Тернер 1983: 10–15, 237].

Необходимо отметить, что в работах по литературоведению антропоморфные типы обрядов (обряды с участием только людей) и мифов описаны подробнее, нежели зооморфные (обряды с участием животных). Значительное место в зооморфной репрезентации социального общества в литературной культуре Средневековья принадлежит образу лиса.

В.Е. Орёл считает, что в большинстве культур к животным относились с огромным уважением, полагая, что они находятся в более тесном контакте с невидимыми космическими силами, чем человек. Их физические и сенсорные способности привели к общему убеждению, что животные обладают некой магической и духовной силой. Шаманы считали их посредниками при обращении к этой силе. Позднее христианство активно использовало анималистическую символику: на карнизах церквей можно видеть изображения животных-лиан, символизирующих переплетения растительной и человеческой природы. В бестиариях Средневековья животные символы служат идеологическими опорами воспитательной доктрины и моральных наставлений, иллюстрируют основополагающие христианские добродетели и объясняют религиозные таинства. Животные символы, являясь архетипами, воплощающими акцентуацию личности, отражают скрытые качества, свидетельствуют о существовании «зверя», таящегося в глубине человека. Дикие животные воплощают примитивные инстинкты: самосохранения, воспроизведения, стадности и т.д. Автором написана монография о символике животных, интерпретации символов в проекции к человеческой психике и роли животных в жизни человека [Орёл 2008: 71–72].

Выводы:

Зоонимические тексты имеют давнюю традицию. Древнейшим жанром литературы о животных является жанр бестиария. Классические бестиарии представляли собой стихотворный или прозаический текст о животных, содержание которого смешивало реальный опыт их описания с фантастическими объяснениями. Для бестиариев характерно преобладание

символического взгляда на мир. Общеизвестно, что сохранилось около 50 средневековых бестиариев.

Бестиарии считаются переложениями популярной на востоке христианского мира книги «Физиолог», памятника коллективного творчества, который исследуется учеными более 200 лет. В России в XIX веке «Физиолог» изучал ученый Александр Карнеев.

Антропоморфизм животных олицетворял себя в различных празднествах и ритуалах, посвященных животным.

Подводя итог вышесказанному, мы можем заключить, что описание животных, их номинация и символика, традиции и обряды, связанные с ними, дают представление об эпохе, помогают воссоздать современному человеку средневековую картину мира. Семантической основой для последующих литературно-художественных текстов Средневековья являлась жизнь средневекового человека, где животным находилось место в различных ритуалах, им посвященных, где антропоморфизм животных олицетворял бытие человека в метафорической, часто гротескной форме.

2.2. Персонаж Лис в исторической культуре разных стран

Персонаж Лис присутствует в многочисленных произведениях литературы и культуры разных стран и эпох. В данном параграфе рассмотрим характеристики персонажа Лиса в мифологии и символике разных культур, способы его репрезентации в литературных текстах в рамках зоопозтики.

Термин *зоопозтика* впервые был выдвинут Жаком Деридом в сборнике «L'animal que donc je suis» в 2006 году и понимался им как совокупность выразительных средств, связанных с образами животных, и исследовательская дисциплина, занимающаяся этими образами. Современные ученые подчеркивают, что до сегодняшнего дня об этом явлении многое неизвестно, например, нет исследований о различии культур и эпох с точки зрения зоопозтики [цит. по: Сид 2013: 59].

К описанию персонажа Лиса обращались такие ученые как, А.Д.Михайлов, Л.З. Колмачевский, В.Н. Топоров, Пу Сунлин, Jean Dufournet, A. Gubernauts и другие.

Миф с греческого μῦθος («миф») – означает предание, сказание. К числу древнейших и примитивнейших мифов принадлежат и мифы о животных. Они представляют собой лишь объяснение отдельных признаков животных. Глубоко архаичны мифы о происхождении животных от людей или мифологические представления о том, что люди были некогда животными. Мифы о превращении людей в животных и в растения известны едва ли не всем народам земного шара. Тотемические предки рисуются существами двойной – зооморфной и антропоморфной – природы и с легкостью меняют свои обличья, болезни имеют вид чудовищ, пожирающих души [Токарев, Мелетинский 1987: т. 1, 11–12].

Рассмотрим персонаж Лиса с точки зрения мифологического подхода. Значения, связываемые с лисами в разных традициях, которые образуют единый и весьма устойчивый комплекс мифологизированных качеств, состоит в следующем: хитрость, ловкость, пронырливость,

сообразительность, льстивость, вороватость, обман, лицемерие, осторожность, терпеливость, эгоизм, себялюбие, жадность, сладострастие, злонамеренность, злоумышленность, мстительность и одиночество. С образом Лиса обычно соотносится представление о чем-то сомнительном, фальшивом; лиса нередко оказывается неудачницей, попадает впросак. Лиса не связывается с мифологическими персонажами высших уровней. В мифологии данное животное персонифицируется чаще женским полом и редко мужским и называются как «лиса», «лисица», «лис», «лисовин». В мифопоэтических традициях образ лиса выступает как распространенный зооморфный классификатор, нередко функционирующий и в языковой сфере [Токарев, Мелетинский 2008: т. 1, 592].

Мифологические сведения о лисицах известны в разных странах, например, в Китае – «лисий» эпос о «лисыих чарах» Ляо Чжэя и о вмешательстве лис в жизнь людей; в китайской мифопоэтической традиции лиса считалась воплощением души мертвеца, и системе оберегов от лис придавалось особое значение [Пу Сунлин 1988: ч. 2].

На Востоке, в Китае лиса символизирует долголетие, лукавство, силу трансформации, духов мертвых. В Юго-Восточной Азии лисы играют большую роль в качестве эротического символа и в искусстве соблазнения: растертые в вине лисьи тестикулы ценились как непревзойденный любовный напиток; лисий хвост, носимый на руке, считался средством сексуального возбуждения. Лиса может характеризоваться магическими способностями. В китайской сказочной традиции лиса в возрасте 100 лет превращается в колдуна, обладающего магической силой, в возрасте 1000 лет попадает на небо и становится небесной лисой – тремя звездами в созвездии Скорпиона.

Широко распространены истории о превращении лисы в человека. Лисицы и супруги лисов никогда не переменяют одежд, но, несмотря на это, всегда чисты и опрятны. Они невероятно соблазнительны и неутомимы в эротических играх, могут лишить своих человеческих мужей всей жизненной

силы. Лисьи духи могут превращаться в людей, являясь собственно лисами-вампирами (коки-тено). Своим искусством обмана чувств они вводят людей в заблуждение и наводят порчу.

В японских сказаниях лисы играют роль ведьм, которые могут выступать и в другом виде. Предлагалось их сжигать, а пепел рассеивать в реках. В качестве средства от колдовства к дверям прибавали смазанную лисьей кровью морскую звезду. В Японии лис символизирует долголетие, магические силы для добрых и для злых дел, посыльного. Нередко конец лисьего хвоста символизирует «сокровище счастья». Падающие звезды именуется «небесными лисами». Белый лис Китсуне – спутник, ездовое животное и посыльный Инари (бога или богини риса и изобилия). Его деревянные или каменные фигурки устанавливают у торий. В зубах у них обычно: ключ от амбара с рисом – райское изобилие; миска – символ духа пищи; свиток буддийских сутр. В последовательно негативной роли лис не выступает, хотя на лисах наездничают призраки.

Фольклор признает за лисом необычайную жизненную силу: животное живет в норах, близко к житнетворящим силам земли; в пятидесятилетнем возрасте он может превратиться в женщину, а в столетнем – в юную девушку. Столетний лис приобретает сверхъестественную прозорливость: он знает, что происходит на расстоянии в тысячу миль, может повлиять на разум человека и превратить его в идиота; в тысячелетнем возрасте он становится небесным Лисом (тьен-ху), чрезвычайно чувственным и с девятью хвостами как символом его сверхъестественной силы. Лис, лисовин, лиса, лисица – в европейском фольклоре играет роль трюкача, подобную той, которую у североамериканских индейцев играл койот. В символике персонажа преобладает негативное значение, но иногда и мудрость, способность к отвлеченному мышлению, проницательность [Колмачевский 1882: 27; Топоров 2011: 359–365, Пу Сунлин 1954, 1970; Gubernatls 1872: 121–125].

В русской фольклорной традиции лиса является главным персонажем, одним из героев животной сказки.

В Америке существуют «Сказки дядюшки Римуса», где наряду с Братцем Кроликом участвует Лис. Специализированный «лисий фольклор», особый словарь охоты на лис и приемы «лисей магии» создаются среди охотников, например в английских охотничьих клубах. В Северной Америке лис – это хитрость, лукавство, любовь к надувательству. В народной традиции отмечался особый день, связанный с лисой или с началом охоты на нее, например день Мартына-лисогона (14 апреля); были популярны многочисленные разработки мотива мести или награды охотнику со стороны лисы.

У индейцев Северной Америки, гренландских эскимосов, коряков, народов Сибири, в Китае известен сюжет о бедном человеке, к которому каждое утро в дом приходит лиса, сбрасывает свою шкуру и становится женщиной. Когда человек это случайно обнаруживает, он прячет шкуру и женщина становится его женой; но жена находит свою шкуру, оборачивается лисой и убегает из дома.

В Азии при обилии сказок о хитростях и проделках лисы существуют сюжеты, связывающие ее с другими животными. Изменение лисой своего облика объясняет ее роль как демона, злого духа, оборотня, колдуна и даже самого дьявола. В этой функции лиса становится одним из персонажей эпоса в двух главных его формах – фольклорно-сказочной и литературной, поэтической [Пу Сунлин 1988].

В Северо-Восточной Азии при множестве сказок о хитростях и проделках лисы существуют сюжеты, связывающие её с вороном, творцом мира, создателем солнца, луны, звёзд, земли, культурным героем; в них лиса противостоит ворону. Особенно показателен мотив измены ворона Кутха с лисой своей жене в мифах ительменов (одних из коренных народностей полуострова Камчатка). В китайской и японской традициях рассказы о лисах обнаруживают совпадения с европейскими средневековыми историями о

суккубах, инкубах, роковых невестах, с одной стороны, и функцию лисы как трикстера (обманщицы, шутницы), соперничающего с другим трикстером (поедание мяса у Койота, обман Ворона у народов Северо-Восточной Азии) или животным, пользующимся особым престижем (медведь) или известностью (волк, заяц, петух и т. п.), – с другой.

В астрономии и астрологии существует созвездие Лисички, лат. *Vulpecula*, называемое в некоторых традициях «Лиса с гусем».

В магии лисий жир успокаивает ушную боль. В гаданиях – черный лис – к счастью; белый – к беде; три лиса – к катастрофе. Лис, увиденный во сне мужчиной, символизирует духовные способности, остающиеся неосознанными или неразвитыми – непознаваемую и непостижимую часть души, которой невозможно овладеть с помощью анализа. В женских снах он олицетворяет а́нимус – «жизненное начало» или «душа» в, соответственно, женском и мужском родах – термины, введенные в психологию для обозначения архетипических образов, связанных, соответственно, с женским и мужским полом.

В геральдике и эмблематике лис встречается на гербовых щитах, на знаменах и вообще означает лукавый ум.

В средневековых bestiариях лис характеризуется как животное, непревзойденное в лукавстве, вероломстве, обмане и хитрости; его сравнивают с людьми развратными, соблазнительными, лжесвидетельствующими, совершающими кражи, убийства.

В древности лис воплощает коварство и злобу. В античные времена праздник Цереры среди прочего призванный защитить урожай от огня, сопровождался полевой охотой на лис, к хвостам которых привязывали пылающие факелы. В Древнем Риме лис расценивался как демон огня. В северных традициях, в Скандинавии «лисий свет» – это «северное сияние».

У германцев лис – это животное богатого трюками бога Локи. Рейнеке-лис из «Мастера Рейнеке», отражающий злобное лукавство и коварство, находит выражение также в других средневековых книгах о животных.

Обычны представления о лисе как воплощении дьявола: красноватый окрас меха напоминает огонь, что причисляет его к свите дьявола; умение прикинуться мертвым, чтобы схватить свою жертву – любимая тактика Сатаны; порча виноградной лозы олицетворяет действия еретиков и врагов Церкви [Колмачевский 1882: 27; Топоров 2011: 359–365; Пу Сунлин 1988].

Во Франции Лис становится героем крупного поэтического произведения, известного как «Роман о Лисе». Данное произведение в силу его большого объема и, очевидно, по аналогии с героическим эпосом Средневековья, принято называть «животный эпос».

Выводы:

Персонаж «Лис» имеет богатую традицию репрезентации в разных областях литературы и культуры. Проводя исследования, мы наблюдаем многообразие типажей лисов в литературе, религии, мифологии, фольклоре.

Лис очень популярен в мировой литературе и широко представлен на разных языках во всех областях культуры. Подобные персонажи существуют в литературе и фольклоре многих культур мира и чаще всего представлены в образе лиса. Эти персонажи демонстрируют одновременно практическое умение хитрить в поисках пищи и хорошее владение речью, способность соблазнить словом: найти в разговоре с противником слабое место, чтобы тут же изобрести «ловушку», подменить реальность вымыслом, опровергнуть правду, вполне очевидную для обманываемого, выдумать несуществующие чудеса и заставить собеседника в них поверить.

2.3. «Роман о Лисе» как произведение животного эпоса Средневековья

В данном параграфе рассматривается литературный текст старофранцузского животного эпоса – «Роман о Лисе». Старофранцузский стихотворный «Роман о Лисе» возник на рубеже XII–XIII веков. Яркое, остросюжетное произведение стало подлинным шедевром европейской средневековой литературы. В одном жанровом ряду с ним стоят другие многочисленные произведения о животных. Роман о лисе А. Л. Штейн считается выросшим из жанра фэблио – маленького рассказа в стихах, описывающего какой-то жизненный факт [Штейн 1988: 29–31].

Ученые отмечают, что *роман* есть не что иное, как французская версия латинских рассказов, а слово «роман» во французской средневековой литературе включало псевдоисторические или легендарные повествования на народном языке. Роман отличается от мифа, песни и других жанров. Средневековый роман – центральное явление средневековой светской литературы, сфера постановки и разрешения важнейших проблем человеческой личности и ее отношений с миром. Персонажи, события и ситуации средневекового романа имеют, прежде всего, символический, знаковый характер, являются носителями определенных функций в системе целого. Средневековый роман ориентирован не на внешние образцы, непосредственно почерпнутые из окружающей жизни, а на традиционные, в конечном счете архетипические образы и отношения. Термин «роман» широко понимали, включая переложения разнообразных героических и любовных историй на «романском» языке [Rousse 1994: 11; Мелетинский 1983: 3–23].

Слово *roman (romanza, romance)* появилось в Средневековье и означало поэтическое или прозаическое повествование на романском, т.е. не на латинском языке [Пахсарьян 2010: 402–405].

В данную эпоху люди любят слушать и рассказывать истории: в их замках сеньоры собирают жонглеров и труверов – артистов и поэтов, которые приходят выступать с поэмами, выученными наизусть. Во дворах

сюзеренов публика в основном любит рассказы о подвигах самых известных рыцарей, таких как Роланд или Ланселот дю Лак (Ланселот Озерный), также они ценят рассказы о любви, как, например, рассказ «О Тристане и Изольде». В городах и деревнях, однако, буржуа и крестьяне предпочитают смеяться над фаблио (маленькими комическими рассказами, часто с грубым смыслом) и, наконец, над «Романом о Лисе» – подлинном фельетоне о персонаже вне веры и вне закона, знаменитейшем в ту эпоху Лисе Ренаре.

Все истории, которые рассказывают люди в это время, существуют, прежде всего, в устной форме. Фактор устности или озвученности (от французского термина *vocalité*) произведений того времени был признан французским ученым Полем Зюмтором [Zumtor 1980]. Даже если люди читают, они все произносят вслух. Поэты, которые путешествуют по Франции, имеют репертуар в несколько вариантов, чтобы делиться ими с разной публикой. Так, часто они вносят изменения в повествование, изобретают новые сюжеты и эпизоды, которые всегда презентуют по-разному.

Начиная с X века такие истории начинают переписываться на пергаменте. Копиисты (те, которые копируют манускрипты) также переводят в письменную форму ту или иную версию историй, которые знамениты в данную эпоху. В манере некоторой игры они модифицируют некоторые эпизоды: добавляют, удаляют – все на их усмотрение. Так, существуют несколько разных версий для какого-то одного небезызвестного оригинального сюжета. «Роман о Лисе» принадлежит такой традиции, за исключением некоторых эпизодов, об авторах которых ничего не известно. Однако по многочисленным другим эпизодам понятно, что множество авторов поучаствовали в его создании [Le Roman de Renart classique Hatier 2002: 4 – 5].

В.Ф. Шишмарев считает, что язык дошедших до нас списков романа носит пикардскую окраску, в вокализме романа встречаются северонормандские черты. Автором второй «ветви» поэм о Лисе был парижанин

Пьер де Сен-Клу (конец 70-х гг. XII века). Одна из известных фрагментарных копий написана в Артуа. Бодлеанский список копии (Douce, 360), датированный 1339 годом, сохраняет довольно отчетливо языковые черты оригинала [Шишмарев, книга 1955: 157–158].

Роман написан восьмисложным стихом с парной рифмой. Размер стиха произведения был не новый: им писалось большинство стихотворных повествовательных произведений эпохи – рыцарские романы, назидательные сочинения, описания животных – бестиарии, басни и другие произведения. Части романа, написанные данным размером, ученые называют «ветвями» (от франц. *branches* – ветви, бранш). Ветви романа позднее были классифицированы. Традиционной считается нумерация Э. Мартена, автора, который подготовил первое критическое издание романа *Le roman de Renart*, р.р. E. Martin, Strasbourg, 1882–1887 (3 тома).

Есть мнение ученых о том, что к середине XIII века основной корпус «Романа» был завершен. Известный французский медиевист Жан Дюфурне в хронологическом описании Романа о Лисе датирует появление браншей (ветвей, или частей, романа) начиная с 1174 и заканчивая 1250 годом [Dufournet 1985: 500– 502]. Последующие продолжения и дополнения – это уже совершенно новые произведения, выступающие как намеренные парафразы и даже пародийные переосмысления памятника. «Роман о Лисе» может быть назван романом только условно, поскольку единство тем сообщает основное действующее лицо – Лис Ренар. По содержанию это ряд отдельных рассказов (браншей), имеющих различное происхождение.

«Роман о Лисе» не является романом в современном понимании этого термина, он представляется сборником отдельных историй, написанных между XII и XIII веками на романском языке. Каждая ветвь развивает историю, богатую перипетиями, а действие отвечает двум главным целям – заставить думать и размышлять. Ученые справедливо отмечают определенное единство «ветвей» романа, созданных между 1175 и 1205

годами. Оно реализуется на уровне трактовки персонажей, которые обладают фиксированными характерами и постоянными функциями в повествовании.

«Роман о Лисе», или «Роман о Ренаре», как называет его В.Ф.Шишмарев, в отношении материала стоит между сказкой о животных, басней или поучением, построенном на образах животных. Для объяснения сходства между этими явлениями формально В.Ф. Шишмарев считает два пути: от сказки к книжной форме и наоборот.

В эпоху романтизма сложилась теория Я. Гримма, считавшего исходной точкой развития народного «животного эпоса». Уточняя свою мысль, Я. Гримм полагал, что имена в романе носят германский характер. Ряд имен действующих лиц этого эпоса вышел из глубины германских лесов, а сюжетное сходство с некоторыми западноевропейскими рассказами он объяснял единым праисточником языка. Позднее была выдвинута идея заимствований, было уточнено понятие народного происхождения животного эпоса. Затем возникли немецкие обработки французских браншей [Шишмарев, книга 1955: 158–159].

«Роман» показывает сцены о животных в виде анималистической фантастики. Такой прием позволяет авторам скрыто критиковать реальных персонажей – поведение людей из общества того времени. Этот прием называется аллюзией – фигурой риторической, заключающейся в намеке на какой-нибудь предмет, не названный прямо. Слово «аллюзия» произошло от французского *allusion* – намек, что восходит, в свою очередь, к латинскому *alludere* – «подшучивать», «намекать». Это неявное, завуалированное, но ясное для адресата, упоминание о ком-чем-либо, затрагивание какой-либо темы с помощью намека. В литературе это стилистическая фигура, заключающаяся в соотношении описываемого или происходящего с устойчивым историческим понятием или крылатым выражением [Аллюзия. Словари и энциклопедии на Академике: <http>].

Животные в «Романе о Лисе» думают, разговаривают, смеются как люди. Авторы остаются свободными в своих фантазиях. Лис, например,

который выражается как человек, часто описывается автором как настоящий лис, который ворует кур, имеет настоящую рыжую лисью шкуру. Некоторые, привычные человеку животные, такие как собаки, остаются на протяжении романа обычными охотничьими собаками. Лошади остаются лошадьми. Это животное всегда очень близко находилось к людям и чаще использовалось в хозяйстве, в качестве домашнего скота, как предмет быта. В части романа «Renard et Chantecler le coq» («Ренар и Шантеклер петух») Лис сам имеет лошадь, управляет ей как человек, и галопом скачет на лошади:

Et Renars qui pas ne sojorne,

Molt esperone son cheval.

Par une sente, les un val,

S'en vet fuiant tot une pleigne. =

И Ренар, который не медлит,

Сильно прищипривает свою

лошадь.

По тропинке, по равнине

Он убегает.

(R.d. R.: 640–645).

Главный герой романа – Лис – очень необычный для того времени персонаж. По мнению А.Д. Михайлова, Лис поразительно многолик. Он считает, что образ Лиса нельзя рассматривать как олицетворение какого-то одного психологического типа и тем более как воплощение определенного социального слоя средневекового общества. А.Д. Михайлов представляет Лиса желчным мизантропом, своевольным феодалом, подвергаемым постоянному остракизму изгоем, задавленным тяжелой жизнью тружеником, неисправимым озорником, бунтарем, драчуном и забиякой. В его характере нашлось место для многих человеческих слабостей и пороков, но и для большого числа достоинств. Это человек, вообще находящийся в разладе со своей средой, точнее, живущий в обществе, раздираемом острейшими конфликтами. Лис Ренар в романе имеет все атрибуты знатного барона: он имеет землю и замок, женат и имеет детей, привязан к своему происхождению, членам своей семьи, он христианин. Несмотря на все это, он нарушает красивый образ феодального благородства своим криминальным

поведением. Ренар никого не уважает, даже короля Нобля (Льва). Во всех ситуациях он подчинен своей главной черте характера: хитрости.

А.Д. Михайлов отметил композиционную «открытость» этого причудливого романа: незавершенность основного конфликта – вражды и соперничества лиса Ренара и волка Изенгрина, в который включаются и другие представители животного мира, от льва до улитки.

Позднее создавались очередные ветви «Романа о Лисе». Они не только продолжали его, пристраиваясь к его концу, но и вплетались в его середину и становились в его начало. Так, после 1205 года, возникли XIII ветвь, рассказывающая, как Лис покрасился в черный цвет, и ветвь XXIV, посвященная «героическому детству» Лиса и Изенгрина, которая стала своеобразным прологом ко всему корпусу «Романа».

В разработках об истории наименований главных героев «Романа о Лисе» встречается информация о влиянии двух культур – французской и немецкой. Речь идет о большой поэме Ниварда Гентского «Изенгрим», завершенной около 1148 года. Нивард был по рождению немцем, учился во Франции, а затем обосновался в Нидерландах. Нивард был решительным приверженцем французской культуры: все положительные персонажи его животного эпоса имеют лоск французской куртуазности, а грубые волк и осел, напротив, именуется немцами. [Михайлов 1987: 4–23].

По-старофранцузски лисица называлась *goupil* (от лат. *vulpes*). После появления «Романа о Лисе» имя его главного персонажа Лиса Ренара (*Renard/t*) вытеснило прежнее наименование и стало обозначать лису как вид животного. Появились производные слова в активном словаре французского языка: *renarder*, *renardie*, *renarde*, *renardat*, *renardaille*, что означает *хитрость, ложь, обман, обманные манипуляции*. Появились слово *renardie* — *козни, плутни* (с резко отрицательным оттенком) и глагол *renarder*.

В словаре старофранцузского языка В.Ф. Шишмарева *renard* – существительное мужского рода, произошедшее от франкского имени собственного *Reinghart* – прозвище лисы в животном эпосе, ставшее затем

обозначением этого животного вообще и вытеснившее с XIII века старое *goupil* [Шишмарев, словарь 1955: 221]. В словаре Larousse Dictionnaire de la langue française lexis Lexis описание словарной дефиниции лисицы также начинается с отнесения к «Роману о Лисе». Мы видим: n.m. (de Renart, n.pr. qui a éliminé l'anc. *goupil*, à cause du succès du Roman de Renart, du frq. *Reginhart*): Mammifère carnivore à museau pointu, à queue longue... (сущ. муж. рода от Рейнхарт, имени собственного, которое вытеснило античное *goupil*, благодаря популярности Романа о Лисе, от франкского *Reginhart*, хищное млекопитающее с вытянутой мордой, с длинным хвостом)... Далее в словарной статье идет описание лисы [Larousse Lexis 1998: 1610]. Во вступительной статье J. Dufournet к французской версии «Романа о Лисе», ученый также пишет о германском происхождении *Renard* от *Reinghart*, имени популярного протагониста, привнесенного франками, модифицированного на французский манер и широко распространенного в литературе, сказках и устном творчестве периода [Dufournet 1970: 15].

После сложения основного корпуса «Романа» стали возникать его имитации, продолжения, переделки и переводы, причем не только на французском языке, но и на немецком, фламандском, итальянском и др. Известны такие произведения, как «Le Reinhart Fuchs» (на немецком языке), на итальянском языке создавались и самостоятельные произведения [Dufournet 1985: 502; Михайлов 1987: 34].

Выводы:

Старофранцузский стихотворный «Роман о Лисе» XII—XIII вв. – яркое, остросюжетное произведение, которое стало шедевром европейской средневековой литературы. В одном жанровом ряду с ним стоят другие многочисленные произведения о животных. Роман включает псевдоисторические или легендарные повествования на народном языке. Персонажи, события и ситуации романа имеют символический, знаковый характер, являются носителями определенных функций в системе целого произведения.

Существуют несколько разных версий одного оригинального сюжета «Романа о Лисе». Об авторах романа известно мало. «Роман о Лисе» не является романом в современном понимании этого термина, он представляется сборником отдельных историй, написанных между XII и XIII веками на романском (старом) языке.

Главный герой романа – Лис – необычный для того времени персонаж – многоликий плут, протагонист, вассал с необыкновенным поведением и репутацией. После появления «Романа о Лисе» имя его главного персонажа вытеснило прежнее наименование и стало обозначать лису. Появились слова-производные от данной номинации.

Роман стал одним из наиболее репрезентативных произведений эпохи в жанре животного эпоса. Животный эпос – это жанр городской литературы Средневековья, аллегорический эпос о животных, в котором смысловое пространство возникает при наложении звериных повадок на нравы и обычаи феодального общества, таким образом обретая игровую наглядность и комичность.

2.4. Зоонимические номинации персонажей в «Романе о Лисе»

Для рассмотрения номинаций жанра животного эпоса исследован наиболее репрезентативный текст данного периода – «Роман о Лисе».

Общая картина количественного распределения номинаций в данном жанре представлена 1220 номинациями животных, из которых 922 – однословные, 174 – двухсловные и 124 – многословные номинации. Процентное соотношение номинаций в данном жанре представлено в таблице 1.

Таблица 1

Жанр	Всего номинаций	Однословные	Двухсловные	Многословные
Животный эпос	1220	922	174	124
%	100 %	75 %	21 %	10 %

Процентное соотношение номинаций в жанрах.

Отметим, что мы рассматриваем примеры номинаций методом сплошной выборки, принимая во внимание номинации в речи автора и в речи персонажей, учитывая каждое словоупотребление отдельно.

2.4.1. Однословные зоономинации главного персонажа в «Романе о Лисе»

Рассматривается грамматическая форма однословных номинаций в жанре животного эпоса, способы выражения грамматических значений в изучаемый период, лексическая семантика однословных номинаций.

Данные по количеству всех номинаций представлены в таблице 2.

Таблица 2

Роман о Лисе	Лис	Волк	Волчица	Лев	Другие животные	Всего
Имена собственные	300	63	29	2	151	545
Имена существительные нарицательные	50	6	9	109	200	374
Имена прилагательные		-	3	-	-	3
Всего номинаций в числах / проц.	350 38 %	69 7 %	41 4 %	111 12 %	351 38 %	922 100 %

Данные по количеству номинаций.

Учитывая тот факт, что главный персонаж произведения является сюжетообразующим «событийным лицом» и по частоте номинаций значительно опережает других персонажей, рассмотрим отдельно номинации главного персонажа романа – Лиса. Номинации других персонажей рассмотрены в следующем параграфе.

Наблюдения за языковыми средствами номинации главного персонажа в тексте показывают, что чаще всего главный персонаж номинируется именем собственным. Это однословная безартиклевая номинация *Renart(d)*, *Renars(z)* с разными вариантами окончаний. С грамматической точки зрения мы отмечаем чередование флексии -s в номинации и ее отсутствие. Наличие и отсутствие флексии объясняется наличием категории падежа у имени существительного в изучаемый период. Парадигма склонения, через которую реализуется категория падежа в старофранцузском языке, включает в себя

две формы падежа – форму прямого падежа и форму косвенного падежа. Флексия *-s* маркировала прямой падеж единственного числа 1-го мужского склонения. Отсутствие *-s* маркировало косвенный падеж. При этом *-z* являлось орфографическим вариантом *-s* [Скрелина, Становая 2005: 128 – 129]. Наблюдается достаточно часто смешение падежных флексий, когда косвенный падеж маркируется флексией *-s*, и наоборот, она отсутствует в прямом падеже:

Renart a fait tante moleste
Et conchiee tante beste
Que ja nus ne li doit aidier =

Ренар сделал много плохого и осквернил так много животных, что ни один никогда ему не должен помогать

(R.d. R. I: 85);

(здесь и далее перевод наш – Е.Д.)

Косвенный падеж:

Et quant il fut aseürez,
Molt fu Renars amesurez
Et voisiez a grant merveille

И когда он (Ренар) был осажен (захвачен), Многие стали Ренара умерять (обуздывать) и разглядывать как большое чудо.

(R.d. R. II: 275).

В данных примерах *Renart* – форма косвенного падежа, а *Renars* – форма прямого. При этом в первом примере слово употреблено в функции подлежащего, в прямом падеже и согласно парадигме в системе языка должно быть маркировано флексией *-s*. Среди примеров превалирует вариант *Renart* без *-s* в прямом падеже. Чередование *t* и *d* (*Renart(d)*) объяснялось особенностями фонетики периода [Скрелина 1972: 36–42].

Грамматическое оформление однословных артиклевых и безартиклевых номинаций главного персонажа Лиса, выраженных именами нарицательными, отражает особенности языкового состояния изучаемого периода. Происходит процесс морфологизации форм существительных, то есть в складывающейся новой морфологической структуре имени намечается

разрыв между лексической и грамматической частями слова [Скрелина, Становая 2005: 137]. Рассмотрим более подробно формы номинаций Лиса – имена существительные нарицательные. Так, мы встречаем слова, употребленные в следующих аналитических и флективных формах:

1) с формами артикля *li, le, un*, например: *le laron* (разбойник), *li/un losenger* (льстец), *li/le vilein* (крестьянин), *un traitor* (предатель), *le jungleor* (жонглер), *li/le gorpil* (лис), *li ber* (барон), *le teinturier* (красильщик), *un pelerin* (странник);

2) в флективных употреблениях: *engineres* (хитрец, изобретатель);

3) в смешанных флективно-аналитических формах: *li maufez* (мошенник), *li jungleres* (жонглер), *li lecheres* (развратник), *li gorpilz (-s)* (лис), *li courtilz* (придворный);

4) в безартиклевых формах: *sire* (сир), *gaignon* (затеваватель), *beste* (зверь), *gorpil* (лис), *laron* (разбойник), *teinturier* (красильщик), *fox* (безумец, дерзкий);

5) с указательным прилагательным *cest*, например: *cest laron* (этом разбойник);

6) с притяжательными прилагательными в формах *vostre, son*: *vostre sire* (ваш сир), *son seignor* (его сеньор);

7) с неопределенным местоимением *tel*: *tel compere* (такой соратник);

Количественные показатели употребления артиклевых и безартиклевых номинаций главного персонажа представлены в диаграмме на рисунке 1.

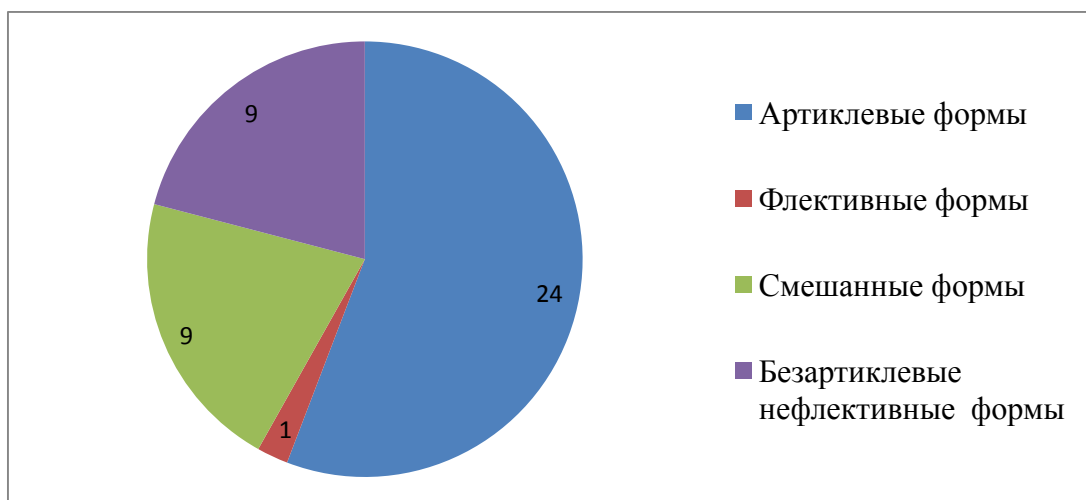

Рис. 1.

Формы имен существительных нарицательных, обозначающих номинации Лиса Ренара.

Как видно из диаграммы, наиболее частотными формами употребления зоонимов, обозначающих главного персонажа в романе, являются артиклевые формы имен существительных, что свидетельствует об укреплении аналитических тенденций в системе имени существительного в изучаемый период.

Проблеме склонения посвящена обширная литература. Не вдаваясь в дискуссию о причинах исчезновения склонения во французском языке, отметим тем не менее существование различных точек зрения на данную проблему. Мнения можно разделить в целом на две группы: ученые, которые считают, что оно было и исчезло в XIV веке. Это ученые, придерживающиеся классического подхода к проблеме склонения, например Н.А. Шигаревская, М.А. Бородина, Л.М. Скрелина, М. Cohen и др.

Другая группа ученых считают, что склонения не было, в частности, скриптолог Л.А. Становая в статье «Именное склонение в первых описаниях французского языка» придерживается мнения, сформированного ранее французскими учеными Ф. Гессаром (1840), Ф. Жененом (1845), Э. Литре (1886), Ж. Бедье (1927), Л. Фуле (1932) и др., о том, что «ни в одном из грамматических или орфографических трактатов французского языка нет ни одного свидетельства существования или разрушения французского именного склонения» [Становая 2007: 111].

В результате проведенного исследования Л. А. Становая приходит к мнению об отсутствии именного склонения уже в старофранцузском языке, причем ни причины, ни этапы разрушения склонения, ни его прогрессивное движение по диалектам с запада на восток в течение старофранцузского периода (IX–XIII вв.) никак не отражены в рукописях одних и тех же региональных письменных традиций. Л.А. Становая считает, что ориентация на разные нормы оформления имени (аналогическую или этимологическую) обусловила употребление разных графических форм в рукописях, что и создало иллюзию существования старофранцузского склонения [Там же: 105].

Широкое распространение получила точка зрения, в соответствии с которой причиной отмирания старофранцузских падежей явились начавшееся еще в народной латыни возрастание употребительности предлогов и влияние порядка слов на формы имени: «...с развитием предлогов падежи становятся все менее и менее нужными, играя как бы вспомогательную роль» [Репина 1996: 34–35].

В исследовании мы будем придерживаться традиционной точки зрения, которая состоит в том, что склонение было и исчезло в XIV веке.

Так, наш материал показал, что, несмотря на частотность аналитических форм, встречаются примеры и смешанного (морфологического и аналитического) оформления номинаций, например:

Mais li liceres li mentoit, ... = Но этот развратник (обжора) ему
лгал...

(R.d.R: 830).

В примере существительное *li liceres* употреблено с артиклем и маркировано флексией *-s*. Чаще всего подобные примеры встречаются в роли подлежащего, например:

Li gorpilz est tenuz pour fou = Лис здесь прослыл за дурачка

(R.d.R: 860);

Et li jungleres lor chantoit = И жонглер им пел.

(R.d.R: 2895).

Таким образом, анализ грамматической формы номинации главного персонажа показывает, что нерегулярность в употреблении склонения падежей была характерным признаком ее функционирования.

Обратимся к лексико-семантическому анализу однословных номинаций главного персонажа романа. Лексическая семантика однословных номинаций, обозначающих главного персонажа, разнообразна. Однословные зоонимы при номинации Лиса можно разделить на следующие семантико-грамматические подгруппы.

1. Имена собственные: *Renart, Renars(z), Renardet, Se Renart*.
2. Имена нарицательные-прямые зоонимы: *gorpil (лис)*.
3. Имена нарицательные – инвективы: *li liceres (развратник), taufez (преступник)*.
4. Имена нарицательные – названия профессий: *le jungleor (жонглер), teinturier (красильщик)*.
5. Имена нарицательные – косвенные или метафорические номинации: *beste (зверь), vilein (крестьянин)*. Рассмотрим некоторые примеры номинаций по подгруппам.

Имя собственное первого плана – *Ренар* – восходит к германскому *Raginhart* (*ragin – совет, hard – твердый*), получило распространение в латинизированной среде франков и имеет несколько местных (французских) вариантов: *Raynard, Reinard* – в Провансе, *Reinhardt, Reinert* – в Эльзасе и Лотарингии, *Reinaert* – во Фландрии и т.д. [Михайлов 1987: 26]. В данном вопросе А.Д. Михайлов ссылается на работу Н.П. Дашкевича «Вопрос о происхождении и развитии эпоса о животных» 1904года, которая сейчас имеет статус утраченной.

Начиная с V века для номинации лисы использовалось слово *gourpil* (с орфографическими вариантами: *golpil (gorpil, worpil, werpil, goupriz)*, которым именовались одновременно и другие хищники – собаки, волки, их детеныши. *Gourpil* стало архаизмом и постепенно вышло из употребления. В современных французских словарях слово *gourpil* маркируется как устаревшее (*mot vieili*) [Гак, Ганшина 1995: 511].

Среди номинаций главного персонажа романа Лиса есть инвективная лексика, направленная на обозначение его негативной характеристики, в соответствии со смыслом и сюжетом романа. Как известно, инвективы занимают определенное место в языке любого социума, вызывают определенный интерес при научном анализе в современной лингвистике.

На нашем материале встретились такие номинации, как: *laron (разбойник), traïtor (предатель), taufez (преступник), engignere (хитрец, изобретатель)*.

Рассмотрим номинацию *maufez* с семантическим значением – преступник, злодей:

Entre ses denz dist li maufez: Сквозь зубы сказал злодей: А вы, не
«*Et vos setes mal asenez!*» умны!

(R.d.R: I: 2855).

В словарях номинация представлена в формах: *malfart*, *malfaitor*, *malfaisant*, *malfaute (n.f.)*, *malfaiteresse (n.f.)*, *malfé*, *malfeu (malfeü)* со значениями презренный, плохой, приносящий любое разрушение, несчастье, невезучий, дьявол, криминальный, демон, рок несчастья. Для данной номинации характерна пейоративная приставка (префикс) *mau-* со значением негативного воздействия. Мы встречаем в словарях и глаголы *malfaire* (делать что-то плохое, приносить вред), *malduire* (делать зло). Данную номинацию автор использует для негативной характеристики при описании Лиса в романе.

В современном языке живут такие лексемы, как: *mauvais (плохой)*, *mal (плохо)*, *malfaiteur (злодей, злоумышленник)*, *malfaisant (зловредный)*, *malfrat (преступник, бандит)*. Слово *maffia, mafia (мафия, банда)* имеет то же негативное значение и восходит к вышеописанной номинации.

С точки зрения употребления специальной лексики Е.В. Казакова отмечает, что хитрость Лиса проявляется в тексте романа при помощи часто употребляемых глаголов *cuidier (воображать)*, *se porpenser (размышлять, обдумывать)*, *lober (обманывать, подшучивать)*, *engignier (обманывать)*, *bareter (хитрить, обманывать)*, а также существительных – *engin (ум, талант, хитрость, ловушка)*, *lobe (обман, насмешка)*, *barat (хитрость, обман)*, *guile (фокусы, проказы)*, *abet (хитрость, уловка)*, *sens (ум)*, *voisdie (коварство, хитрость)* и подкрепляется идеей мудрости лиса, его богатых знаний. Е.В. Казакова также считает, что в «Романе о Лисе» поведение главного героя объясняется чаще всего другой, наиболее понятной средневековому человеку причиной – чувством голода, которое выгоняет Лиса из дома не на поиски отчаянных приключений, а самого обыкновенного

пропитания. Лис, таким образом, не является только лишь отрицательным персонажем. Несмотря на нарушения закона и не всегда достойное поведение, Лис находит одобрение в глазах простого народа, которому был хорошо знаком голод, подробно описанный во многих ветвях романа. «Изначально именно такой мотив является доминирующим в поведении Лиса; голод изощрил его ум, укрепил волю. Будучи при этом конкурентом других хищников, охотившихся на одной территории, ему приходится идти на обман» [Казакова 2012].

В нашем материале встретилось слово *engignere* (*хитрец, изобретатель*), образованное от существительного *engin* (*engine, engine*), которое переводится на современный французский язык как *ruse* (*хитрость, способность, талант, сноровка, природные способности хитрить*) и имеет широкое значение. Однокоренной глагол *engigner* (*geignier*) (в современном французском *inginer*) переводится «*изобретать*», «*затеивать*» и говорит в тексте романа об изощренном уме, таланте того, кто может подобным образом хитрить [Шишмарев, словарь 1955: 89].

С развитием сюжета романа и усилением антропоморфизма и реализма в произведении в поздних браншах Лис Ренар становится развращенным бароном-мятежником, который причиняет зло из удовольствия, является архетипом всех пороков, олицетворением дьявольского характера, скрытого под символической рыжей шкурой. В тексте романа присутствует большое количество лексики, несущей отрицательную характеристику главного персонажа: *lecheres* (ругат., человек, впавший в разгул и наслаждения); *renoie* (богоотступник); *traitres* (предатель); *vil* (злодей); *le male lere* (отъявленный вор); *soulduiant* (мошенник); *fox garçon* (сумасшедший негодяй); *Renart li forsenés* (Ренар безумный).

Среди имен нарицательных – профессий, связанных с главным персонажем, мы встречаем такие номинации, как *teinturier, pelerin*.

Номинация *teinturier* (красильщик) образована от старофранцузского *teinture* (*tainct, tinctura-*) – «краска», «цвет», «окраска» [Шишмарев, словарь 1955: 251]. Рассмотрим пример:

En la mesin d'un teunturier, *В доме красильщика он говорил, что*
Dist qu'il estoit de son mestier. = *и он такой же профессии.*

(R.d.R., I: 2235).

В средние века профессия красильщика – это ремесленная специальность, существующая отдельно. Согласно М. Пастуро, это весьма закрытое и строго регламентируемое ремесло. В работе «Символическая история европейского Средневековья» ученый пишет, что, начиная с XIII века, во множестве документов оговариваются подробности организации этого ремесла и обучения ему, размещение красильных мастерских в городе, права и обязанности красильщиков, список разрешенных и запрещенных красителей. Исследования в рамках популярной в 1930–1970-х годах экономической истории позволяют понять, что данное ремесло всегда представлялось сомнительным и в той или иной степени осуждалось. Подозрительное отношение ко всем составляющим красильного дела характерно для многих обществ с древнейших времен. Однако в средневековой христианской Европе это недоверие проявляется сильнее, чем где бы то ни было, и находит выражение как в реальной жизни, так и в преданиях и области воображаемого. В многочисленных письменных и изобразительных источниках подчеркивается сомнительный и даже дьявольский характер этого ремесла, запрещенного клирикам и противопоказанного добропорядочным людям. Красильщики остаются загадочными и вызывающими недоверие ремесленниками, которые наводят на людей страх своей буйностью, сварливостью, сутяжничеством и скрытностью. Более того, они работают с опасными веществами, портят воздух зловонием, загрязняют воду в реках и сами ходят грязные, в замаранной одежде, с ногтями, в которые въелась краска, с перепачканным лицом и волосами. Уже самим своим видом они нарушают общественный

порядок: перемазанные с головы до ног, они похожи на ряженых, выскочивших из адских котлов [Пастуро 2013, 183–205].

В современном французском языке есть слова *teint* и *teinture* – «краска», «окраска» и слова, означающие профессию *teinturier (ère)* – «красильщик» или «работник химчистки», а также слово *teinturerie* – «красильня» или «химчистка». И профессия, и место химчистки в современном французском языке не имеют никакой негативной коннотации [Гак, Ганшина 1995: 1077].

Номинация *pelerin* восходит к *pèlègrīni* – «чужак», «пилигрим», «странник». *Pelerinage* – «паломничество», «странствование» – в средние века имело большое значение и было почти профессией, способом выжить. В работе А.В. Поръяз «Мировая культура: Возрождение. Эпоха Великих географических открытий» Средневековье описывалось как эпоха оседлости: каждый человек принадлежал своей коммуне, своей земле, своему феодалу, своему цеху. Это было тяжелое и голодное время, когда ради пропитания приходилось работать с раннего детства. Отмечалась замкнутость христианского мира, которая не способствовала развитию тяги к дальним странствиям. Исключение делалось только для паломников к святыням веры или к мощам святых. Мир был ограничен кромкой леса, городской стеной, а на дальних рубежах – крепостями, сдерживавшими натиск врагов. Жизнь в границах христианского мира была тяжелой и опасной, но куда более опасной представлялась жизнь за его пределами. Древний страх одиночества вне своей общины проявлялся в средние века во всеобщей оседлости. Сломали эту оседлость лишь Крестовые походы и первые путешествия христианских купцов в богатые дальние страны. Эпоха Средневековья стала в истории Европы эпохой странников. Десятки и сотни людей брели по дорогам. Они были различного происхождения, шли с различными целями. Любая серьезная перемена в жизни бурно изменяющегося общества выбрасывала на дороги новых людей. Общество европейских бродяг считалось срезом всей социальной структуры западно-христианского мира

данной эпохи. В эпоху Средневековья сотни разорившихся крестьян и горожан занимались попрошайничеством в городах и на дорогах Европы. Ученики или подмастерья цеховых ремесленников, отчаявшись получить заветное звание мастера, бросали лавку и уходили из города искать счастья в других местах. Крестьянин, продавший свою землю зажиточному соседу и не желавший наниматься к нему же в батраки, бросал семью и отправлялся по свету за лучшей долей. Огромную часть армии безработных составляли ваганты – выпускники университетов, не сумевшие найти достойного места или церковного прихода. Нищенство приобрело в Европе потрясающий размах. В дни праздников святых дороги, ведущие к храмам с их мощами, наводняли толпы паломников, жаждущих прикоснуться к святым мощам и исцелиться. В каждой стране существовали свои святые и свои чудотворные места, куда постоянно шли паломники [Поръяз 2001: 19, 169, 390].

В современном французском есть слова *pèlerin* – «пилигрим», «паломник», «странник» и *pèlerinage* – «паломничество», «странничество» или «место паломничества» [Гак, Ганшина 1995: 797].

В примере на нашем материале есть описание жизни странника:

<i>Atant es vos un pelerin</i>	<i>Тогда и вы есть странник,</i>
<i>Qui vint clocant tot le chemin...</i>	<i>Который шел хромя всю дорогу</i>

(R.d.R., Ib: 3170).

В браншах романа по отношению к Лису также упомянута профессия *jongleur* (жонглер), также есть варианты слова *jungleor, jungleres, jogleor, jogleour, joglere* [Шишмарев: словарь 1955: 144]:

<i>Et li jungleres lor chantoit</i>	<i>И жонглёр (Лис) им спел</i>
<i>A chascun d'els forment plesoit =</i>	<i>Всем доставил удовольствие.</i>

(R.d.R., I: 2890)

Жонглер — это игрозатейник, скоморох. Его название происходит от латинского *jocus* (французского *jeu*) – «игра». Жонглер – это странствующий затейник игр, показывающий свои забавы там, где их способны оценить и за них заплатить, то есть прежде всего в замках крупных сеньоров. Это мастер

на все руки. Он читает стихи и рассказывает всевозможные байки, «жонглирует словами», при этом, однако, не являясь автором произносимых текстов, – их он взял у трубадуров и труверов. Он исполнитель. В современном французском языке есть слова *jongleur (jongleuse)* со значением «жонглер», «скоморох», «игрок» [Гак, Ганшина 1995: 601].

Вся картина лексико-семантического наполнения номинаций главного персонажа в Романае о лисе представлена в таблице 3:

Таблица 3

Семантико-грамматическая группа номинаций	Номинации	Перевод номинаций
1	2	3
Имена собственные	Renart, Renars(z), Renardet	Ренар, Ренар(ц) Ренардет
Имена нарицательные со значениями титулатуры	Sire seignor courtilz ber	Сир сеньор придворный барон
1	2	3
Имена нарицательные со значениями дружбы или родства	compains compere	компаньон собрат
Имена нарицательные инвективные	losenger engigner maufez (maufés) lechers (leceres) laron fox vilein beste gaignon	льстец (обманщик), хитрец мошенник развратник разбойник безумец деревенский житель, крестьянин животное жестокий, алчный
Имена нарицательные прямые зоонимы	gorpil (gorpil, gorpilz(s), le gorpil)	лис (формы слова – лис)
Имена нарицательные – профессии	teinturier (teiturier), junglere (jungleor) pelerin	красильщик жонглер странник

Картина лексической семантики однословных номинаций Лиса Ренара в Романае о Лисе:

Выводы:

Наблюдения за языковыми средствами номинации главного персонажа в тексте романа показывают, что чаще всего главный персонаж номинируется именем собственным. Это однословная безартиклевая номинация *Renart*, которая представляет абсолютное большинство номинаций Лиса. На примере имен собственных в номинациях главного персонажа наше исследование подтверждает тот факт, что склонение в старофранцузском языке было нерегулярным. Среди примеров превалирует вариант *Renart* без окончания *-s* в прямом падеже.

Грамматическое оформление однословных номинаций главного персонажа Лиса, выраженных именами нарицательными, также отражает особенности языкового состояния изучаемого периода. Происходит процесс морфологизации форм существительных, т.е. включения аналитической конструкции в систему грамматических форм.

Лексическая семантика однословных номинаций, обозначающих главного героя, разнообразна. Номинации Лиса включают следующие семантико-грамматические подгруппы: имена собственные, имена нарицательные со значениями дружбы или родства, титулатуры, профессии. Среди имен нарицательных наиболее частотна группа инвективов.

Обобщая все вышесказанное, можно сказать, что однословные номинации и их значения помогают автору создать персонаж Лиса как зооморфный лингвокультурный типаж, репрезентирующий условный характер плута, жителя средневекового селения, города, замка, вынужденного любыми средствами добывать себе пропитание и положение в обществе.

2.4.2. Однословные зоономинации неглавных персонажей в «Романе о Лисе»

В круг неглавных персонажей входят номинации основных и второстепенных персонажей животных, упомянутых в романе.

Данные по количеству таких номинаций представлены в таблице 4.

Таблица 4

Персонажи Романа о Лисе	Волк	Волчица	Лев	Другие животные	Всего
Имена собственные	63	29	2	151	245
Имена существительные нарицательные	6	9	109	200	324
Имена прилагательные	-	3	-	-	3
Всего номинаций в числах / проц.	69	41	111	351	572
	12 %	7 %	19 %	61 %	100 %

Данные по количеству номинаций неглавных персонажей.

Группу персонажей не первого плана Т.Г. Игнатьева обозначает как «лицо коллективное», т.е. персонажи второго, третьего плана и т.д., которые входят в окружение лица событийного (персонажа первого плана), выступают в качестве партнеров лица первого плана для ведения сюжетной линии по той или иной событийной ситуации в тексте произведения. На фоне персонажей, входящих в круг понятия «лицо коллективное», главный герой реализует свою текстовую функциональную перспективу [Игнатьева 2013: 11].

Рассмотрим грамматическое оформление однословных номинаций других персонажей романа.

Все номинации для обозначения персонажей лица коллективного в романе включают:

1. Имена собственные.
2. Имена нарицательные.

В отличие от номинаций главного персонажа, номинации второго и третьего плана номинируются чаще именами нарицательными.

Наш материал показал, что номинациям, выраженным нарицательными именами существительными, присущ аналитический и морфологический способ употребления. Встретились номинации в следующих аналитических формах:

- 1) с формами артикля *li, le, lo, la, les, l', un, uns*;
- 2) с указательным прилагательным *cil, cele*;
- 3) с возвратным местоимением в безударной форме *si*;
- 4) с притяжательными прилагательными в формах, *vos, vostre, ma, mon, mes, mi* (пикардская форма) *sa, son, ses, lor, nostre*;
- 5) с неопределенным местоимением *toz, totes, li autres, d'autres, tuit li autre*;
- 6) с количественными числительными *deus, dea, trois*;
- 7) с предлогом *de (d')*;
- 8) с предлогом *au*.

Среди номинаций других персонажей романа, выраженных именами нарицательными, мы встречаем аналитическое употребление существительных в виде подлежащих. Так, при номинации Льва Нобля встретился такой пример:

Li emperere dit : "Amis, Il m'a molt Император сказал: «Друзья, он много grant dol el cuer mis.... = боли причинил моему сердцу»

(R.d.R: 385).

Номинация *li emperere* в предложении в функции подлежащего не имеет маркировки флексией –s в конце слова, а имеет артикль, то есть аналитический способ оформления детерминации.

Употребление флективных форм нарицательных существительных среди основных персонажей лица коллективного редко. Нам встретилось всего 5 употреблений двух таких номинаций животных в романе для

обозначения персонажа Льва – Короля Нобля: *rois* (король) – 4 употребления, *mesires* (мисир) – 1 употребление.

Более распространен такой вид употребления нарицательных существительных-зоонимов для обозначения персонажей животных третьего плана, не входящих в круг основных персонажей. Таких употреблений 18 – около 10 % всех номинаций других животных в романе. Примеры таких номинаций: *bestes* (зверь), *chiens* (собака), *leemiers* (собака-ищейка), *dames* (дама), *ors* (медведь), *vilains* (крестьянин), *liches* (обжора), *contes* (граф), *porz* (свинья), *vespres* (кабан), *barons* (барон), *segnors* (сеньор), *gourpilz* (лиса).

Безартиклевые нефлективные формы более редки среди номинаций лица коллективного: это употребления таких номинаций, как *madame* (мадам), *dame* (дама), *sire* (сир), *emperere* (император), *missire* (мисир), *beste* (зверь) и др.

Безартиклевыми нефлективными формами представлены имена собственные, которыми обозначены неглавные персонажи-животные в романе – основные персонажи: волк, волчица и лев, а также другие животные-герои романа. Таких номинаций 245, они составляют 42 % всех однословных номинаций персонажей других животных в романе, например:

Hersent, dont vos vint en corage... *Эрсант, которая к вам пришла храбро.*

(R.d.R.: 95).

Однако нужно отметить, что среди употреблений имен собственных встречаются и формы, употребленные с предлогами и детерминативами, например:

Mist en vers fere de Renart Et *Сочинил стихи о Ренаре и Изенгрине,*
d'Isengrin son cher conpere *его дорогим друге.*

(R.d.R.: 5).

Таких употреблений среди номинаций мало, всего 7 номинаций, что составляет 2 % от примеров номинаций других персонажей в романе. Другие примеры таких номинаций: *d'Isengrin, qu'Ysengrin, quanqu'Isengrin, S'Isengrins, se (Se Hersent), Se Chantecler, se Brun.*

В отличие от номинаций главного персонажа, в номинациях персонажей второго и третьего плана смешанная форма нарицательных существительных является первой по встречаемости формой. Такие формы встречаются в 37 % случаев употребления однословных номинаций персонажей второго и третьего плана в романе. Это такие номинации, как, например: *li rois* (король), *li sires* (cup), *li lions* (лев), *totes bestes* (все зверу), *des bestes* (зверу), *ses estres* (эти существа), *li chens* (собаку), *li mastins* (сторожевые собаки), *li oisauls* (птица) и т.д. Рассмотрим пример:

Mes li oisauls vint a senestre *Но птица полетела налево*

(R.d.R.: 755).

В данном примере мы видим существительное *li oisauls*, маркированное окончанием *-s* в форме подлежащего, что до определенного времени отвечало правилам употребления существительных данного периода [Скрелина, Становая 2005: 120–127], однако существительное уже употреблено с артиклем *li*, который свидетельствует о формировании аналитизма существительных [Скрелина, Становая 2005: 138–150].

В диаграмме на рисунке 2 можно увидеть количественное соотношение разных аналитических и флективных форм употреблений номинаций других основных персонажей Романа о Лисе.

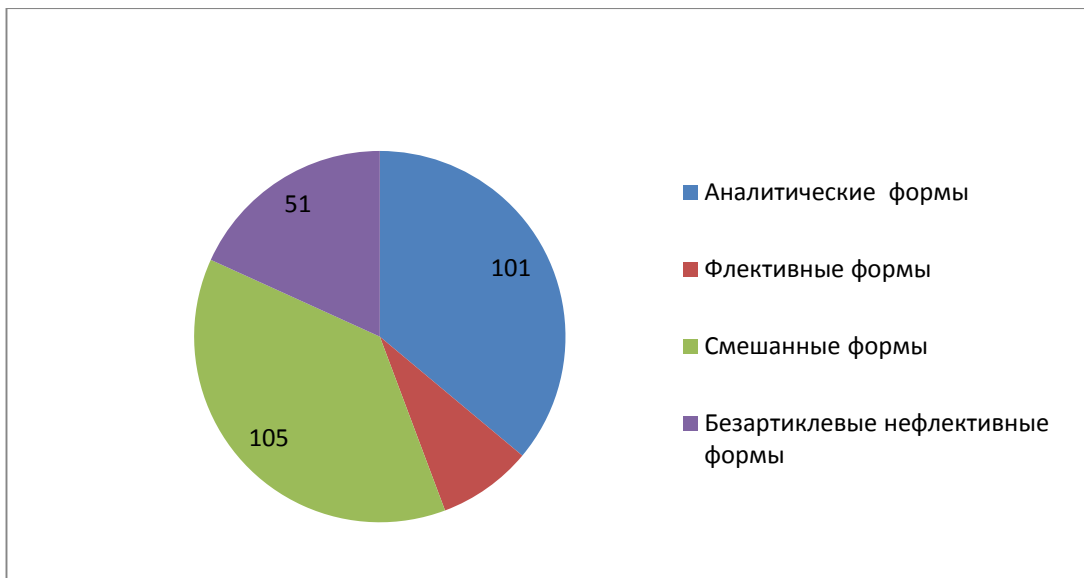

Рис. 2. Формы имен существительных нарицательных, обозначающих номинации других персонажей Романа о Лисе.

Однако, рассматривая отдельно номинации основных персонажей романа, таких как волк Изенгрин, волчица Эрсант и лев Нобль, т.е. персонажей второго плана (всего 124 номинации), мы видим картину детерминации, отличную от общей. Наблюдается больше аналитических форм по сравнению с предыдущей диаграммой, количество смешанных, флективных и безартиклевых форм снижается. Данные представлены в диаграмме на рисунке 3.

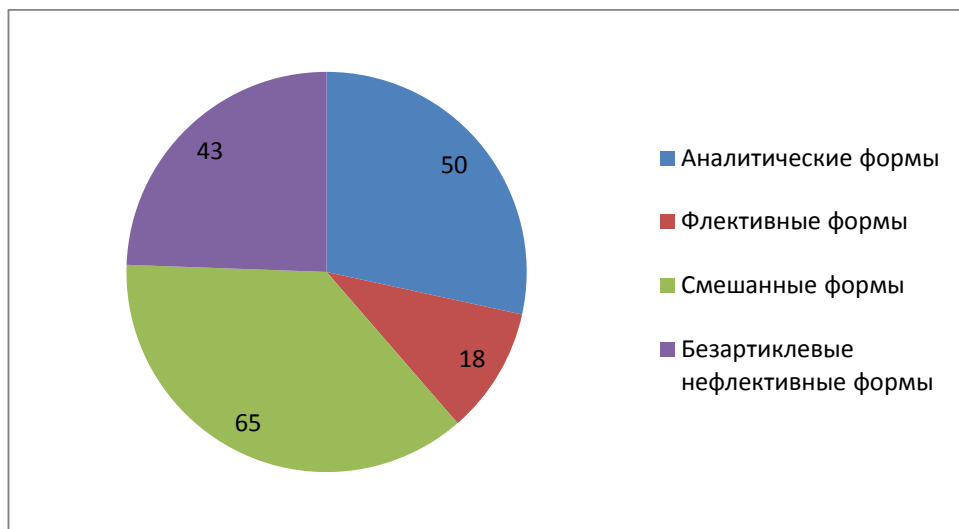

Рис. 3. Формы имен существительных нарицательных, обозначающих номинации других основных персонажей Романа о Лисе.

Смешанные формы детерминации нарицательных имен существительных-зоонимов оказались более характерны для персонажей

третьего плана в романе. Ими номинированы все животные в романе, не занимающие главные роли. Таких номинаций 200. Данные по употреблению данных зоонимов представлены в диаграмме на рисунке 4.

Рис. 4

Формы имен существительных нарицательных, обозначающих номинации других животных Романа о Лисе.

Таким образом, при номинации неглавных персонажей в романе превалирует смешанная форма употребления нарицательных существительных-зоонимов, где мы встречаем совместное употребление окончания и артикля у существительных.

Обратимся к лексико-семантическому анализу однословных номинаций других персонажей Романа о Лисе. Лексическая семантика однословных номинаций, обозначающих персонажей животных, разнообразна. Все однословные зоонимы для описания других животных в романе можно разделить на следующие подгруппы.

1. Имена собственные.
2. Имена нарицательные:
 - а) со значениями феодальной титулатуры;
 - б) со значениями дружбы или родства;
 - в) прямые зоонимы;
 - г) косвенные или метафорические номинации.

Среди номинаций лица коллективного в романе встречаются слова-номинации, обозначающие имена собственные. Это номинации персонажей второго и третьего плана, такие как: *Ysengrin* (Изенгрин), *Hersent* (Эрсант), *Nobles* (Нобль), *Chantecler* (Шантеклер), *Pinte* (Пинта), *Brun* (Брюан), *Grinbert* (Гринбер) и т.д., например:

<i>Se ne fust Chantecler et Pinte</i>	Это были только Шантеклер и
<i>Qui a la cor venoit soi qinte</i>	Пинта, которые ко двору пришли
<i>Devant le roi de renart pleindre....</i>	уже в пятый раз перед королем на
	Ренара жаловаться...

(R.d.R.: 275).

Необходимо отметить, что имена собственные персонажей животных в романе являются характерными, с присущими им какими-то характеристиками, что видно из лексем имен, например: петух – *Chantecler* – имя, представляющее собой сложное слово, восходящее к «*chante*» и «*claire (ment)*», т.е. «петь понятно»; медведь – *Brun*, то есть «коричневый»; лев – *Noble*, т.е. «благородный»; в имени волчицы *Грызенты* (*Hersent*) подчеркнута ее «зубастость», что восходит к франц. *herse* – «борона, колючая решетка». Это подтверждает в своей работе А.Д. Михайлов. Другие имена собственные в романе остаются относительно нейтральными. Это обычные человеческие имена, например осел *Бернар*, или имена, этимология которых не ясна [Михайлов 1987: 14].

На втором месте по встречаемости можно отметить слова со значениями феодальной титулатуры: *sire*, *baron*, *conte* и родства: *cousin*, *compere*. Сравнительный анализ номинаций персонажей показал, что второй по встречаемости стоит номинация-титул *sire*, которая представлена в словарях формами *seignor*, *seignur*, *seinor*, *seinur*, *siegnor*, *seigneur* и др. и означает «сеньор», «человек», «представитель закона», «человек определенного положения» [Шишмарев, словарь 1955: 241, 236; Godefroy 2003: 553,560; Greimas 2004: 547,557; Hautrive 1947: 533].

Группы терминов феодальной титулатуры используются для именованья королей, вассалов и подданных высокого положения. В данном случае такая номинация употребляется и в авторской речи, и в речи персонажей для называния персонажа льва Нобля с целью выделения его особого положения как короля, и других персонажей в романе, в зависимости от сюжета с намерением показать уважение к персонажу, например:

Sire, dist Ysengrin au roi

Сир, сказал Изенгрин королю.

(R.d.R.: 215).

Среди слов со значениями дружбы или родства встретились такие как: *suer*(сестра), *cosin* (*cousins*)(кузен, кузина), *enfantz* (ребенок), *fame* (женщина или жена), *fil* (сын), *compere* (*contere*)(кум, кума, приятель), *pere* (отец), *amis*(друг). Через данные номинации прослеживается антропоцентричность диахронического художественного текста данного произведения. Тезис об антропоцентричности старофранцузского текста был выдвинут П. Зюмтором и поддерживается многими учеными [Zumtor 1980: 4]. Также имена существительные такого типа являются коннотативно насыщенными и могут выполнять выделительную, то есть экспрессивно-стилистическую, функцию в произведении.

Однословные имена нарицательные – прямые зоонимы встречаются в тексте романа и обозначают животных – персонажей романа второго и третьего плана: *chen* (*chen, chien, chiens, chiens, chenz* – собака) и вариации собак – *mastins* (*mastinz*) – собака мастиф, *leemier* – собака-ищейка; *lou* (*leu, lox, louviaux*) – волк, волчонок; *cheval* (*chevoz*) – лошадь, *li lions* – лев, *li tessons* (барсук); *ors* – медведь, *oisauls* (*oisel*) – птица; *berbis* (овца); *vache* (корова); *biés* (бык), *soris* – мышь; *rat* – крыса; *vespres* (вепрь); *porz* (свинья); *cos* (*cos*) – петух; *putois* (хорёк); *gorpil* (*gorpilz, gourpilsz*) – лиса; *biche* – коза; *moineaux* – воробей. Этимология и значение подобных номинаций представлены в приложении (см. Приложение).

Выводы:

Анализ показал, что, в отличие от номинаций главного персонажа, номинации второго и третьего плана номинируются чаще именами нарицательными.

Номинациям, выраженным нарицательными именами существительными, присущ аналитический и морфологический способ употребления. Смешанные формы нарицательных существительных (артиклевые и флективные) являются первыми по встречаемости при употреблении зоонимов – лиц коллективных в Романе о Лисе, тогда как зоономинации главного персонажа представлены в наиболее частотном варианте безартиклевой формой имени собственного в косвенном падеже. Данный факт свидетельствует о том, что артикль на начальном этапе формирования французского языка не употреблялся не только при номинации имен собственных – лиц, обозначающих людей, но и при употреблении имен собственных, обозначающих представителей животного мира.

Что касается зоонимических имен нарицательных, то здесь действует принцип «динамической солидарности» (термин Л.М. Скрелиной). Мы видим сосуществование старых (от латыни) флективных форм и новых, аналитических (романских) форм. Наш анализ на материале зоонимических номинаций подтверждает идею о том, что старофранцузский язык является промежуточным этапом между латинским и французским языком.

Лексическая семантика однословных номинаций, обозначающих персонажей животных разнообразна. Наиболее распространенными лексическими группами существительных являются группы прямых зоонимов, группа номинаций с обозначением дружбы и родства, также существительные со значением феодальной титулатуры.

2.4.3. Двухсловные и многословные номинации в Романе о Лисе

В качестве двухсловной номинации нами рассматривается именная группа, в которой структурными элементами её состава выступают два знаменательных слова, из которых один элемент по отношению к другому выступает как определяемое, другой – как определяющее. Описывая примеры, мы определяем структуру номинации, отмечаем их грамматические особенности и выявляем лексико-семантические значения. Мы встретили 54 двухсловные номинации, представленные четырьмя структурными моделями. В данном параграфе рассматриваются номинации всех персонажей вместе.

Встает вопрос о том, как выяснить, какой из элементов синтаксической структуры служит определяющим, а какой – определяемым. Критерием для нас в этом случае является референциальная соотнесенность с текстовым денотатом. Слово, у которого ясна смысловая референция с текстовым денотатом, будет определяемым. Четко выраженную референциальную соотнесенность с текстовым денотатом имеет имя собственное. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, имена собственные обладают свойством уникальной референции. Их наполнение обусловлено признаками денотата, выбор которого независим от условий коммуникации [Арутюнова, 1998: 2]. Один из элементов в структурах всегда выступает по отношению к другому как определяемое (De), другой – как определяющее (Dt).

В качестве двухсловной номинации персонажей материал показывает следующие структурные модели:

- 1) N1 + N2pr., где N1 – имя существительное, N2 – имя собственное, например: *sire-Renart, dame Hersent* – словосочетание, в котором определяющим является нарицательное существительное.

Рассмотрим:

Que Renart fist a m'esposse

Что Ренар обещал на мне жениться

Dame Hersent, quant l'ot serree

Даме Эрсенте, когда вместе с ней

строил [планы на жизнь].

(R.d.R.: 31–32).

Подгруппа со структурой N1+N2pr. имеет лексико-семантическим наполнением имя нарицательное и имя собственное с беспредложным типом связи, в котором имя собственное *Renart* находится в постпозиции по отношению к определяющему имени существительному, например: *sire Renart* (сир Ренар), *seignor Renart* (сеньор Ренар), *danz Renars* (дон Ренар), *cousin Renart* (кузен Ренар), *compains Renart* (друг Ренар), *le chef Renart* (шеф Ренар), *li conte Renart* (граф Ренар). Препозитивная позиция имени нарицательного позволяет охарактеризовать персонаж по имени *Renart* с точки зрения социальных отношений (титулы-высокое положение в обществе, темны родства и дружбы – межличностные отношения между персонажами);

2) N1pr.+N2, где N1 – имя собственное в препозиции, N2 – имя нарицательное со значением профессии, родства или цвета в постпозиции. Вторым именем существительным в таких структурах может выступать имя существительное со значением профессии, дружбы или родства, цвета, быть инвективным существительным с пейоративной окраской, например: *Renart le laist* (Ренар злой), *Renart li teĩnturier* (Ренар красильщик), *Renart son compaignon* (Ренар его компаньон), *Renart le ros* (Ренар рыжий). В данной структурной подгруппе имеет место только артиклевое употребление существительных. Такой порядок слов имеет очень большое значение, так как артикль выполняет очень важную эмблематическую функцию. Артикль субстантивирует прилагательное, превращает его в имя существительное и дает характеристику персонажу по тому или иному качеству. В зоопозтике определенный артикль позволяет представить каждый вид животного архетипически [Пастуро 2013: 337];

3) N1+N2, где N1и N2 – существительные нарицательные с детерминативом или без, например: *danz rois* (дон король), *danz vileinz* (дон

крестьянин), *lor fils la loupe* (сын волчицы), *traître lere* (предатель разбойник);

4) N1+prép+N2, где N1 и N2 – существительные, например: *fils a putein* (сукин сын), *beste de mester* (зверь на службе); *li barons a cort* (барон этого двора);

5) A poséssive + A +N, где A poséssive – притяжательное прилагательное, A – прилагательное, N – существительное, например: *son novel seignor* (его новый сеньор), *vostre novel baron* (ваш новый барон);

6) A+N, где A – прилагательное, N – существительное, например: *beaux sire* (красивый сир), *baux frere* (сводный брат), *bele persone* (красивый человек), *jentix sire* (вежливый сир);

7) N+A, где N – существительное, A – прилагательное, например: *beste fole* (зверь дикий), *la dame france* (дама честная).

Наиболее частотной является именная группа, структурными элементами которой являются два имени существительных (44 % от всех двухсловных номинаций). Данная структура имеет два семантико-грамматических варианта: 1) имя нарицательное и имя собственное (N1+N2pr.), например, *sire Renart* (сеньор Ренар), 2) имя собственное и имя нарицательное, например, *Renart le ros* (Ренар рыжий).

Рассмотрим лексико-семантическую характеристику двухсловных номинаций.

На нашем материале в первом варианте структуры N1 + N2pr. наблюдается, во-первых, однородность лексического наполнения. Все препозитивные существительные представлены лексико-семантическими группами: терминами феодальной титулатуры или родства. Во-вторых, среди терминов феодальной титулатуры маркирование в прямом падеже флексией -s как у имени нарицательного, так и у имени собственного представлено преимущественно с лексемой *danz*. С другими титулами, а таких случаев большинство, имя собственное употребляется без флексии -s. Слово *danz* имело различные формы употребления в старофранцузском языке, в

именительном падеже – *dans, danz*. В косвенном – *dam, dame, damp, dan, dant, dom*. Этимологически *danz* восходит к латинскому «*dominum*». В языке народной латыни было вытеснено титулом «*sire-seigneur*». Слово имеет значения: дворянский титул (между титулом графа и барона); господин, отец (о священнике) [Hauterive 1947: 152; Шишмарев словарь 1955: 65].

Нарицательные имена в словосочетаниях типа Npr+N2, где нарицательное имя следует за собственным, показывают различные качества персонажа, такие как физический облик: *Renart le rox* (Ренар рыжий), происхождение *li conte Renart* (граф Ренар), характер *Renart le laist* (Ренар злой), профессию *Renart li teînturier* (Ренар красильщик).

Особый интерес вызвала номинация с лексическим значением цветовой характеристики *Renart le rox* (Ренар рыжий). Согласно М. Пастуро, рыжий это тот, кто не похож на других, кто представляет отклонение от нормы, кто принадлежит к меньшинству, а следовательно, нарушает порядок, вызывает тревогу или негодование. В традициях разных народов рыжие волосы также воспринимались отрицательно, рыжая шевелюра становится главнейшим иконографическим знаком отверженности или позора, рыжий цвет – цвет инаковости, обмана и предательства. На протяжении всего Средневековья, рыжий значит жестокий, запятнанный кровью, уродливый, подчиненный или смешной; с ходом времени рыжий цвет волос начинает говорить о человеке как о притворщике, хитреце, лжеце, обманщике, изменнике, предателе или отступнике [Пастуро 2013: 213–216].

Цветовые характеристики Лиса становятся символическими. Например, совершенно естественный окрас шерсти Ренара, часто упоминаемый на протяжении всего текста романа, преподносится как черта, отличающая его от других и помещающая его за рамки норм, созданных природой. Рыжий цвет Ренара говорит об его инаковости, противоположности другим, например, звери сразу узнают Ренара, завидев его издали:

*Le puis [Isengrin] trouva enmi sa voie Посередине дороги он [Изенгрин]
Ou Renars le rous s'esbanoie нашел тот колодец, где развлекался
рыжий лис.*

(R.d.R., IV: 200 – 205).

Как отмечает Ж. Рибар, рыжий цвет шерсти Ренара и делает его мэтром лжи и обмана, поскольку в средние века все имело свою иерархию, и цвет в том числе. Рыжий (*roux* – «рыжий», «красноватый», или *fauve* – «рыжеватый», «дикий», «хищный») не считался благородным цветом, а наоборот отмечал внешнюю некрасивость или моральную инаковость, как например, у Марии Французской при описании рыцаря Ланваля. Прилагательное *fauve* («рыжий»), скорее всего, отличается от слова *roux* (тоже в значении «рыжий»), в том смысле, что оно выражает больше физического и морального уродства, которое оно (данное прилагательное) представляет, учитывая также употребление его в средневековом обществе, основанном на большом уважении к слову, его значимости, на ошибочности, на кажущемся за этим словом. Такие слова, например, совсем не употреблены в «Песне о Роланде» (*Chançon de Roland*), т.к. нигде в тексте нет идеи инаковости, ряжения или обмана [Ribard 1984: 48 – 49].

При описании главного персонажа романа только в единичных случаях в двухсловных номинациях не участвует слово *Renart*, например, употреблены такие номинации как: *lor fils la loupe* (сын волчицы), *bel sire* (прекрасный сир), *fils à putein* (сукин сын), *beste de mester* (зверь-прислужник), *laron de pute foi* (разбойник плохой веры). Все номинации выступают чаще с пейоративной окраской. Инвективная лексика является следствием языковой экспрессии, служит способом выражения негативных эмоций. Современные ученые считают, что вопрос инвективной лексики заслуживает особого внимания, т.к. бранные ассоциации с различными животными характерны для всех культур и являются классической универсалией, передавая ассоциации с отрицательными качествами, которые национальные традиции могут приписывать животным [Карташкова, Куражева, Егорова 2009: 69].

Многословные структуры для обозначения персонажей романа встречаются реже значительно однословных и двухсловных и выражены многословными словосочетаниями или придаточными определительными предложениями. В связи с тем что количество компонентов в многословных номинациях и их грамматическая природа разнообразны и вариативны, объем одной работы не позволяет их рассмотреть подробно. Приведем примеры таких конструкций. Например:

1) многословное словосочетание со структурой N1pr, +A+N2, где N1 – имя собственное, A – прилагательное, N2 – имя существительное нарицательное:

Renars, biau sire

Ренар, красивый сир

(R.d.R., II: 1325);

2) многословное словосочетание со структурой N1pr, +A1+A2+N2, где N1pr – имя собственное, A1 – прилагательное, A2 – прилагательное, N2 – имя существительное нарицательное:

Renart, ... baux doz conpains

Ренар, ... прекрасный милый друг

(R.d.R., I: 765);

3) многословная номинация – относительное придаточное предложение:

Certes ce fu molt grant damage

Однако было много проблем когда

Quant Renart qui est fox garsons...

*Ренара, который является хитрым
мальмом...*

(R.d.R., I: 100).

Анализ показал, что ведущей моделью многословной номинации для описания главного персонажа Романа о Лисе является сочетание имени собственного *Renart* и определительного придаточного предложения. По своей синтаксической сущности данные структуры являются развернутым определением к ядерному элементу структуры, представленному зоонимичным именем собственным. Далее в таблице 5 в качестве примеров

приведен ряд многословных номинаций – относительных придаточных предложений для обозначения главного персонажа романа:

Таблица 5

Многословная номинация	Перевод
Renart qui est fox garçons	Ренар, который есть безумный малый
Renart qui tout le monde acore	Ренар, которого все боятся
Renart qui tot le monde boise	Ренар, которого все презирают
Rrenart qui molt est desputere	Ренар, о котором все спорят
Renart qui si pou me crent	Ренар, который сам может меня опасаться
Rrenart qui le molt engane	Ренар, который большинство обманул
Renart, qui ja n'ait confesse	Ренар, которому никогда уже не доверяют
Renart qui si meconchie!	Ренар, который себя оскорбляет
Renars qui fu cointes et senez!	Ренар, который был известный и умный
Renars qui pas ne sojorne	Ренар, который не колеблется
Renars qui bien se devoie	Ренар, который не сходит с пути
Dan Renarz qui le secle engine	Дон Ренар, которого век приспособил

Многословные номинации – относительные придаточные предложения для обозначения главного персонажа романа

Семантически значение таких номинаций-предложений содержит лексику, которая служит для представления Лиса как хитреца, плута, дельца и т.д., то есть представляет собой отрицательные качественные оценки персонажа.

Выводы:

Наиболее частотной для двухсловных номинаций является именная группа, структурными элементами которой являются два имени существительных (44 % от всех двухсловных номинаций). Данная структура имеет два семантико-грамматических варианта: 1) имя нарицательное и имя собственное (N1+N2pr); 2) имя собственное и имя нарицательное Npr+N2.

Флексия *-s* маркировала прямой падеж существительного единственного числа 1-го мужского склонения для существительных, входящих в состав двухсловных номинаций, что отличает грамматическую форму

старофранцузского имени существительного от грамматической формы имени в современном французском языке.

Лексическая семантика в двусловных номинациях типа N1pr+N2 связана с позицией определяющего существительного. При препозиции нарицательного существительного перед именем собственным в функции определяющего члена наблюдаются структуры со значением социально значимых отношений: социальное положение в обществе, родственные или межличностные отношения. Постпозиция определяющего существительного выражает семантику элементов физического портрета, черт характера, род занятий, профессию.

Многословные структуры для обозначения персонажей романа встречаются реже двусловных, выражены многословными словосочетаниями или придаточными определительными предложениями. Количество компонентов в многословных номинациях и их грамматическая природа разнообразны и вариативны.

С точки зрения символического значения анализ номинаций, репрезентирующих персонажа Лиса в животном эпосе в двусловных и многословных структурах, показал, что данному персонажу принадлежат следующие образные характеристики: неординарность, сметливость, деловитость, изворотливость, простота, практицизм поведения. Лис в романе и хищник, и делец горожанин, контактирует и с феодалами, и с простыми животными, прославляет хитрость, побеждает силу, проигрывает еще большей слабости, но всегда остается симпатичен читателю.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Под зооморфическими (зооморфными) текстами будем понимать тексты, имеющие в своей структуре зоонимы.

Одним из древних жанров литературы о животных является жанр бестиария. Бестиарии – средневековые сборники зоологических статей, в которых подробно описывались различные животные, чаще вымышленные, мифологические. Обычно это стихотворный или прозаический текст о животных.

Животные, их номинации и символика, традиции и обряды, связанные с ними, дают представление об эпохе, помогают воссоздать современному человеку средневековую картину мира.

Персонаж «Лис» присутствует в многочисленных произведениях литературы и культуры разных стран и эпох. Характеристики персонажа Лиса в мифологии и символике разных культур, способы его репрезентации в литературных текстах в рамках зоопэтики показывают, что Лис имеет богатую традицию репрезентации в разных областях литературы и культуры, мы наблюдаем многообразие типажей лисов в литературе, религии, мифологии, фольклоре разных народов. Лисы демонстрируют практическое умение хитрить, показывают хорошее владение речью, способность соблазнить, подменить реальность вымыслом, опровергнуть правду, заставить собеседника в них поверить.

Символические значения, связываемые с лисами в разных традициях, образуют единый и весьма устойчивый комплекс мифологизированных значений: хитрость, ловкость, пронырливость, сообразительность, льстивость, вороватость, обман, лицемерие, осторожность и т.д.

Во Франции Лис становится героем крупного поэтического произведения – «Роман о Лисе». Жанр данного произведения принято называть «животный эпос».

Главный герой романа – Лис – необычный для того времени персонаж – многоликий плут, протагонист, вассал с необыкновенным поведением и репутацией.

Наблюдения за языковыми средствами номинации главного персонажа в тексте романа показывают, что чаще всего главный персонаж номинируется однословной номинацией – именем собственным *Renart*. При этом абсолютное большинство номинаций являются однословными – 75 % от всех номинаций.

Грамматическое оформление однословных артиклевых и безартиклевых номинаций главного персонажа Лиса, выраженных именами нарицательными, отражает особенности языкового состояния изучаемого периода в части перехода имен существительных к аналитическим формам их употребления.

Главное действующее лицо романа – Лис – номинируется словами со значением дружбы, качественных характеристик. Исследование показало, что номинации Лиса в меньшей степени фиксируют его положительные качества. Гораздо больше отражение в романе находит неуважительное, уничтожительное и даже агрессивное отношение к главному персонажу, то есть отмечается частотность употребления инвективной лексики среди однословных номинаций по отношению к главному персонажу.

Грамматическое оформление однословных номинаций других персонажей романа включает и аналитический и морфологический способ употребления. Первыми по встречаемости являются смешанные (артиклевые и флективные) формы имен существительных.

Лексическая семантика всех однословных номинаций, обозначающих персонажей животных в романе, разнообразна. Наиболее распространенными лексическими группами существительных являются группы прямых зоонимов, группа номинаций с обозначением биологического вида, а также дружбы и родства, через которые прослеживается антропоцентричность диахронического художественного текста данного произведения.

В качестве двухсловной номинации рассмотрена именная группа, в которой структурными элементами ее состава выступают два знаменательных слова.

Ведущей является именная группа для обозначения главного персонажа романа Лиса, структурными элементами которой являются два имени существительных. Данная структура имеет два лексико-семантических варианта: 1) имя нарицательное и имя собственное (*Renart*) (N1+N2pr); 2) имя собственное и имя нарицательное со значениями профессии, родства или цвета.

Символическую значимость в романе приобретает единственная портретная номинация Лиса со значением цвета шерсти – *Renart le ros* (*Ренар Рыжий*). Данный цвет в Средневековье символизировал инаковость, непохожесть на остальных членов общества. Слово имело отрицательное коннотативное значение.

Многословные структуры для обозначения персонажей романа встречаются реже однословных и двухсловных, и чаще выражены многословными словосочетаниями или придаточными определительными предложениями.

Современный уровень разработки данной проблемы позволяет осуществить комплексный подход к проблемам номинации лица в художественном диахроническом тексте. С одной стороны, коммуникативно-обусловленное явление и средство текстовой организации, с другой – вариативность средств номинации персонажей целенаправленно используется авторами для раскрытия многообразия их характеристик. Совокупность всех средств и способов номинации формирует художественный образ произведения в целом.

ГЛАВА III. СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗООНИМОВ В ЖАНРАХ ФАБЛИО, ЛЭ И КУРТУАЗНОГО РОМАНА

Методом сплошной выборки проанализирован корпус языкового материала, состоящий из 585 номинаций, репрезентирующих в тексте животных. Все примеры, номинирующие животных в вышеприведенных жанрах, включают 419 однословных, 126 двухсловных и 40 многословных примеров номинаций животных. Наиболее продуктивным жанром по количеству номинаций является жанр лэ – 351 номинация из вышепредставленного количества примеров.

3.1. Зоонимические номинации в фаблио

Жанр фаблио в диахроническом аспекте рассматривался многими учеными с разных точек зрения, среди отечественных ученых это: А.Н.Веселовский, С.Г. Вышеславцева, В.А. Дынник, В.М. Жирмунский, А.Д.Михайлов, Д.Е. Михальчи, А.А.Смирнов, М.Н. Черневич, И.О.Шайтанов, А.Л. Штейн, И.Г. Эренбург, М.А. Яхонтова. На русский язык фаблио переводили С.Г. Вышеславцева, В.А. Дынник, И.Г. Эренбург. Среди зарубежных ученых, изучавших фаблио, можно назвать работы: Э.деБарбазана, Ж. Бедье, Н. Ван Ден Боогаарда, Э. Бомгартнер, Р. Брюсеган, А. Гайард, П. Зюмтора, А. Омона, П. Ньюкрога и др. Наиболее разработанными являются вопросы социологии жанра, его формы, сделаны общие выводы о его функционировании, имеются значимые литературоведческие работы.

Рассматривая фаблио как жанр, мы сталкиваемся с различными формулировками для его обозначения. В научной литературе определения жанра фаблио следующие: фабль, или фаблио, – это: 1) забавные истории, общее название которых пошло от ассоциации с латинскими баснями (fable). Сходство состояло в обязательной фабульности (сочиненности). Фаблио, как жанр французской городской литературы очень универсален. [Bédier 1893; Шайтанов 1996: 255]; 2) фаблио – маленький рассказ в стихах, который имел

своей целью развлекать и смешить слушателей, окружавших повествователя – жонглера [Штейн 1988: 29]; 3) небольшие стихотворные рассказы, представляющие своеобразную параллель с бретонским «лэ», рассказывают о происшествиях грубых или нелепых, долженствующих вызвать смех [Смирнов 1946: 138].

А.Д. Михайлов дал наиболее развернутое и полное определение фаблио: «Фаблио является стихотворным повествовательным произведением с острой развязкой, не очень большим по размеру, посвященным какому-либо, по возможности комическому, но примечательному и научительному событию из жизни рядовых представителей общества, изображаемых подчас сатирически, о чем рассказывается с бытовыми подробностями и в нарочито сниженном стиле [Михайлов 1986: 4].

Как указывает ученый, первым подробным исследователем фаблио был Ж. Бедье, который насчитывал всего около 150 фаблио. Однако, по наблюдениям А.Д. Михайлова, в 1756 году библиотекарь Этьен Барбазан выпустил трехтомный сборник фаблио и близких к ним средневековых повествовательных произведений. В 1760 году вышел французский стихотворный перевод «Наставления клирику» Петра Альфонсы. В 1808 году эти четыре тома были переизданы в сильно расширенном виде библиотекарем Домиником-Мартеном Меоном, а в 1823 году Меон выпустил два дополнительных тома. В 1878–1890 годах вышел шеститомник, подготовленный Анатоном де Монтеглоном и Гастоном Рейно. Это капитальное издание остается незаменимым. Благодаря этому изданию Жозеф Бедье смог написать обширный труд о фаблио [Там же: 48–67].

Одним из первых изучать жанр фаблио стал известный эрудит граф Кейлюс, прочитавший в 1746 году на заседании Академии надписей и изящной словесности небольшой «Мемуар о фаблио» (опубликован в 1753 году в трудах той же Академии). Кейлюс продемонстрировал знание рукописей и дал определение жанра («стихотворение, содержащее живой и изящный рассказ о каком-либо вымышленном событии, небольшое, но

обладающее острой интригой, раскрытой достаточно подробно, увлекательное или забавное, цель которого – критикуя, поучать или развлекать»), повторявшееся в неизменном виде до середины XIX века [Там же: 314].

Современные медиевисты сократили число фаблио до 140, причем из них лишь приблизительно шесть десятков названы «фаблио» самими авторами. Все они написаны в эпоху между 1159 и 1340 годами, преимущественно в северных провинциях – Пикардии, Артуа, Фландрии. Некоторые фаблио по своему материалу непосредственно связаны с латинскими *exempla* и животной басней (*fable*), которая в рукописях также иногда именуется *fabliau*. Традицию фаблио уже в XV веке завершают анонимные «Пятнадцать радостей брака» и «Суды Любви» Марциала Овернского.

Тематика фаблио разнообразна. Фаблио – смесь анекдота и каламбура с интересным и неожиданным поворотом сюжета. Фаблио не являются произведением в конкретном стиле, но всегда имеют своих героев, основную идею-нравоучение, несут за собой мораль, определенный вывод по ситуации, описанной в коротком рассказе-анекдоте. Фаблио отличается тематическое разнообразие: значительную группу образуют рассказы, разоблачающие жадность, лицемерие церковников, в другой группе с большой симпатией и сочувствием показана жизнь простых людей, полная лишений, прославляются их ум, смекалка. В фаблио широко отображена жизнь Франции XII–XIII вв.: быт и нравы города, жизнь рыцарского замка и деревни. Фаблио – коннотативно не бедные и не безусловные конструкции с эффектом реализма. По словам В.М. Жирмундского, это «бытовая новеллистика средневекового города» в рамках прочной социальной традиции.

Необходимо отметить, что интерес советских ученых возводил фаблио к общенародным идеалам, подчеркивал скромное общественное положение малоизвестных авторов, скрытое бунтарство народных масс, религиозно-

нравоучительные мотивы и рационализм, изображение повседневной жизни достаточно рядового человека эпохи.

Авторами фаблио были люди различного социального положения, клирики, но главным образом жонглеры. Науке известны такие имена как Анри Д'Андели, Буавен, Филипп де Бомануар, Ватрике Браснель де Кувен, Жан де Конде (1340), Готье Длинный, Готье Лё Лё, Гюон-король де Камбраи, Гюон Пуаселе, Жан Бодель, Куртбарбе, Рютбёф, Эушаш Д' Амьен. В остальном наука редко знает имена авторов фаблио и не может говорить об индивидуальной манере создателя того или иного произведения [Штейн, 1988: 29]. Рассказчиками этих стихотворных повестушек были главным образом жонглеры (от лат. *joculator* – шутник, забавник).

Общеизвестно, что фаблио написаны восьмисложником с парными рифмами, без разбивки на строфы, то есть по правилам «исторической» формы, сложившейся в середине XII века (по тем же правилам написаны почти все рыцарские романы, лэ, басни, «Чудеса Богоматери», стихотворные хроники и жития святых, бестиарии, аллегорические поэмы, «Роман о Лисе», диалоги и «прения», несколько позже – фарсы). Единичные исключения — самые ранние, например «Ришё», а также «Священник в ларе для сала», или «Бочонок», сохранившийся в поздней рукописи (1350). Фаблио невелики по размеру, наиболее типичны произведения в 200–500 строк; самое длинное фаблио – это «Трюбер» (почти 3000 строк), который может рассматриваться как своеобразный плутовской роман, построенный как связная цепь отдельных фаблио.

При всем многообразии форм, тем и сюжетов в фаблио присутствует один постоянный элемент, воспринимающийся как неотъемлемое свойство данного жанра – это поучение или «моралите». «Моралите» интегрируется в тему – в двух третях текстов эксплицитно, в остальных имплицитно либо с помощью поговорки и даже забавного замечания. Иногда связь между темой и «моралите» специально оговаривается: рассказ служит иллюстрацией

пословицы; в других случаях на ней строится иронический эффект. Моралите входит в структуру повествования.

Прагматическая ценность моралите, по мнению Л.Г. Викуловой, состоит в том, чтобы выразить новые требования к моральным нормам и повлиять на нравственность. Моралите предстает как один из речевых способов регуляции действий человека в обществе. В сказках моралите переключает внимание читателя на действительность. Прагматика композиционного построения с введением моралите связана с читателем, т.е. тем, кому адресованы тексты. В поучениях формулируются нравственные требования и запреты эпохи, автор рассчитывает на определенную динамику позиции читателя, изменение его ценностных установок [Викулова Л.Г.: 2001, с.90–91].

Существует мнение о том, что долгое время сюжеты о животных казались ученым пустыми или маргинальными. Лишь некоторые филологи и археологи, по мнению Мишеля Пастуро, обращали внимание на тот или иной специфический материал, так или иначе касавшийся животных. Тем не менее в христианском Средневековье к животным относились с интересом, «символически осмысляли его». Животное служило для назиданий [Пастуро 2013: 25–27]. В настоящее время животное, будучи воспринято в контексте его взаимоотношений с человеком, входит в сферу важнейших интересов социальной, экономической, материальной, культурной, религиозной, юридической и символической истории.

3.1.1. Однословные зоонимы в фаблио

Для анализа номинаций в данном жанре нами было исследовано 19 фаблио, которые составили более 300 страниц текста. Мы встретили 5 фаблио, в которых номинируются животные. Это такие фаблио, как «Завещание осла» («Le Testament d'âne»), «Кречет» («L'Epervier»), «Тытут» («Estula»), «О Бурёнке, поповской корове» (« Brunain, la vache du Prêtre»), «Куропатки» (« Les Perdrix»), «О священнике и волке» («Le prêtre et le loup»). Как показывает материал, зоопоэтические номинации в данном жанре редки.

Методом сплошной выборки проанализирован корпус языкового материала, состоящий из 60 номинаций, репрезентирующих в тексте животных. На первом этапе анализа все примеры, номинирующие животных, были разделены на однословные (46 примеров), двухсловные (11 примеров) и многословные (3 примера).

Данные по количеству номинаций в каждом фаблио приведены в таблице 6.

Таблица 6

№	Фаблио	Однословные	Двухсловные	Многословные	Всего номинаций
1	Du Brunain la vache au Prestre	10	3	4	17
2	Le testement de l'Ane	8	3	нет примеров	11
3	Estula	9	2	нет примеров	11
	Les Perdrix	14	1	нет примеров	15
4	Du prestre et du leu	4	нет примеров	нет примеров	4
5	L'Epervier	1	нет примеров	нет примеров	1
	Всего номинаций	46	10	4	60

Количественные показатели номинаций в фаблио.

Обратимся к анализу интересующих нас номинаций.

Лексико-семантический анализ однословных номинаций показывает, что среди зоонимов встречаются имена нарицательные *li asnes, un âne, li chiens, les pertrix, li chat, un leu (li leu, le leu), une mule, la vache.*, имена собственные *Blere (Blerain), Brunain, Estula*. Рассмотрим этимологию данных зоонимов с помощью словарей. При анализе использованы: Латинско-русский словарь О.А. Петрученко (1994); Словарь старофранцузского языка к книге для чтения по истории французского языка В.Ф. Шишмарева (1955), словарь F. Godefroy «Lexique de l’Ancien Français» (2003) и словарь R.G.Hauterive «Dictionnaire d’ancien français. Moyen âge et Renaissance» (1947).

Так, согласно данным словарям, номинация *asne* имеет также формы *âne, asnel, anele, ânesse*. Это существительное XII века, которое происходит от латинского существительного мужского рода *āsīnus* – «осел». Номинация *asne, âne, asinu* – существительное мужского рода, означало «осел» и употреблялась только в прямом смысле. В фаблю нет переносного или другого значения этого слова.

Номинация *chien* (формы: *chen, chenz, chiens*) обозначает «собака», «пес» и происходит от латинского *cānis* – «собака».

Номинация *pertrix* (формы: *perdriz, pertris*) – «рябчик», «куропатка» – существительное женского рода, которое произошло от греческого слова *pērdīce-*, или от греческого *perdrial*, а также, возможно, от провансальского *perdigal*, что значило *perdix-gallus* – «рябчик-самец», «галльский рябчик».

Номинация *chat* (формы: *chaz, cas, caz, chatte*) – «кот», «кошка», возможно произошло от галльского слова *cattu-* – «кошка». В латинском языке мы также находим *cātūlus* – «детеныш четвероногого животного, особенно из породы кошек и собак, а также льва, волка, медведя – «щенок», «собачка».

Номинация *mule (mul, mulet)* – существительное XII–XIII вв., слово средиземноморского происхождения, которое произошло от слов *mīlu-, mīla, mulet* – «мул».

Интерес представляет форма *in leu* («волк») как претерпевшая значительные изменения в ходе эволюции языка. Старофранцузская форма *leu* включает в себя дифтонг «*eu*», нисходящий, образованный из латинского закрытого, долгого \bar{o} : \bar{o} [$>$ \acute{o} [$ou > eu$]. Это так называемая вторая дифтонгизация давшая старофранцузскому языку нисходящие дифтонги $\acute{o}i$ ($\acute{e}u$), $e\acute{i}$ из закрытых гласных o , e [Скрелина, Становая 2005: 100].

Отмечается, что в изучаемый период осуществляется также процесс, обратный дифтонгизации, т.е. монофтонгизация. Происходит стягивание всех дифтонгов, кроме *ai*. Преобразования коснулись и дифтонга *eu*: $ou > eu > oe$, $oi > i$. Редукция дифтонгов давала разные результаты. Так, норманским или англонорманским влиянием объясняют редукцию $eu > i$ в слове *loup*; форма *leu* сохранилась во фразеологических выражениях *chante leu*, *à la queu leu leu*, *saint-leu*, где *leu* (*loup*) – «волк», от латинского *lŭpus* – «волк». Англонормандские сcribes употребляли *u* для обозначения закрытого o там, где франсийские сcribes употребляли *eu*: *seigneur*, *flur* [Там же: 100, 104, 105], т.е. имело место чередование o/u .

Но поскольку орфография в старофранцузском языке преимущественно фонетическая и стремится измениться вслед за произношением [Шигаревская 1974: 80], то в данной номинации явно присутствует, по нашему мнению, фонетико-этимологический принцип написания. Произносился «*u*», сохранивший написание дифтонга «*ou*». Данная форма зоонима *loup* сохранилась и существует в современном французском языке. Конечное «*p*» сохранилось и восходит к латинской форме *lupus*, таким образом, данная номинация – это своего рода «гибрид» и латинского, и нового романского языка, где в части эволюции гласных участвует старофранцузский язык, а в части образования согласных принято заимствование их латинского языка.

С точки зрения культурологической семантики большой интерес представляет символика зоонима *leu*. Так, зооним «*leu*» символизировал прозорливость и сексуальность, мужское насилие и садизм. Огромный и

ужасный волк был одновременно хищником, которому дали волю, символом дьявола и ереси, также волк обозначал людей упрямых, непреклонных в своем грехе [Орёл 2008: 95–97].

Бестиаристы Средневековья заметили, что слово «волк» означает «насильник»; по этой причине употребляли этот термин для обозначения проституток. С древних времен латинское слово «lupa» фактически обозначало «проститутка», в той же степени, как и «волчица». В общепсихологическом смысле волк – символ жадности разного сорта и осуждения, жестокой силы аристократии, ростовщиков, фальшивомонетчиков, судебных приставов, сборщиков налогов, изображался в компании со старой ведьмой, обозначающей алчность, использовался как эмблема прозорливости, как элемент одежды еретиков для осуждения их преступных действий. Из-за своей жадности и лицемерия монахи были названы волками, захватывали земли для дворянства, описывались сверхжадными и способными есть даже землю.

В нашем случае в сюжете фаблю «Du prestre et du leu» волк находится в яме вместе со священником. В данном факте заключается комичность фаблю, поскольку происки и того и другого похожи и наконец-то разоблачены, наказаны и жестоко отомщены вилланом, с которым поступили плохо.

Имеют место многочисленные орфографические варианты при написании номинации: *leus, lou, lo, le, lu los, lus, lox* [Шишмарев, словарь 1955: 155]. Форма «*leu*» употребляется в косвенном падеже, что соответствует общей языковой тенденции, которая заключается в том, что в языке выживают формы косвенного падежа как наиболее частого, немаркированного в своем употреблении. В современном языке старая форма данной номинации – *leu*, произошедшая от латинского *lupus* (волк) сохранилась во фразеологическом выражении *À la queue leu leu*, которое означает «идти гуськом», «идти друг за другом» [Larousse Lexis 1998: 1039, 1547].

Анализируя грамматический аспект номинаций в жанре фаблю, мы отмечаем, что имена нарицательные встречаются как в прямом, так и в косвенном падеже в функции подлежащего. Маркировка номинаций флексией в функции подлежащего *-s* составляет не более 30 % примеров, что подтверждает тезис ученых о том, что склонение существительных в данный период было нерегулярным [Скрелина, Становая 2005: 120–165].

Отмечаем также, что в 70 % случаев употреблен определенный артикль, при этом встречается специфическая старофранцузская форма артикля *li* для прямого падежа, которая исчезла в более поздние века.

Так, фаблю (в издании 28 стихов) «*Du prestre et du leu*» («О священнике и волке») дает нам всего 18 номинаций всех героев, среди которых 6 словоупотреблений зоонимов – названий самого волка. Они следующие: *un leu* или *le* (в варианте *li*) *leu* встречается 3 раза, в остальных случаях мы видим номинацию *ses bestes* в единичном употреблении с посессивом и указательное местоимение *cil*, к которому автор единожды обратился, рассмотрим таблицу 7.

Таблица 7

Номинация	Кол-во употреблений	Пример контекста
<i>un leu</i>	1	<i>Un leu vint la nuit et chiet enz =</i> <i>Волк шел ночью и упал внутрь (ямы), стих 4</i>
<i>li leu</i>	1	<i>Li leu ses bestes estrangloit... =</i> <i>волк этих существ задушил, стих 24</i>
<i>le leu</i>	1	<i>Le leu tua, et esbourssa</i> <i>Le Prestre et la garce enchaça =</i> <i>волка убил и взял выкуп у священника, стих 20</i>
<i>ses bestes</i>	1	<i>Li leu ses bestes estrangloit... =</i> <i>волк этих существ задушил, стих 24</i>
<i>cil</i>	1	<i>Chascun d'eus acheta molt chier</i> <i>Cil son deduit, cil son mengier =</i> <i>Каждый из них заплатил сполна</i> <i>Один своими выводами, один своей едой, стих 28</i>

Детерминативы с номинациями в фаблю «О священнике и волке» («Du prestre et du leu»).

Наблюдается разнообразие детерминативов в употреблении с именами существительными-зоонимами, несмотря на их малочисленность в текстах данного жанра.

Детерминатив *un* – неопределенный артикль мужского рода прямого или косвенного падежа единственного или множественного числа, восходящий к числительному *unus* – «один».

Детерминатив *li* – определенный артикль мужского рода прямого падежа, восходящий к указательному местоимению *ille* (>*ipse* – «*тот самый*»).

Детерминатив *le* – форма косвенного падежа, определённый артикль мужского рода.

Ses – безударная форма притяжательного местоимения 3 лица ед. числа прямого падежа, образованная от этимологической латинской формы *suus*.

Cil – форма указательного местоимения мужского рода прямого падежа единственного и множественного числа, восходящая от латинского *ecce ille* > *ecce ille* > *icil*. Данные формы имеют этимологическую связь со словом *ci* – «здесь» [Скрелина, Становая 2005: 66, 181 –182; Revol 2008: 103 –109].

Так, интродуктивная номинация *un leu* употреблена с неопределённым артиклем. В начале фаблио она несет функцию первичной презентации животного для сюжета:

Un leu vint la nuit et chiet enz *Волк шел ночью и упал внутрь (ямы).*

(D. pr. et d. leu: 4).

Далее в тексте фаблио данный зооним употреблен с определенным артиклем *li* или *le*, так как номинация уже повторно употребляется в тексте и не несет более интродуктивной функции:

Li leu ses bestes estrangloit... *Волк эти существа задушил...*

(D. pr. et d. leu: 24);

или:

Le leu tua, et esbourssa *...Волка убил и взял выкуп у*

Le Prestre et la garce enchaça

священника и мальчишку выгнал.

(D. pr. et d. leu: 20);

Указательное местоимение *cil* помогает автору фаблио определить животное, не повторяя зооним. *Cil* в данном случае выполняет функцию вторичной идентифицирующей номинации:

Chascun d'eus acheta molt chier

Каждый из них заплатил сполна.

Cil son deduit, cil son mengier

Один своими удовольствиями, другой
своей едой.

(D. pr. et d. leu: 20).

Интерес в фаблио представляют зоонимы, выраженные именами собственными. Согласно классификации А.В. Суперанской, группу имен собственных можно отнести к индивидуальным зоонимам. Животное может получить кличку звучную, орфографически значимую, часто территориально или социально обусловленную [Суперанская 1973:178].

В фаблио «О Бурёнке, поповской корове» («*Brunain, la vache du Prêtre*») 17 номинаций называют вполне конкретных животных – двух коров, вокруг которых завязывается сюжет: одна из которых принадлежит виллану (*Blerain*), а другая (*Brunain*) составляет хозяйство обеспеченного попа. Среди номинаций данного фаблио мы наблюдаем 10 однословных, 3 двусловные, 4 многословные. Корова виллана названа следующими однословными номинациями: именами собственными *Blerain* (2 раза), *Blere* (2 раза), именами нарицательными *beste*, *vache*, именами нарицательными с детерминативами *la vache*, *sa vache*, *nos vache*, *lor vache*, двумя двусловными номинациями – абсолютными беспредложными конструкциями – *la vache le prestre*: (со структурой N1+N2). Номинация *la vache le prestre* – абсолютная маркированная с внешней посессивностью беспредложная конструкция с прогрессивным порядком слов, специфичная для раннего средневекового периода, структурно определяющаяся как: N1+N2, где употреблены 2 существительных без предлога с чередованием артикля [Скрелина, Становая 2005: 259– 261]. Чередование артикля в прямом

и косвенном падеже выражает значение посессивности. Данная конструкция является спецификой периода и, в связи с развитием аналитических тенденций в системе имени существительного, а именно развитием предложных форм, заменивших падежные формы, не сохранилась в современном французском языке.

Номинация *vache* (формы: *vace, vake*) – существительное женского рода, происходит от латинского слова *vacca* – «корова» [Шишмарев, словарь 1955: 264; Л-РС Петрученко 1994: 675].

В фаблио имеются 3 многословные номинации: *une grant vache brune* («большая коричневая корова»), *Brunain la seue grant vache* («Брюнэн жирная большая корова») и многословная номинация в заглавии фаблио – *Brunain la vache au Prestre* («Брюнэн корова священника»).

Данная номинация нам встречается с детерминативами *la, sa, nos* или с прилагательными *bel* и *grant*, выражающими положительные значения. Интерес вызывают имена собственные (клички) коров в данном фаблио, обозначающие цвета и оттенки: *blere* – «бледный», *brun* – «коричневый». Это номинации *Blerain, Brunain, Blere*.

Цвет имел огромное значение в жизни средневекового человека. Зачастую от него напрямую зависели настроение, эмоции и даже физическое самочувствие людей. Рассматривая те или иные аспекты, специалисты не игнорируют глубинный и исторический и культурный опыт человека, которому свойственно постоянное стремление называть предметы и явления, которые его окружают. В этом случае все значения и коннотации приводят нас к идее, что данный цвет и его оттенки в Средневековье всегда имели важное значение, ценились дорого у средневековых людей, сопоставлялись с благополучием [Пастуро 2013: 140, 142, 148]. На нашем материале имена собственные встречаются при именовании коров в фаблио «*Brunain, la vache du Prêtre*» («О Буренке, поповской корове»).

Употребляя имена собственные со значением цвета, автор фаблио Ж. Бодель выражает основную идею фаблио. *Brun* означает темный, блестящий,

коричневый, темно-коричневый, *brunée* – «сумерки», *brunet* – «брюнет», *brunie* и его вариант *broigne*, *broïne* – слово, которое обозначало одежду, кожаную, или с металлическими пластинами, то есть броню, иногда что-то расшитое золотом. Номинации *Blerain* или *Blere* восходят к оттенкам белого. Мы находим такие слова, как *blariau*, *blaire*, *blâri* (с белыми пятнами) и *blaireau* – барсук, а также множество производных, обозначающих голубой или бледный, раненый (существовал такой глагол *bletiare* со значением «делать раненым»): *bleu*, *blef*, *blou*, *blef*, *bleve* и другие [Шишмарев, словарь 1955: 31–32, 36].

В номинации *Blerain* репрезентируется идея слабости, бледности, неблагополучия и богохульства. В номинации *Brunain* – идея упитанности, благополучия, силы и брони.

Как видим, имена коров в данном фаблио метафоричны, антитеза зоонимов выражает основную идею произведения. Бледная и слабая корова *Blere* небогатого виллана, которого священник хитростью собирается сделать еще беднее, приводит за собой более сильную корову *Brunain*, тем самым «слабость» удваивает благополучие виллана, побеждая жадность священника.

Интересным с точки зрения символического значения зоонимов является фаблио «О соколе» («Кречет», «L'Épervier»), в котором мы видим косвенную несобственную номинацию в названии фаблио. Непрямой, косвенной, несобственной номинацией мы называем, вслед за В.Г. Гаком, метафорическое наименование зоонимов [Гак 1998: 321–322; Гак 1977: 112–118].

Номинация *l'Épervier* употребляется с определенным артиклем, что в данном случае является важным элементом заглавия и выполняет конкретизирующую функцию в заглавии. Артикль традиционно связывается с актуализацией имени существительного, т.е. с введением имени в речь, в текст, где выявляются категориальные свойства имени, его значения и смыслы [Скрелина, Становая 2005: 138]. При минимальных языковых

средствах заглавие является максимально информативным и эмоционально нагруженным. Номинативная функция в заглавии очень важна, т.к. может быть связана с процессом узнавания, указывает на жанровую принадлежность, типизирует текст.

В данном фаблио зооним *l'épervier* («сокол») употреблен только в заглавии, в тексте фаблио он не встречается ни разу и, только, прочитав все фаблио, мы можем понять, что данный зооним соотносится с одним из героев, символизируя хитрого и коварного человека. Это так называемая имплицитная ассоциация отличает данное фаблио от эксплицитных, имеющих место в других произведениях. Номинативы, представленные в заглавиях, по мнению Л.Г. Викуловой, отображают важнейшие компоненты концептуально-тематической основы текста, т.е. заголовок совмещает в себе процесс номинации, предикации и коммуникации [Викулова 2001: 143–154].

В Фаблио «О соколе» речь не идет о данной птице, повествуется, как жена одного горожанина в отсутствие мужа принимает одного за другим любовников, пряча первого от второго, а затем, когда муж внезапно возвращается, отлично выходит из положения с помощью остроумной уловки. Фаблио разрабатывает популярную в средние века тему неверных жен и бессовестных выдумок. Нас заинтересовал вопрос о том, какое отношение имеет зоопозитическое название к сюжету. «Чужое» название выбрано по аналогии с повадками данной птицы. Соколы, согласно В.Е. Орёл, могут быть и благородными и врагами человека, кровожадными, необычно наглыми, хитрыми и трусливыми [Орёл 2008: 370]. Автор фаблио косвенно, через название-зооним, называет друга-предателя (в жизни знатного рыцаря) словом, вызывающим словесно-понятийную ассоциацию с птицей, символизирующей непостоянство и коварность.

В фаблио «Завещание осла» («Le Testament d'âne») в однословной форме употреблено 8 номинаций: *serf, un âne, li asnes, mes asnes*, 4 двусловные номинации: *âne Baudoin, si boen ami, son cors chier, lis asnes*

crestiens и одна многословная: *teïl asne ne vit mais hom (un âne, comme on rien vit jamais)*).

В мифологии и символике народов всего мира осел имеет большое значение. Осел был одомашнен людьми намного раньше лошади и был когда-то единственным транспортным средством, стоил очень дорого и имел ряд преимуществ. Однако, есть данные о том, что в Средневековье стал презираемым животным, показателем деградации [Орёл 2008: 207]. Возможно, на данном факте и основан сюжет фаблио. По сюжету священник, обвиненный епископом в том, что похоронил своего осла на священной земле церкви, спасается от наказания, вручив епископу «завещанные» ослом деньги, то есть мораль фаблио такова, что, совершив несправедный поступок, можно искупить его несправедными деньгами.

Выводы:

Зоонимы в фаблио не являются многочисленными. Все имена собственные имеют стилистическую маркированность, связанную с символической значимостью употребленных в тексте зоонимов.

С семантической точки зрения интересным является зооним *leu* («волк»), как форма претерпевшая значительные изменения в ходе эволюции языка. Современная форма этого зоонима *loup* сохранилась и существует в современном французском языке. Этот зооним – «гибрид» и латинского, и нового романского языка, где в части эволюции гласных участвует старофранцузский язык, а в части образования согласных принято заимствование их латинского языка.

Символические значения зоонимов в жанре фаблио могут выражаться как имплицитно, так и эксплицитно. Так, например, в фаблио «L'Épervier» («О соколе») символика сокола как изменчивой по характеру птицы выражена имплицитно, через употребление зоонима только в заглавии. В фаблио «Brunain, la vache du Prêtre» («О Бурёнке, поповской корове») символика цвета, масти животного выражена эксплицитно, через зоонимы, репрезентирующие клички (имена собственные) животных со значением

цветовых характеристик. Символические цветовые характеристики зоонимов *Blere (Blerain)* и *Brunain* из фаблю «О Бурёнке, поповской корове» показывают, что в номинации *Blerain* репрезентируется идея слабости, в номинации *Brunain* – идея благополучия.

С грамматической точки зрения необходимо отметить, что, несмотря на малочисленность номинаций в данном жанре, наблюдается разнообразие детерминативов для однословных зоонимов: артикли, притяжательные и указательные местоимения. При небольшом объеме фаблю авторы показывают возможность употребления всего спектра детерминативов для создания полного образа описываемого в фаблю животного.

3.1.2. Двухсловные и многословные зоонимы в фаблио

Среди рассмотренных фаблио найдено 10 двухсловных и 4 многословные номинации. Отметим, что многословные номинации встретились только в одном фаблио. Это фаблио «Du Brunain la vache au Prsetre» («О Бурёнке, поповской корове»).

Двухсловные зоонимы в фаблио представлены следующими грамматическими структурами:

- 1) N1+N2, где N1 – существительное, N2 – существительное, например: *la vache le prestre* (корова священника);
- 2) N de nombre +N – где N de nombre – количественное числительное, N – существительное, например: *deus vaches* (две коровы), *deux pertrix* (две куропатки);
- 3) Possessive+N1+N2pr., где poss. – форма притяжательного местоимения, N1 – существительное, N2 – имя собственное, например: *son asne Baudüyn* (его осёл Балдуин);
- 4) Possessive +A +N, где poss. – форма притяжательного местоимения безударная или ударная, A – прилагательное, N – существительное, например: *si boen ami* (его хороший друг); *son cors chier* (его драгоценное тело), *la seue grant vache* (своя/его большая корова);
- 5) N1pr, poss +N2, где N1pr – имя собственное, poss. – форма притяжательного местоимения, N2 – существительное, например: *Estula, son chien* (Эстула, его собака).

Среди структурных особенностей двухсловных номинаций отмечаем регулярное употребление притяжательных местоимений. При этом наблюдается смешение падежных форм. Наиболее частотна безударная форма в косвенном падеже *son* для номинаций в мужском роде, что соответствует форме притяжательного местоимения в современном языке. Для зоониминаций женского рода используется ударная форма местоимения *seue*. Это свидетельствует о том, что в изучаемый период не было разделения на притяжательные прилагательные и притяжательные местоимения, как это

имеет место в современном французском языке. Спецификой периода было то, что и те и другие могли выступать как детерминативы имени, тогда как в современном языке притяжательные местоимения выступают субститутами имени существительного.

Многословные номинации в фаблю «Du Brunain la vache au Prestre» («О Бурёнке, поповской корове») имеют следующую грамматическую структуру:

1) N1_{pr} +N2_{prep}+ N3, где N1 – имя собственное-зооним, N2 – имя существительное, prep – предлог, N3 – имя существительное, например: *Brunain la vache au prestre* (Брюнен корова священника). Данная номинация встретилась в заголовке фаблю;

2) A1+N+A2, где A1 – квалификативное прилагательное, N – существительное, A2 – прилагательное со значением цвета, например:

Une grant vache amaine brune *Большую корову приводит*
коричневую

(Brunain: 60);

3) Poss+N, A +V – номинация с предикативным определением, например: *No vache, se bel te doit estre* (Наша корова, такая красивая, как у тебя должна быть);

4) A superlatif +N, где A – прилагательное в превосходной степени, N – существительное, например: *lo plus grax moston* (самый большой баран).

С точки зрения лексической семантики интересной представляется двухсловная номинация *son asne Baudüyn* (его осел Балдуин) в фаблю «Le testament de l'Ane» («Завещание осла»). Употреблено имя собственное *Baudüyn* (Балдуин), которое восходит к прилагательному *baud* (*baut, balt*), что на старофранцузском означало *радостный, веселый, смелый*. В свою очередь, данное прилагательное восходит к франкскому прилагательному *balt* со значением *смелый* [Шишмарев, словарь 1955: 29].

Примечательно, что этот корень стал продуктивным, и в современном французском языке есть слово *baudet*, которое как существительное означает *осел, дурак, жеребец, козлы* [Гак, Ганшина 1995: 107]. В.Г. Гак отмечал, что

при переносном значении представляются всегда два понятия: исходное и новое. Происходит замещение одного значения другим: использование слова в несобственном значении, уподобление (через слово) двух разных понятий. Необычность такого сопоставления производит впечатление и создает образность или выразительность. Образность в лексеме может со временем исчезнуть, так что сохраняется лишь общая эмоциональная окраска обозначения. На семантическом уровне перенос наименования заключается в субституции одних лексических компонентов другими [Гак 1977: 109, 111, 115]. Так, на нашем примере с номинацией *Baudüyn* и словом *baudet*, произошла метафоризация имени собственного, которое приобрело переносное значение со временем. Стилистический эффект заключается в том, что слово со значением «радостный» приобретает номинация осла, т.е. глупого животного.

Лексическое наполнение двухсловных и многословных номинаций в фаблю «Du Brunain la vache au Prsetre» и «Le testament de l'Ane» обращает на себя внимание наличием «говорящих» зоониминаций. Как правило, это имена собственные (клички) животных, выступающие в роли главных персонажей. По ходу развития сюжета зоониминации «обыгрываются» авторами в различных житейских ситуациях, участвуя в создании комического эффекта с назидательным значением.

Выводы:

Материал показал, что двухсловные и многословные номинации оказываются не многочисленными в фаблю. Однако структуры таких номинаций разнообразны с грамматической и лексико-семантической точек зрения.

Более частотна среди двухсловных номинаций в фаблю структура: 1)N1+N2, где N1 – существительное, N2 – существительное – типа *la vache le prestre* – абсолютная маркированная с внешней посессивностью беспредложная конструкция с прогрессивным порядком слов, специфичная

для средневекового периода и исчезнувшая в связи с развитием аналитических тенденций в более поздние века.

Наиболее частотной для фаблю лексической двухсловной номинацией являются слова с квалификативным значением. На нашем материале это значение цвета масти животного и качественная лаудативная характеристика характера.

Зоонимы в многословных номинациях единичны. Выделить ведущую структуру не представляется возможным ввиду единичности каждой номинации.

3.2. Зоонимические номинации в лэ

В данном параграфе мы представляем анализ номинаций животных в специфическом жанре французской литературы – лэ (XII– XIII вв.).

Появление жанра лэ датируется французскими учеными примерно 1170 года [P. Zumthor: 1954, Ménard: 1979]. По форме это небольшие стихотворные произведения, называемые повестями, новеллами [Шишмарев: 1955], рассказами [Baumgartner: 1955, Штейн: 1958]. Как правило, это от 200 до 1000 строк любовного содержания с большой долей авантюрных и фантастических элементов. Ученые называют данный жанр спутником рыцарского романа бретонского цикла, поскольку, как указывают исследователи, литературным источником лэ является кельтский (бретонский) фольклор [Ménard:1979, L. Harf-Lancner: 1990].

По мнению французского ученого Ф. Менара, лэ – «жанр скромных пропорций», не занимающий века, а достаточно собранный во времени, жанр с короткой траекторией и тем самым сложный в изучении [Ménard 1979: 51].

Лэ характеризуются кратковременностью своего бытования (1160–1190гг.) и тесно связано с именем Марии Французской, известной поэтессы конца XII века, писавшей также романы и другие сюжеты бретонских сказаний, адаптируя их к феодальной действительности того времени. Науке известны 12 лэ Марии Французской, посвященных некоему «noble rei» («Известному королю», с которым ассоциируют Генриха II, короля Англии) и около десятка анонимных бретонских лэ. Лэ Марии Французской считаются первым образцом этого жанра куртуазной литературы.

Важнейшими из памятников этого жанра являются: двенадцать лэ Марии Французской (Marie de France, около 1165), разрабатывающие ряд сказочных: «Лэ об оборотне», «Об Ионеке», «О Ланвале» и др.; и куртуазных: «Лэ о ясене», «О Милуне», «Об Элидюке», «О двух влюбленных», «О соловье» и др. сюжетов. В числе лэ есть сюжет Тристана и Изольды («Лэ о жимолости»); составленный в Англии в середине XII века Томасом Бикетом на связанный с циклом короля Артура сюжет «Лэ о роге»;

варьирующий тот же сюжет анонимный «Лэ о плохо сшитом плаще» конца XII века.

Анонимные лэ конца XII – начала XIII века («Лэ о Гингаморе», «О Граеленте», «О Тидореле» и др.); обработка датского героического предания – «Лэ о Хавелоке» и несколько позднейших лэ XII века, частью варьирующих сюжеты Лэ Марии Французской («Лэ о Мелиуне», «О Дооне»), частью представляющих чисто эпические стихотворные новеллы, более куртуазные по форме и содержанию, чем обычные фаблио («Лэ о пегом коне», «О соколе», «Об Аристотеле» и др.). Некоторые лэ общеизвестно считаются формами куртуазной дидактики («Лэ о любви», «О вежестве», «О совете»).

Мария Французская является известной поэтессой во французской литературе. В.Ф. Шишмарев считает попытки отождествления ее с каким-то реальным историческим лицом неубедительными. Однако считается, что она принадлежала к феодально-рыцарским кругам. Ее называли *dame*. Она могла быть родом с Иль-де-Франс или из Нормандии, но свои басни и лэ она писала в Англии. Ее литературная деятельность приблизительно включает 1160–1190 годы. Кроме лэ, Марии Французской принадлежат множество других известных произведений и переводов. Мария была женщиной образованной, знавшей латинский и английский языки, знакомой с античной и французской литературой [Шишмарев, книга 1955: 140].

Жанр лэ был известен и до Марии Французской. Древнейшие его образцы (например, «Лэ о роге» («Lais du cor»)) датируются XII веком. Эта форма произведения связана тесно с кельтской литературой.

Слово «лэ» («lais») кельтского происхождения, первоначально обозначало мелодию, музыкальный элемент поэтического произведения. Филипп Менар упоминает, что на лангедокском «лэ» первоначально обозначало «пение птицы» («un chant d’oiseau»), и в общем слово значило «мелодия» [Ménard 1979: 53]. В ирландском языке *lôid*, *laid* означало пьесу лиро-эпического характера. В науке допустим двоякий источник тематики лэ,

при заимствовании самой формы у кельтов Великобритании форма получила широкое распространение: в нее стали облекать французские темы самого разнообразного содержания. Лэ стало формой, параллельной сказке и фавль с сюжетами, близкими к новелле, но сохранившей все же преимущественно тематику сказочно-фантастического или романического характера [Там же: 141].

Позднее во французской куртуазной литературе значение слова «*lais*» сливается со значением слова «*aventure*» – небольшого рассказа о необычайном приключении, первоначально лиро-эпического, позднее просто эпического. Общеизвестно, что лэ послужили основой для появления и развития куртуазного романа. Так, лэ «О жимолости» («*Lais de chievrefueil*») – древнейшая из дошедших до нас разработок знаменитого сюжета о Тристане и Изольде.

Символическая значимость зоонимов глубоко раскрыта в монографии Филиппа Менара «*Les Lais de Marie de France*» («Лэ Марии Французскрй») [[Ménard 1979].

Большую роль играют и символические цветообозначения. В лэ «*Guigemar*» («Лэ о Гингаморе») встречается блестяще белая овечка (*la biche blanche*), которая выступает символическим проводником рыцаря к фее, или посланницей, несущей здоровье больному, от нее зависит его существование. Раненая, она вступает в разговор с героем и сообщает ему о будущих страданиях. Эта легенда кельтского происхождения. Кроме овечки в лэ также есть белый олень – вестник, передающий сообщения из «Другого мира». В большинстве так называемых ранних «артуровских» текстов (легенд о короле Артуре) белое животное или ласточка – это приманки, призванные привлечь внимание героя к предстоящей сложной ситуации: свадьбе, смерти, убийству, заключению, расставанию и т.д. И подобный символизм возникает и в лэ [Там же: 105, 159].

Еще одно удивительное животное: ласка (*la belette*) в лэ «Об Элидюке» («*Lais d'Eliduc*»), которая, распознавая определенное магическое растение,

предупреждает смерть. С лаской связаны некоторые старые легенды о растениях, которые помогали от укусов змей или воскрешали умерших [Там же: 105, 162].

В лэ «Graelent» («Лэ о Граеленте») обессиленная лошадь трясется от страха, потому что чувствует присутствие какого-то сверхъестественного существа. Она полностью напугана, это подсказывает ее хозяину не двигаться дальше в пути [Там же: 105, 173].

Рассматривая символическое значение зоонимов в лэ, можно сделать вывод, что все метаморфозы и взаимодействия с животными в лэ не случайны. Они предприняты автором для создания мистической атмосферы. Это классический прием, который служит для того, чтобы спрятать или избежать ненужных объяснений для автора. Факты в сюжете при этом появляются, но в то же время глубокие причины, приведшие к этим фактам, остаются в тени повествования, что и делает лэ мистическим произведением, а его героев небанальными.

3.2.1. Однословные зоонимы в лэ

Было исследовано 11 лэ Марии Французской (Les lais de Marie de France) и 11 анонимных лэ (Lais Féériques), что составило более 700 страниц текста, около 56 тысяч словесных знаков. Рассмотрению подлежат номинации, представленные знаменательными словами (именами собственными и именами нарицательными), репрезентирующими животных. В отличие от изученного ранее жанра фаблю, в котором номинации зоонимов встречались редко, жанр лэ богат зоономинациями. Нам встретились только 3 лэ Марии Французской (Equitain, Chaitivel, Chievrefeuil) и 2 лэ анонимных (Lais du Libertain, Lais de Nabaret), не содержащих номинаций животных. Общий корпус примеров составил 348 номинаций животных.

С использованием вышеописанной методики, на первом этапе анализа все примеры, номинирующие животных в лэ, были разделены на однословные (245 примеров), двухсловные (80 примеров) и многословные (26 примеров). Объектом анализа являются однословные номинации как наиболее частотные.

Данные по количеству номинаций в каждом лэ приведены в таблице 8.

Таблица 8

№	Лэ	Однословные	Двухсловные	Многословные	Всего номинаций
Лэ Марии Французской					
1	Guigemar	6	6	4	16
2	Equitain	нет зоонимов			
3	Fraisne	1			1
	Bisclavret (об оборотне)	22	8	1	31
4	Lanval	3			3
5	Yonec		2		
6	Le Rossignol (Aüstic)	6	1		7
7	Milon	19	1		20
8	Chaitivel (le malheureux)	нет зоонимов			
9	Eliduc	1	1		2

10	Chievrefueil	нет зоонимов			
11	Les Dous amanz	нет зоонимов			
Итого в лэ Марии Французской		57	19	5	81
Lais Féériques (Анонимные лэ)					
12	Graelent	2	1	1	4
13	Guingamor	58	5	1	64
14	Désire	9	4	2	15
15	Tydorel	9	1		10
16	Tyolet	54	33	10	97
17	Espine (Lais de l'Aubepine)	12	5	1	18
18	Lais de Mélion	28	8	3	39
19	Lais de Doon	7	4	2	13
20	Lais du Trot	9		1	10
21	Lais du Libertin	нет зоонимов			
22	Lais de Nabaret	нет зоонимов			
Итого в анонимных лэ		188	62	21	270
Итого во всех лэ		245	80	26	348

Данные по количеству номинаций в лэ.

Лексический анализ показал, что, среди однословных зоонимов, в лэ чаще встречаются имена нарицательные, например: *la bisse*(коза), *li chien*(собака), *l'aüistic*(соловей), *li cisne*(лебедь), *li oisels* (птица), *le cheval*(лошадь) и т.д., и реже имена собственные, например: *Bisclavret* (Бисклаврет), *Garulf* (Гару).

По лексико-семантическому критерию можно выделить среди зоонимов в лэ следующие тематические подгруппы:

- 1) зоонимы, обозначающие названия вьючных животных: *bisse*(коза), *chevrel*(овечка), *cheval*(лошадь), *destriers* (беговой конь), *chacëor*(конь для охоты), *palefroï*(парадный конь);
- 2) зоонимы, обозначающие названия домашних животных: *porc* (свинья), *chiens* (собака), *liemtier* (собака-ищейка), *brachet* (охотничья собака), *caston* (котенок);

- 3) орнитонимы: *oiselet* (птичка), *l'aüstic* (соловей), *russignol* (соловей), *espervier* (ястреб), *nihtegale* (ласточка). *cisne* (лебедь);
- 4) зоонимы, обозначающие названия диких животных: *serf* (олень), *senglier* (кабан), *lions* (лев);
- 5) антропозоонимы: *Bisclavret* (Бисклаврет), *Garulf* (Гару);
- 6) номинации с негативными коннотативными значениями: *felun* (изменник), *beste* (зверь).

Рассмотрим наиболее репрезентативные номинации.

Одной из таких номинаций для данного жанра является группа орнитонимов. Орнитоним (от греч. *ornis* (*ornitos*) «птица», *onima* «имя, название») – это номинативная единица, представленная отдельным словом или сочетанием слов, которая служит для выделения, индивидуализации и идентификации именуемой птицы среди других птиц [Симакова 2003: 11]. Наиболее яркие символические значения в текстах лэ имеют два зоонима: соловей и лебедь.

Рассмотрим номинацию *aüstic* (*laüstic*). Автор лэ Мария Французская сама открывает читателям лэ происхождение номинаций данных птиц, рассмотрим пример из начала лэ:

<i>l'Aüstic a nun, ceo m'est vis,</i>	<i>Аюстик имеет имя, которое мы</i>
<i>si l'apelent en lur país; (li bretun)</i>	<i>видим,</i>
<i>ceo est russignol en Français</i>	<i>Так ее называют в ее стране (на</i>
<i>e nihtegale en dreit Engleis=</i>	<i>Бретонском)</i>
	<i>Это соловей на французском</i>
	<i>И соловей на истинном английском</i>

(*Aüstic*: 0–5).

Aüstic – «соловей», «птица-предзнаменование». Ф. Менар считает данное слово произошедшим от старого бретонского *aostic* (*rossignol* = соловей) [Ménard 1979: 29], есть мнение, что слово восходит к латинскому имени существительному женского рода *avis*, *aucëllu*, что значит «птица». В словаре латинского языка О.А. Петрученко упомянут глагол *auspīcor* – «наблюдать

приметы», «производить гадание по птицам», и прилагательное *auspīcātus* – «освященный гаданиями по птицам», т.е. «торжественно открытый» или «счастливо начатый» [Петрученко 1994: 66].

Russignol – существительное мужского рода XIII века восходит к латинскому *rōscīniōlu* ,*rōscīnīa* – < *lat. luscīnīa (ius)* – «соловей». Данное слово было засвидетельствовано в латинско-ассакских глоссах в XIII веке [Шишмарев, словарь 1955: 230]. Третье слово – *nihtegale* – имеет этимологию, которую сложно установить во французском языке, однако на английском данное слово есть. В современном английском есть орнитоним *nightingale* – «соловей» [Мюллер, APC: 471], слово имеет часть галльского имени существительного XII–XVI век – «*нетух*» [Hauterive 1947: 312].

Данная птица символизирует нежность в любви:

<i>Cil oiselet par grant dulçur</i>	<i>Эта птичка с большой нежностью</i>
<i>maintent lur joie en sum la flur =</i>	<i>поет о своей радости на цветке</i>
(Aüstic: 60).	

Присутствие соловья в сюжете лэ, по мнению Ф. Менара, означает любовь и надежду, верность своей единственной любви [Ménard 1979: 236].

Птица также предстает как предвестник счастья:

<i>«Sire», la dame li respunt,</i>	<i>Сир, отвечает ему дама, нет другой</i>
<i>il nen a joie en isest mund,</i>	<i>радости в этом мире, чем слушать</i>
<i>ki nen ot l'aüstic chanter =</i>	<i>как поет соловей.</i>
(Aüstic: 60).	

Однако в лэ смерть соловья означала и конец любви, горе и разочарование. По сюжету лэ «Aüstic», молодая и прекрасная замужняя женщина слушала соловья. Она была замужем, но полюбила красивого и статного рыцаря, который жил по соседству. Поскольку влюбленные не могли встречаться, то приручили соловья для общения, слушали его пение. Узнав об измене, т.е. о присутствии и пении соловья, муж пришел в ярость и убил птицу, свернув ей голову. Полная печали дама посылает мертвую

птичку в шкатулке своему возлюбленному, что для них обоих означает конец их любви.

В лэ «Aüstic» («Соловей») птица-соловей становится символом ревности, подозрений, тайной любви и желания быть любимыми. Данная тема считалась тенденцией романской литературы XII–XIII веков. Другую птицу – ласточку – авторы лэ в лэ «Yones» («Об Ионеке») представляют символом заботы друг о друге. С ее помощью осуществляют утреннее пробуждение и вечерний уход ко сну, присутствие или отсутствие, мотив преследования и спасения дамы. Рыцарь-птица в результате мольбы приходит на спасение дамы из заточения в башне. Сюжет взят из ранних сказок [Ménard 1979: 105, 157].

В.Е. Орёл тоже считает, что символическое значение соловья довольно сложное. Обычно песня соловья является хорошим предзнаменованием. Разные народы по-разному определяют причину виртуозного пения соловья: любовь, потеря любимой, тоска о рае, пророчества святых и т.д. В Средние века символика соловья прямо соотносилась с религиозным значением. Считалось, что соловей поет о смерти Христа и его воскрешении, и он сам по себе являлся символом величайшей любви. В славянской мифологии в былинном эпосе есть Соловей-разбойник, чудовище, схожее с человеком и птицей, есть соловьиная ночь, символ любовно порыва и т.д. [Орёл 2003: 373–376].

Номинация *cisne* – существительное XII века – первая форма современного французского слова *cygne* – «лебедь», имела в старофранцузском языке и другие производные слова: *signeau*, *cygnet*, которые обозначали «молодой лебедь». Номинация *cisne* встретила в лэ Марии Французской «Milon». Молодой человек – рыцарь – всегда находится в сопровождении лебедя, который его укрывает, ему помогает и которого он планирует подарить даме в надежде на ее покровительство и защиту в будущем:

*Garde que en prenges cunrei,
u par servant u par meschine,
que presentez li seit li cisne. =*

(Milon: 170).

Существует мнение ученого В.Е. Орёл, что в Средние века птицы могли быть символом человека, который оправдывал свои надежды. Птица выполняла такую символическую функцию только в том случае, если на ней было достаточное количество мяса [Там же: 397]. Наш пример подтверждает возможность наличия такого значения у лебедей:

*Cil sunt devant la dame alé,
si unt **le cigne** présenté .
Ele apelaun suen vaslet.
Puis si li dit: 'Or t'entrement
que mis cignes seit bien gardez
e que **il ait viande asez!**'*

(Milon: 205).

Лебеди также были символами добродетели, обладали пророческими способностями. Есть понятие «лебединая песня» [Бенуас 2006: 86; Орёл 2003: 323], которое означает «последнее произведение и последнее появление писателя или актера», и исходит не от печали, а от радости того, что старый человек может увидеть себя в «другом мире». Также лебедь всегда являлся символом верности и брачных уз, то есть имел фелицитарное значение (термин С.Г. Воркачева) [Воркачев 2004: 183–186].

Однако средневековые моралисты объявляли лебедя и символом лицемерия, считая, что «лебедь имеет прекрасные крылья, которые редко используют для полета», кроме того, «лебеди имеют белое оперение, но их тело абсолютно черное, как у лицемеров, которые кажутся добродетельными

*Проследи, чтобы принялись,
С помощью служанки или слуги,
и Ей [даме] подарили лебеда.*

*Этот подошел к даме,
И ей передал лебеда.*

Она позвала своего слугу.

*Потом ему говорит: Следи,
чтобы мой лебедь хорошо
содержался
и чтобы имел он достаточно
мяса!*

снаружи и безнравственными внутри». Также птица выражала такой грех, как лень.

Необходимо отметить, что в средние века была довольно распространена идея в виде верования о том, что люди превращаются в лебедей, лебедь был символом человеческой души, которая приносила смерть любому, кто старался ее убить. В связи с этим данных птиц оберегали [Орёл 2003: 323–324]. Однако данная символическая концепция может быть как подтверждена, так и опровергнута на нашем материале. Нам встретился пример в лэ «Milon» о том, как дама заботится о своем подаренном лебеде, как оберегает его, а затем заставляет голодать для совершения специального полета, который может спасти ей жизнь. Рассмотрим два примера:

<i>1) Quant ele ot tut l'escrit veü e ceo qu'ele i ot entendu, le cigne fet bien surjurner e forment pester e abever;</i>	<i>Когда дама закончила чтение письма, и хорошо поняла, что дальше делать, она дает лебедю отдохнуть, дает ему вдоволь есть и пить;</i>
---	---

<i>2) Tant quist par art e par engine que ele ot enke e parchemin. Un brief escrist tel cum li plot, od un anel l'enseelot. Le cigne ot laissié jeüner; al col li pent, s'il lait aler.</i>	<i>В силу хитрости своей и изобретательности, дама раздобыла чернила и пергамент: написала краткое сообщение о своем положении, запечатала, лебеда заставила голодать, прикрепила письмо к шее лебеда и отпустила.</i>
---	--

(Milon: 245–255).

Далее по сюжету лэ лебедь доставляет письмо рыцарю от дамы, и таким образом они поддерживают общение в течение восьми лет. В этом проявляется символика лебеда как хранителя верности в отношениях между людьми.

Среди метафорических зоонимов рассмотрим такие, как: *beste*, *venaison*, *volatile*, *gibier*. В контексте лэ данные слова являются номинациями для

обозначения животных. Данная категория слов чаще встречается в анонимных лэ, чем в лэ Марии Французской.

Слово *beste* – имя существительное нарицательное женского рода, восходит к латинскому слову *bestia* – «животное», «зверь», «неразумное существо». Согласно толковому словарю, значение данного слова (бранное) – пройдоха, пролаз, наглый мошенник, ловкий и дерзкий плут. «Это такая бестия, что в одно ухо влезет, в другое вылезет», «За бестию двести, а за каналю ничего» и т.д. Слово «бестия» известно в русском языке с первой половины XVIII века, причем в значении «зверь». В переносном, ругательном значении «изверг» (а также «плут», «пройдоха»). Потом возник другой, переносный смысл понятия. Под ним подразумевали: изверга, пройдоху, плута. Некоторые ученые считают, что появлению данного слова мы обязаны жаргону семинаристов. Именно они переосмыслили латинское *bestia* – «зверь». Другой словарь утверждает, что это слово на латыни означает «дурак» [Бестия: [http](http://)]. В лэ «Bisclavret» так номинируется главный герой – волк-оборотень Bisclavret (Garulf):

Garulf, ceo est beste salvage; = Гарульф, это дикий зверь (Bisc.:5–10).

Метафоричность зоонима *beste* проявляется в том, что данной номинацией именуют не только зверя, а оборотня-человека. Лэ Bisclavret («Лэ об оборотне») – один из самых древних сюжетов Средневековья. Сюжет данного лэ отражает один из ярких феноменов средневекового сознания – оборотничество.

По сюжету лэ, волк появляется у ног короля, чтобы, в момент, когда король возьмет его под защиту, приоткрыть его характер защитника, покровительственного и щедрого на самом деле.

Li reis s'en est turnez a tant.

Итак, король вернулся,

Li Bisclavret le vet siwant; ...

сопровождаемый Бисклавретом;

A tuz les suens a comandé

Всем своим приказал,

que sur s'amur le guardent bien

чтобы с любовью его берегли

e ne li mesfacent de rien
ne par nul d'els ne seit feruz; =

и ничего плохого ему не делали,
даже если захотят ему сделать
плохо.

(Bisc.: 160–170)

Таким образом, через второстепенный персонаж показывается, каким должен быть король [Ménard 1979: 102]. Сам оборотень-волк в данном лэ отчасти является символом стыдливости и неиспорченности. В лэ не все понимают поведение волка, когда он не хочет принимать облик человека при всех. Только оставшись наедине с собой, он оборачивается в человека. Так, удивительное поведение животного показывает деликатность, которую испытывает внутренне человек на публике, чувства, которые он держит при себе, и его метаморфозы [Там же: 113]. По мнению Ф. Менара, символизм волка-оборотня в данном лэ Марии Французской не включает в себя насилие и агрессивность, однако мы встречаем такой пример вначале лэ:

Garulf, ceo est beste salvage
Tant cum il est en cele rage,
Hume devure, grant mal fait,
es granz forez converse e vait.=

Гарульф – это дикий зверь;
Как только он впадает в раж,
Людей пожирает, делает большой вред,
и живет в лесу.

(Bisc.: 10).

Появляясь в лесу, по сюжету, волк забывает порядок, мораль и религию, когда ничего его не удерживает, он полностью погружается в дикость и примитивизм. Так описывается автором обычное поведение волков-оборотней, далее приводится необыкновенная история из данного лэ, где волк-оборотень не был совсем обычным, а представляется исключительным.

Обычно истории о волке-оборотне это сюжеты о жертвах, убийствах, бойне и страхе. Это кровавое животное и жестокий убийца. В лэ *Visclavret* волк-оборотень участвует и еще во втором аспекте своего образа. Он не полностью человек, но и не волк. Это человек с незаконченным образом, какой-то очень мистический, в нем борются дневная жизнь человека и ночные страдания оборотня. В лэ нет угрозы от волка или агрессии против

людей и не прослеживается мотив страха или ужаса, скорее неуверенности, фрагментарной неопределенности и всегда возвращения к человечности [Там же: 176].

Зоонимы *gibier*, *venaison* и *volatile* (см. Приложение) похожи друг на друга с точки зрения семантики, и все являются собирательными существительными для выражения значения «дичь», «вид маленьких птиц», «мелкая птица, на которую охотились», «мясо дичи». Слово *venaison* – «дичь», имеет и дополнительное значение «охота», «травля», которое восходит к латинскому слову *vēnātiōne* – «охота на дичь» [Петрученко 1994; Шишмарев, словарь 1955: 267; Godefroy 2003; Greimas 2004: 291; Hautyerive 1947]

Анализ имен собственных-зоонимов в лэ показал, что зоонимы могут выполнять функцию идентификации героя с Другим или функцию звериной самоидентификации (термины Л.В. Кузнецовой) [Кузнецова 2013: 68– 69]. В частности, номинация *Bisclavret* (*bisclavret*) – имя собственное из одноименного лэ Марии Французской *Bisclavret*, что означает «оборотень», встретила нам как в названии лэ, так и в структуре текста:

Bisclavret a nun en Bretan, Garulf l'apelent li Norman =

Bisclavret: c'est son nom en Breton, mais les Normans l'apellent Garou (современный французский) = *Бисклаврет его называли на Бретонском, а Норманны его называли Гару.*

(Bisc.: 1 – 5).

Данное имя собственное – имя волка-оборотня в одноименном лэ появилось в XIII веке, так как стал известен глагол *biscler* – «покоситься», «покривиться», и слово *biscarié* – прилагательное, которое обозначало «что-то в плохом состоянии», «испорченное». Можно предположить связь данных слов с этой номинацией. Возможно, процесс оборотничества ассоциировался с порчей человека, а не только изменением его состояния. Основываясь на классификации происхождения видов номинаций С.П. Васильевой, мы можем отнести данную номинацию к номинациям-мутациям, т.е.

номинациям, возникшим на основе метафоры или метонимии. По теории С.П. Васильевой, номинация происходит на основании того или иного выделяемого в денотате признака, с которым объект включается в определенный класс объектов, или номинация может быть сформирована из существующих языковых элементов [Васильева 2017: 7, 138].

Рассматривая вопрос об оборотничестве, Л. В. Кузнецова выделяет три типа оборотней: в первом случае человек приобретает лишь облик животного, его силу или возможности, но полностью сохраняет свое человеческое сознание; во втором – вместе со шкурой зверя человек приобретает и звериную сущность, полностью отдается во власть животного, и в третьем случае – вообще не осознает своего оборотничества – в оставшееся время продолжает жить обычной, нормальной жизнью [Кузнецова 2013:71]. В лэ «*Bisclavret*» оборотень-волк остается зверем надолго из-за предательства своей жены. По сюжету лэ, только через многие годы оборотень случайно видит свою жену, узнав ее, калечит за предательство, тем самым отомстив за себя. Только случай и привязанность к нему самого короля помогают ему обернуться назад в человека.

На примере данного лэ и номинации *Bisclavret* интересно отметить связь появления имен собственных и местностей, в которых они появляются. Так, по мнению французского ученого Филиппа Менара, действия лэ разворачиваются в Бретани. Мы находим в лэ данный стих:

Meinte merveille avum veïeki en Bretaigne est avenue = Мы уже видели те приключения в Бретани (Bisc.: 260).

Ф. Менар придерживается такого мнения, оценивая отличный от других лэ лексический строй и стиль написания, другой язык [Ménard 1979: 51]. У А.В. Суперанской в работе «Общая теория имени собственного» мы встречаем положение о том, что индивидуальные имена (клички) домашних и диких животных имеют существенные отличия от всех других зоонимов. Дикие животные обычно не получают систематических, регулярно даваемых индивидуальных кличек. А.В. Суперанская пишет, что в естественных

условиях такую кличку может получить какой-нибудь хищник, часто посещающий определенную деревню, или животное, постоянно наблюдаемое в определенном месте. Часто его имя обрастает легендами. В искусственных условиях отдельные особи диких животных получают индивидуальные клички в зоопарках или заповедниках. При этом нередко выдерживается национальный принцип – животное получает кличку, напоминающую о его родине [Суперанская 1973: 178–179]. В связи с этим нам представляется интересным рассмотреть уникальность зоонимов данного лэ. Ученый Д. Лотх понимал словосочетание «*bisc lavret*» как «*court vêtu*» – «одетый коротко» и интерпретировал это имя собственное вторым способом как «*bleidd llafar*» – «*cher petit loup parlant*». Находя бретонские черты в написании лэ, ученый утверждает, что автор Мария Французская знала франко-нормандский язык, на котором в то время говорила Бретань [Ménard 1979: 29]. В случае данного лэ Мария французская выбирала язык и имя персонажа для создания большей атмосферы фантастики, чем в других лэ. Данное лэ является единственным лэ у Марии Французской, где встретились зоонимы – имена собственные.

Не рассматривая специально вопрос о текстовых функциях зоонимов, отметим тем не менее их наличие. Зоонимы употребляются в названиях лэ (Bisclavret, l' Aüstic). Номинативная функция в заглавии очень важна, т.к. может быть связана с процессом узнавания, указывает на жанровую принадлежность, типизирует текст. Номинативы, представленные в заглавиях, отображают важнейшие компоненты концептуально-тематической основы текста, т.е. заголовок совмещает в себе процесс номинации, предикации и коммуникации [Викулова 2001: 143–154].

С грамматической точки зрения среди однословных номинаций, выраженных нарицательными именами существительными, мы встретили 106 артиклевых номинаций, что составляет 43 % примеров. Из них 90 номинаций в функции подлежащего и дополнения употреблены с определенным артиклем и 16 номинаций с неопределенным. При этом в 36 %

примеров артиклевых номинаций животных, употребленных с определенным артиклем, встречается старофранцузская форма определенного артикля *li* в прямом падеже, которая впоследствии исчезла из употребления.

Грамматическое оформление однословных артиклевых номинаций в лэ отражает особенности языкового состояния изучаемого периода. Как и в других жанрах, происходит процесс морфологизации форм существительных [Скрелина, Становая 2005: 137]. Так, мы встречаем слова, употребленные в аналитических формах со следующими детерминативами:

- 1) с формами артикля *li, le (el), la, les, l'*; *un (en), uns, des*;
- 2) с указательным прилагательным *ce, cest; cil, cel, ceste, ceo*;
- 4) с притяжательными прилагательными в формах *sun, son, mun, mon, mes, se, vostre*;
- 5) с неопределенным местоимением *tel, totes, tex*;
- 6) с количественными числительными *sis, treis*;
- 7) с предлогами *sor*;
- 8) формами слитных артиклей *del, d', de, du, al, au, as*.

Характеризуя показатель флективности среди существительных в единственном числе в функции подлежащего в наших примерах, необходимо отметить, что количество номинаций, маркированных флексией *-s* невелико – 17 % примеров:

Li oisels esteit fameillus = птица была голодная (Milon: 255).

Как известно, склонение в данный период было нерегулярным. Тем не менее материал показал, что в лэ Марии Французской все артиклевые номинации-подлежащие, выраженные определенным артиклем, в единственном числе маркированы флексией *-s*.

Анонимные лэ содержат больше немаркированных подлежащих-зоонимов – 57 % примеров:

E le brachet en l'eve entra = И собака в воду зашла (Tyolet: 380).

В данном случае мы можем сказать, что в языке лэ Марии Французской сохраняется равновесие взаимодействия между флективными или

аналитическими способами выражения грамматических значений. Это был как бы «островок спокойствия» в конкурентном сосуществовании аналитических и синтетических форм.

Зоонимы могли нести словообразовательный эффект. В этом плане наиболее продуктивным является зооним «*cheval*» («лошадь»). Отмечаем лексическую вариативность номинации *destrier* / *destrer* (скакун), *chacëor* (лошадь для охоты), *palefroi* / *palefreid* (запасная лошадь, парадный, не боевой конь). Так, зооним «*cheval*» («лошадь») встречается во многих лэ, например, мы встречаем:

...a cheval est el lai enterz = рыцарь на лошади вошел в озеро (Tydorel: 420)/

Во времена Средневековья данное животное являлось жизненно необходимым для рыцаря, хозяина, крестьянина. Номинация *cheval* фигурирует в старофранцузской пословице, которая нам встретилась в «лэ про Тро» («Lay del Trot»):

Ki a tard commence a fermer s'estable, cil ki a perdu son cheval, don't est irascu = (Qui ferme trop tard son écurie perd son cheval, ce qui le désespère, = «Кто рано закрывает свою конюшню, теряет свою лошадь, что его и расстраивает») (Trot: 285)/

Пословица написана автором в конце произведения, что делает композицию лэ похожей на фаблю, содержащее моралите.

Номинация-зооним *cheval* (существовали формы: *chevax*, *chevoz*, *keval*) восходит к латинскому существительному мужского рода *cāballus* – «лошадь» и имеет много производных слов в старофранцузском языке.

От данного существительного образовано прилагательное *chevalerous*, обозначающее «умеющий обращаться с лошадью»:

Filz aura preuz e vallanz, preuz e hardiz e combatanz, preuz e cortois e vertuoz, e molt seront chevaleros. = Оба сына его были смелыми и здоровыми, усердными и готовыми к бою, скорыми и куртуазными, виртуозами и очень умели обращаться с лошадьми. (Tydorel: 140).

В лэ «Про Тро» («Lais du Trot») нам встретился глагол *chevalcher*:

...*homes cevalchent tot dis, -qui chevauchent sans cesse...*((«Lais du Trot»: стих 260).

В словаре В. Шишмарева мы встречаем орфографические варианты данного глагола: *chevauchier, chevaucher, cevaucher, cevaucer, chivaucher* – скакать на лошади [Шишмарев, словарь 1955: 47]. Этот глагол произошел от латинского *caballicāre* – «ехать верхом».

Слова-производные от данной номинации отмечены во французском языке нашего времени. В современном словаре Larousse Lexis мы встретили *chevalin (e)* – слово, обозначающее человека, чьи черты лица похожи на лошадиные, глагол *chevaucher* – скакать на лошади, существительное *chevauchée* – лошадиные бега, а также имя, существительное обозначающее человека, скачущего или любящего скакать на лошади, – *chevaucheur (euse)*.

В.Г. Гак в работе «Языковые преобразования затронул тему номинации *cheval*. Он говорит о типах отношений между номинациями, о расхождении сигнификатов и приводит пример из хроники Вильярдюэна, где две номинации со значением «лошадь» – *chevaus* и *palefroiz* – употреблены одновременно. Термином *chevaux* хроникер обозначает не любую лошадь, а боевую, отличающуюся от запасной, тогда как *palefroi* – «запасной конь». Слово *chevaux* было употреблено хроникером в узком значении, тогда как в современном языке этот зооним имеет широкое значение.

Также примером расхождения номинаций В.Г. Гак считал слово *chevalier*, которое в старофранцузском имело более узкое значение, чем в современном, а именно «благородный воин, сражающийся на лошади», «всадник». Таким образом, зоонимы в старофранцузский период, как и другие номинации, были подвержены изменениям, семантическим сдвигам, например, изменениям в объеме номинации – расширению и сужению [Гак 1998: 619–620].

Выводы:

Анализ однословных зоонимов в жанре лэ показал, что с лингвистической точки зрения в лэ Марии Французской и анонимных лэ имеет место равновесие флективных и аналитических форм. Лексико-семантический класс зоонимов представлен широким кругом номинаций, включающих названия птиц (орнитонимы): *oiselet, l'aüistic, russignol, espervier, nihtegale, cisne*; вьючных животных: *bisse, chevrel, cheval, destriers, chacëor, palefroi*; домашних животных: *porc, chiens, liemmier, brachet, caston* и мифических существ: *Bisclavret, Garulf*.

Особое внимание обращают на себя орнитонимы – класс зоонимов в лэ, который является репрезентативным для жанра и интересным с точки зрения лексической семантики и этимологии, а также символического значения. Лэ – единственный жанр из рассмотренных нами, где орнитонимы широко представлены. В частности, речь идет об орнитонимах *l'aüistic, russignol, espervier, nihtegale, cisne*.

С точки зрения текстовых функций отмечаются имена собственные, например *Bisclavret, Garulf*. Мы отмечаем у зоонимов – имен собственных функцию организации композиции текста. Так, будучи употребленным в заглавии, зооним определяет тематическую основу текста.

Помимо этого, зоонимы выполняют функцию идентификации и самоидентификации героев, объективируя образы животных.

Наиболее продуктивным с точки зрения словообразования оказался зооним *cheval*, давший жизнь многим словам в современном французском языке (*cheval, chevalier, chevaucher* и т.д.).

3.2.2. Двухсловные и многословные зоонимы в лэ

Двухсловные номинации зоонимов в лэ представлены следующим образом. Более многочисленными двухсловные и многословные номинации оказываются в анонимных лэ, нежели в лэ Марии Французской. Так, в лэ Марии Французской встретилось 19 употреблений двухсловных и 4 многословные номинации, в анонимных лэ – 81 двухсловная и 22 многословные номинации животных.

Двухсловные зоонимы в лэ Марии Французской представлены следующими грамматическими структурами:

- 1) A+N, где A – *adg.* – прилагательное, N – *nom* – существительное.

Данная группа двусловной номинации наиболее частотна, например: *un grant cerf* (большой олень), *d'un grant oisel* (большой птицы), *gentil oisel* (умная птица);

- 2) N+Npr., где N – существительное, Npr. – имя собственное, например: *la beste Bisclavret* (зверь Бисклаврет);

- 3) N+A, где – N существительное, A – *adg.* – прилагательное, например: *beste salvege* (это животное (существо), дикое животное).

Многословные структуры номинаций в лэ Марии Французской имеют следующий вид: A1+N+A2, где A – *adg.* – прилагательное, N – существительное, A – *adg.* – прилагательное, например: *del malvais chien coart* (плохая трусливая собака).

В двухсловных и многословных структурах в лэ Марии Французской в качестве детерминативов употребляются неопределенные и определенные артикли в формах, характерных для старофранцузского периода. Употребляется также предлог *de*.

Картина двухсловных и многословных номинаций животных в анонимных лэ более многочисленна и интересна к рассмотрению.

Двухсловные зоонимы в анонимных лэ представлены следующими грамматическими структурами:

- 1) A+N, где A – adg. – прилагательное, N –nom – существительное, например: *ses bons cheval (их хорошие лошади), li bons chevaux (хорошие лошади), le boin cheval (хорошая лошадь), le blanc sengler (белый кабан), ferrant destrier (серая лошадь, лошадь цветы железа)*.
Данная структура является ведущей среди двухсловных в лэ;
- 2) N1+N2, где N1 – существительное, N2 – существительное. Одно из существительных – косвенная или метафорическая номинация, например: *beste chevalier (существо-всадник)*;
- 3) N+A, где – N – nom – существительное, A – adg. – прилагательное или прилагательное с сравнительной степени, например: *une beste molt crepue (очень страшный зверь), une bisse toute blanche (коза вся белая)*;

Многословные номинации в анонимных лэ имеют следующие структуры:

- 1) N + A1+et + A2, где N – nom – существительное, A1 – adg. – прилагательное, et – союз, A2 – adg. – прилагательное, например: *une tulle gente e bele (благородный и красивый мул)*.
- 2) N + V+ A1+A2, где N – nom – существительное, V – verbe – глагол, A1 – adg. – прилагательное, A2 – adg. – прилагательное, например: *cheval fu e beus e granz (лошадь была и красивая, и большая)*;
- 3) A1+N+A2 et non, где A1 – adg. – прилагательное, N – nom – существительное, et – союз, non – отрицательная частица, например: *bon cheval baiart et non (хорошая быстрая и нет лошадь)*;
- 4) A+N1 +prep. +N2, где A – adg. – прилагательное, N1 – nom – существительное, prep. – предлог, N2 – существительное топоним, например: *le boin destrier de Castiele (хороший Кастильский боевой конь)*;
- 5) Num + A+N, где Num – количественное числительное, A – adg. – прилагательное, N – nom – существительное, например: *dous blanc espervers (два белых ястреба)*;

6) A1+N+A2 , где A – *adg.* – прилагательное, N – существительное, A – *adg.* – прилагательное, например: *vitle cerf gisant* (живой лежащий олень);

7) придаточное предложение определительное с относительным местоимением *qui* (который), например: *cerf qui ert e grant e gras* (олень, который и большой, и жирный). Данная структура характерна для метафорических многословных номинаций.

Отмечаем разнообразие структур многословных номинаций в анонимных лэ. Это разнообразие не позволяет нам выделить ведущую структуру среди прямых номинаций. Все прямые многословные номинации единичны. Однако среди метафорических номинаций выделяется структура с наличием придаточного предложения определительного, например:

...tel beste veüe qui mainte autre preut e ...такого зверя видел, который часто
tanjue других ловит и ест.

(Tyolet: 255).

Необходимо отметить, что номинации с постпозитивным компонентом – придаточным определительным предложением – характерны для старофранцузского периода [Скрелина, Становая 2005: 277]. Текстовой функцией таких номинаций является то, что они участвуют в описании портретов персонажей, передают портретные характеристики. На нашем материале мы видим, что автор лэ прибегает к подобным конструкциям, описывая также не только событийных персонажей лэ, но и животных, которые участвуют в сюжете лэ.

Лексическое наполнение двухсловных и многословных номинаций в данном жанре, независимо от авторства лэ, разнообразно. Существительные представлены чаще всего прямыми зоонимами, т.е. обозначениями названий животных в прямом смысле слова: *cerf* (олень), *oysel* (птица), *chien* (собака) и т.д., реже – косвенными номинациями животных: *beste* (существо), *chevalier* (всадник). Прилагательные, которые являются частями структур

двухсловных и многословных номинаций, можно условно разделить на подгруппы:

- 1) прилагательные, обозначающие качества с лаудативными и пейоративными значениями: *grant* (большой), *gentil* (умный), *bons* (хороший), *malvais* (плохой), *coart* (трусливый), *salvege* (дикий);
- 2) прилагательные, обозначающие цвет: *blanc* (белый), *blance* (белая), *ferrant* (серый, цвета железа);
- 3) прилагательные в степени сравнения: *une beste molt crenue* (очень страшный зверь), *bestes ne de si beles con vos estes* (зверь не такой красивый, как вы).

Картина лексической семантики в лэ Марии Французской – двухсловные и многословные номинации – представлена далее в таблицах 9 и 10.

Таблица 9

№	Лэ	Номинации	Перевод номинаций
1	Двухсловные структуры с прямыми зоонимами		
1	Guigemar	un grant cerf	большой олень
2	Younec	d'un grant oisel gentil oisel	большая птица благородная птица
2	Двухсловные структуры с именами собственными		
1	Bisclavret	la beste Bisclavret	животное Бисклаврет
3	Двухсловные метафорические номинации		
1	Bisclavret	ceste beste,	это животное (существо), дикое
2		beste salvege	животное

Картина лексической семантики двухсловных номинаций в лэ Марии Французской.

Таблица 10

Многословные номинации в лэ Марии Французской			
1	Прямые многословные номинации		
№	Лэ	Номинации	Перевод номинаций
1	Guigemar	del malvais chien coart	плохая трусливая собака собака,
2		felun, ki mort la gent par traïsun	коварная, которая убивает людей за предательство

Окончание таблицы 10

3		la bisse, ki nafree esteist,	овечка, которая была ранена,
4		anguissusen ert, si se plaingneit la bisse ki fu nafree	тоскливая была, и таким образом жаловалась овечка, которая была ранена
2	Метафорические многословные номинации		
№	Лэ	Номинации	Перевод номинаций
1	Guigemar	tute fu blanche cele beste; perches de serf out en la teste	вся была белая эта зверушка; и носила она рога оленя на голове

Картина лексической семантики многословных номинаций в лэ Марии Французской.

Как видно из таблицы 10, двухсловные и многословные номинации в лэ Марии Французской немногочисленны и лексика имеет ряд особенностей. Язык лэ о Гижемаре («Guigemar») показывает глубокие чувства скорби Марии Французской через сюжет и лексику лэ. В некоторых частях лэ Мария не говорит от первого лица, напрямую передавая свою скорбь в повествовании, а приходит к другим способам, чтобы показать отчаяние в тексте лэ, в том числе и в описании животных. Часто для эффекта экспрессивности Мария Французская повторяет формы двух почти одинаковых слов или предложений, находя синонимы:

<i>A terre chiet su l'erbe drue</i>	<i>Он должен встать на землю</i>
<i>delez la bisse qu'out ferue</i>	<i>около овечки, которая убита,</i>
<i>La bisse, ki nafree esteist, anguissusen ert, si se plaingneit</i>	<i>овечка, которая была ранена, тоскливая была, и таким образом жаловалась.</i>

(Guigemar: 100).

Такой подход в творчестве лэ Марии Французской подтверждает Ф. Менар. Ученый считает, что в текстах Марии есть ряд приемов для специального выражения горя и несчастья с помощью повторений синонимов, повествования от первого и третьего лица, в выражении состояния отчаяния [Ménard 1979: 223]. В лэ Guigemar многословная интродуктивная номинация

del malvais chien coart... («плохая трусливая собака ...») с лексической точки зрения имеет наполнение прилагательными с пейоративным значением, что тоже используется для придания эффекта отчаяния, поругания, а также мистики:

<i>Sun pris li vuelent abaissier: pur ceo comencent le mestier del malvais chien coart felun, ki mort la gent par traïsun</i>	<i>Свою цену он хочет уронить, с этого начинается призвание плохой трусливой собаки, коварной, которая убивает людей за предательство.</i>
---	--

(Guigemar: 10).

Точку зрения о мистичности персонажей и повествования в текстах лэ Марии Французской подтверждает в своих комментариях Халф-Ланкнер. Ученый считает, что овечка, которая попадает в сюжет лэ о страстном охотнике в предыдущем примере, символизирует плохое замужество [Half-Lancner 1990: 31]. В анонимных лэ картина лексической семантики несколько шире, чем в лэ Марии Французской, и количество многословных и двухсловных номинаций больше. Данные по двухсловным номинациям представлены в таблице 11.

Таблица 11

№	Лэ	Номинации	Перевод номинаций
1	Двухсловные структуры с прямыми зоонимами		
1	Désire	ses bons cheval ferrant destrier	хорошие лошади серо-стальной конь (боевой)
2	Tydorel	son / li bons chevaux	его / хорошая лошадь
3	Espine	un / du / le boin cheval du cheval verité le cheval pierdu	хорошая лошадь, дорогая лошадь потерянная лошадь
4	Doon	son bon destrier bon chien	его хороший (боевой) конь хорошая собака

Окончание таблицы 11

5	Guingamor	le blanc sengler le grant sengler	белый кабан большой кабан
6	Désire	son bon brachet	его хорошая охотничья собака
7	Tyolet	du/son blanc brachet un grant serf serf coupé uns des lions 7 granz lions	его белая охотничья собака большой олень раненый (зарезанный) олень один из львов 7 больших львов
8	Graelent	une bisse toute blanche	коза вся белая
9	Méliion	vitle cerf gisant si cortios leu le leu tué	живой лежащий олень такой учтивый волк убитый волк
2	Двухсловные структуры с метафорическими номинациями		
1	Tyolet	beste chevalier, chevalier beste beste hardie beste ne cerf	существо-всадник, всадник-существо храброе существо существо не олень
2	Espine	totes les bestes	все звери

Картина лексической семантики двухсловных номинаций в анонимных лэ.

Наиболее частотной для лэ категорией прилагательных, участвующих в двухсловных номинативных структурах, являются квалификативные прилагательные с лаудативным значением, например: *bons* (хороший), *granz* (большой), *beus* (красивый), *verité* (настоящий), *baiart* (быстрый). Материал показал, что такие прилагательные чаще всего употребляются по отношению к лошадям или животным, которые помогают людям в охоте, например собакам, т.к. все животные данного типа в Средневековье стоили дорого и их характеристики были очень важны. Например, в контексте анонимного лэ о Гингаморе, король отказывается дать своему племяннику для охоты собаку и лошадь, т.к. они были хорошие и он боялся их потерять.

Se son bon brachet li prestoit

Если его хорошего пса ему он

et son chacëor li bailloit

уступит,

(n'avoit avoir qu'il amast tant,

и его лошадь для охоты ему даст...

ne le donroit por rien vivant)

(не было еще, чтобы он так его любил, его не отдаст он ни за что живым).

(Guingamor: 215).

Также в тексте лэ встречаются прилагательные *vitle* (живой), *tué* (убитый), т.к. данные характеристики являлись важными и всегда обозначались в контексте по отношению к животным при описании охоты и т.д.

Одной из распространенных для лэ категорий прилагательных в двухсловных номинациях являются прилагательные со значением цвета, в частности белого. Описание белого цвета для различных номинаций, в том числе для зоонимов, характерно для старофранцузского периода. В работе Е.С. Шерхоновой мы находим, что прилагательное *blanc* (белый) является наиболее частотной номинацией белого цвета в старофранцузском языке и восходит к франкскому *blanc* со значением «белый», «блестящий» [Шерхонова 2012: <http>]. Согласно принятой в средние века символике цветов, *blanc* указывает на благородство, откровенность, а также чистоту, невинность и правдивость героя, обозначенного данным цветом [Там же].

В двухсловных номинациях в лэ белым цветом обозначены зоонимы в разных категориях, например: *le blanc sengler* (белый кабан) – дикое животное, *dous blanc espervers* (два белых ястреба) – орнитоним, *son blanc brachet* (его белая охотничья собака) – животное для охоты. Лексема *blanc* полисемантическая, и зоонимы, употребленные с ней, могут иметь разные символические значения. Рассмотрим пример из лэ Desiré:

Vestues furent richement,

Богато были они одеты;

lur dras valent cent marz d'argent;

Их одежды стоили марки золота;

dous blanc espervers porterent

Два белых ястреба несли.

(Desiré: 685).

В данном примере наличие белых птиц у богатых людей в контексте лэ указывает на их богатое и благородное происхождение, тем более что белый

цвет часто использовался при описании мужского портрета [Там же]. В этом случае через номинацию животных, которые явились частью такого портрета, подчеркивается доблесть рыцарей, благородство мужских персонажей, как это и было принято в средние века.

На нашем материале нам встретилось и прилагательное *blance* (белая):

<i>N'eut gaires le bois erré,</i>	<i>И еще не войдя в лес,</i>
<i>en I. boisson espès ramé</i>	<i>Как он увидел в густых ветвях</i>
<i>voit une bisse toute blanche</i>	<i>овечку всю белую,</i>
<i>plus que n'est nois nule sor brance</i>	<i>более чем белый снег на ветках</i>

(Graelent: 200).

В словаре В.Ф. Шишмарева данное прилагательное относится к группе прилагательных со значением «белая», «блестящая». Так, существуют формы *blance*, *blanche* [Шишмарев 1955: 32].

Среди номинаций, состоящих из двух существительных, рассмотрим двухсловную номинацию *beste chevalier* в анонимном лэ «Tyolet». Так в лэ названо необычное страшное чудовище-рыцарь, которое живет в лесу, разрывает и съедает других животных и с которым должен бороться рыцарь Tyolet. Необычное животное в лэ и ведет себя необычно, не всегда как животное, и вступает в разговор с рыцарем. Приведем пример из лэ:

<i>Or me dites, chevalier beste,</i>	<i>Так, скажите мне, рыцарь-зверь,</i>
<i>por Deu e por le seue feste,</i>	<i>перед Богом и в этот праздник,</i>
<i>se il est duques de tiex bestes</i>	<i>есть ли еще вообще такие звери,</i>
<i>ne de si beles con vos estes</i>	<i>такие же красивые, как вы.</i>

(Tyolet: 190).

Интересной нам показалась точка зрения Ж. Маторе, согласно которой «бестии» (звери) обладают ранимой душой. Их место четко определено в иерархии всех существ, среди людей, которые имеют, по мнению автора, бессмертные души. Маторе также отмечает, что в средние века для обозначения животных в общем пользовались в основном словом *beste*. Слово *l'animal* существовало, но редко звучало в речи людей [Matoré 1985:

252]. Мы не обнаруживаем слово *animal* в словарях старофранцузского языка. Нам встретилось только слово *animant* – существительное мужского рода, слово XVI века, которое обозначало «живое существо», «не растение» и происходило от латинского *animantem* или *ānīmus*, что означало «душа», «дух», «смелось» и также «намерение», «смелось», «память». Также в старофранцузском периоде существовало слово *anīte*, которое означало «тело броненосца» или «тело в панцире в виде вложенных стальных лезвий, загнутых в виде хвостов креветок». Это животное в те времена считалось неизведанным [Hauterive 1947: 26; Петрученко:1994: 41].

Многословные номинации анонимных лэ с лексико-сематической точки зрения разнообразны. Номинации представлены в таблице 12.

Таблица 12

Многословные номинации			
1	Прямые многословные номинации		
№	Лэ	Номинации	Перевод номинаций
1	Désire	cheval fu e beus e grant	лошадь была и красивая и большая
2	Doon	son cheval bien aaisiez bon cheval baiart et non	его лошадь из хорошей конюшни хорошая лошадь быстрая и нет
3	Espine	le boin destrier de Castiele	хороший Кастильский боевой конь
4	Tydorel	cerf qui ert e grant e gras	олень, который и большой и жирный
5	Tyolet	chevrel cras e lonc e grant une mule gen cerf qui e bel e grantte e bele	косуля жирная, высокая и большая благородный и красивый мул олень, который был красивый и большой
6	Mélion	leu grant e corsus un molt grant cerf	волк большой и сильный телом очень большой олень
7	Désire	un sengler parcreü e grant dous blanc espervers	кабан широкий и большой, два белых ястреба
8	Trot	le plus haut ceval d'Espagne	самая высокая лошадь Испании
2	Метафорические многословные номинации		
№	Лэ	Номинации	Перевод номинаций
1	Tyolet	une beste molt crenue bestes ne de si beles con vos estes les bestes qui totes ont coiffes es testes tel beste qui mainte autre preut e manjue	очень страшный зверь зверь не такой красивый как вы, зверь, который имеет прическу на голове, такие звери, которые других забирают и едят

		chevalier qui molt estoit preuz e legier	всадник (оборотень), который был очень храбрый и легкий на подъем
--	--	---	--

Картина лексической семантики многословных номинаций в анонимных лэ.

Лексика многословных номинаций анонимных лэ содержит прилагательные со значением качества и цвета: *cheval fu e beus e grantz* (лошадь была и красивая, и большая), *cerf qui ert e grant e gras* (олень, который и большой, и жирный), *chevrel cras e lonc e grant* (косуля жирная, высокая и большая), *une mule gente e bele* (благородный и красивый мул). Качественные характеристики прямых многословных номинаций чаще имеют лаудативные значения. Среди метафорических номинаций мы тоже видим прилагательные с лаудативным значением, такие как *beles* (красивый), *legier* (легкий), *preuz* (храбрый).

Выводы:

Наш материал показал, что более многочисленными двухсловные и многословные номинации оказываются в анонимных лэ, нежели в лэ Марии Французской. Их структуры довольно разнообразны с грамматической и лексико-семантической точки зрения. Более разнообразны номинации анонимных лэ.

Среди двухсловных номинаций в лэ ведущей структурой является А+N, где А – adg. – прилагательное, N – nom – существительное. Наиболее частотной для лэ категорией прилагательных, наполняющих двухсловные структуры, являются квалификативные прилагательные с лаудативным значением, а также прилагательные-цветообозначения со значением *blanc* (белый).

Прямые зоонимы в многословных номинациях единичны с разными грамматическими структурами. Выделить ведущую структуру невозможно ввиду единичности каждой номинации.

Ведущей структурой для многословных метафорических номинаций является определительное придаточное предложение, что более характерно для анонимных лэ.

Лексика многословных номинаций анонимных лэ содержит зоонимы, объективированные именами существительными и именами прилагательными со значением качеств и цвета. Качественные прилагательные чаще имеют лаудативные значения.

Символическим значением обладают двухсловные и многословные номинации, в состав которых входит слово *beste* со значением «зверь», «существо», «зверь, который обладает ранимой душой».

3.3. Зоонимические номинации в куртуазном романе

Общеизвестно, что родиной куртуазной поэзии был юг Франции, но роман рождается на севере примерно в 1066 году во времена норманнского завоевания Англии. Авторы первых романов были учеными клириками, составлявшими хроники. Хронистом был человек, первым употребившим в 1155 году слово «роман» в качестве литературного жанра, – нормандец Вас. Данное слово очень быстро стало обозначать новую литературную форму жанра. Романист становится сочинителем, а то, что выходит из-под его пера – художественной литературой.

Ученые отмечают, что роман есть не что иное, как французское продолжение латинских рассказов, а слово «роман» во французской средневековой литературе включало псевдоисторические или легендарные повествования на романском языке. Роман отличается от мифа, песни и других жанров. Средневековый роман – центральное явление средневековой светской литературы, сфера постановки и разрешения важнейших проблем человеческой личности и ее отношений с миром. Персонажи, события и ситуации средневекового романа имеют, прежде всего, символический, знаковый характер, являются носителями определенных функций в системе целого. Средневековый роман ориентирован не на внешние образцы, непосредственно почерпнутые из окружающей жизни, а на традиционные, в конечном счете, архетипические образы и отношения. Сам термин «роман» широко понимали, включая переложения разнообразных героических и любовных историй на «романском», т.е. старофранцузском, языке, но только не на темы французской национальной истории [Rousse 1994: 11; Мелетинский 1983: 3–23].

Куртуазный (рыцарский) стихотворный роман на французском языке в пределах владения французской и английской короны сложился в первой половине и достиг высшего развития во второй половине XII века, придя на смену героическому эпосу. Романское слово *куртуазный courtios* – франц. *учтивый, вежливый*; от *cour* – *двор*). *Куртуазия* – сложный ритуал

отношений и нравственных качеств, предполагаемых придворным этикетом. Поэтических текстов, созданных в эту эпоху, много, и сегодня уже неизвестно, кто были авторы большего числа из них, но среди поэтов появлялись и запоминающиеся фигуры с яркой индивидуальностью. Сюжет каждого романа локален и эпизодичен, развернут вокруг одного героя или даже вокруг одного события его жизни. Именно такую композицию создает и разрабатывает величайший из авторов этого жанра – Кретьен де Труа [Мелетинский 1983: 28–29].

Сюжеты средневекового романа многообразные и сказочные, авантюрные. Во французском рыцарском романе прослеживается волшеббно-героическая сказка, второстепенными сюжетами могут быть новеллистические или анекдотические: проделки ловких слуг, приключения влюбленных, трудные задачи героев. Сказка оказала большое влияние на роман. Через сказку средневековый роман впитал в себя мифологические мотивы, превратив сказочные мифологические мотивы в приключения.

Животные в куртуазном романе могут являться мифологемами (термин Е.М. Мелетинского, 1983) наряду с другими магическими объектами, богами, календарными мифами, ритуалами и т.д. Как считает Е.М. Мелетинский, в романах разрабатывается «мифология любви», которая может включать в себя и определенные образы влюбленных героев. Формируется мифологический фон романа, в его формировании участвуют животные. В романах широко представлена символика животных. Так, например, Эрек в романе «Эрек и Энида» проходит ритуальное испытание с ястребом и получает руку Эниды. Птица становится спутником испытаний. Введение в сюжет любых природных классификаторов: времен года, картин природы, растений, цветов и в их числе животных является очень важным. Они становятся важнейшими элементами структуры романа, сопровождают события и настроения, гармонируют с описываемыми чувствами персонажа. [Мелетинский 1982: 256, 264].

Номинация животного может выступать в романе как своеобразный *код культуры*, то есть семантическое целое, как поле смыслового напряжения, в котором актуализируются значения, заложенные в каждом отдельном компоненте. Например, код культуры объединен в действия человека и / или животного. В лингвокультурологии в центре рассмотрения находятся знаки языка как вербальная часть кода культуры, как экспоненты закодированных в них культурных смыслов. Зоонимы выступают как орудие для выражения смыслов, как вещный, зоологический, звериный код мифа или нужной идеологии. Живые существа являются предметами культурного осмысления и оценивания в контексте культуры, они служат обозначениями культурных знаков, которые лежат в основе осмысления языковых сущностей, представляя собой подоснову культурной интерпретации явленного в языковой оболочке языкового образа.

Код культуры – это формирующая определенный фрагмент образа мира совокупность ментефактов, связанных с наделенными культурными смыслами феноменами, относящимися к одному типу и / или одной сфере бытия. Имена последних несут в дополнение к основным значениям, отражающим свойства именуемых феноменов, функционально значимые для культуры смыслы, что обуславливает их функционирование в качестве эталонов, символов и образных оснований метафор и тем самым позволяет рассматривать данные единицы как тела знаков языка культуры, т.е. придает этим именам роль знаков лингвокультуры.

Зоонимическая, орнитологическая или энтомологическая, тема широко представлена в старой символической, которая представляет собой некие коды. Так, например, в дальневосточной символической цапля – символ чистоты, бабочка – символ радости, цикада – вечной жизни, утка – верности в браке и т.д.

С кодом культуры тесно связаны *символы* и такие производные и связанные с ними понятия, как *символ культуры*, *символическое* или *символьное значение*, *символизация*, *символьный смысл*, *языковленный*

символ, вербальный символ культуры или квазисимвол. В семиотике – *символ* понимается как конвенциональный знаковый заместитель референта или референции, в лингвокультурологии он рассматривается как знак культуры. Символы представляют собой константы, особого рода устойчивые образы, в структуре которых предметный образ и глубинный смысл находятся в тесной взаимосвязи, что представляет собой регулярную воспроизводимость культурного символа. *Оязыковленный символ* является вербальным символом культуры, достигает вершины овнешнения своего культурного смысла. Символическое значение принадлежит реальным знакам, т.е. вещам, действиям, субъектам, существам и явлениям, свойствам реального мира. Слово или изображение получают эту семантику отраженно, вторично – от обозначаемой ими реалии.

Средневековый роман – большая эпическая форма – ставит и решает идеологические и художественные задачи большого масштаба: он открывает личность героя с душевным миром, противостоящим социуму. В бретонских романах Кретьена де Труа («Эрек и Энида», «Ивейн», «Ланселот», «Персеваль») происходит сложный процесс гармонизации внутреннего и социального человека в герое. Средневековый роман в целом знаменует начало осознанного художественного вымысла и индивидуального творчества. Он составляет вершину средневековой повествовательной литературы [Мелетинский 1982: 265, Михайлов 1976: 4–14].

3.3.1. Однословные зоонимы в куртуазном романе

Для данного параграфа нами было исследовано 400 страниц текста романа «Érec et Énide» («Эрек и Энида») Кретъена де Труа, что составило около 48 тысяч словесных знаков.

Общий корпус примеров в романе составил 174 словоупотребления названий животных. Все примеры, номинирующие животных, были разделены на однословные (128 примеров), двухсловные (35 примеров) и многословные (11 примеров). Объектом анализа в данном параграфе являются однословные номинации как наиболее частотные.

Анализ корпуса однословных номинаций в романе «Эрек и Энида» показал, что в основном животные названы однословными номинациями – именами нарицательными. Нам не встретились номинации – имена собственные. Наиболее часто в предложениях номинации выполняют функцию дополнений – 87 % (114 номинаций) и подлежащих – 11% (14 примеров). Среди данных подлежащих большинство употреблены с артиклями.

Грамматическое оформление зоонимов в романе включает в себя определенные, неопределенные, слитные артикли, притяжательные и указательные детерминативы. Таковые выступают в качестве аналитических средств выражения грамматических значений имени. Ведущим средством является определенный артикль в форме *li* для подлежащего и в формах *le* и слитной специфической в данный период форме *del* для дополнений.

Как известно, в ходе эволюции языка выживает немаркированная форма существительного или форма косвенного падежа существительного и артикля как наиболее частотная [Там же: 164, 403; Picoche, Marchello-Nizia 1998: 223].

В нашем случае речь идет о форме *le*, которая представлена в современном французском языке в качестве артикля мужского рода единственного числа для существительного. Из других детерминативов доминирует притяжательное прилагательное в 3-м лице единственного числа

son. Номинаций с вариантами определенного артикля *le* – 17 примеров, слитным артиклем *del* – 12 примеров, притяжательным прилагательным *son* – 13. Менее частотны номинации, употребленные с формами артикля *les*, – 6 номинаций, *l'* – 9 номинаций, *de / d'* – 5 номинаций, а также встретились единичные случаи употребления неопределенного артикля *un / une* – 3 номинации, *as* – 1 номинация, указательного местоимения *cist / cest* – 2 номинации.

Синтетические средства оформления зоонимов также представлены на нашем материале. Они представлены через оппозицию флексий *-s / -∅* (отсутствие флексии), которая выражает категорию падежа, существовавшего в старофранцузском языке. Встретились правильные формы зоонимов типа «*li murs*» и неправильные типа «*li mur*». На нашем материале маркированных форм подлежащих больше (12 примеров из 14 подлежащих). Отсутствие артикля отмечается в группе зоонимов в романе как нечастое явление. Как правило, отсутствие артикля отмечается перед абстрактными существительными, например, *tendrur* (*нежность, сочувствие*), *poïr* (*страх*), *traïsun* (*предательство*). Наше исследование позволяет заключить, что в группе конкретных существительных без артикля употреблялись зоонимы с лексико-семантическим значением «вьючных животных», например, *cheval* (*лошадь*), *destrier* (*большой боевой конь*).

В целом можно сказать, что при грамматическом оформлении класса зоонимов отражено общее состояние старофранцузского языка в изучаемый период. Так называемое «динамическое равновесие» аналитических и синтетических способов выражения грамматических значений с преобладанием аналитических форм совпадает с общей языковой тенденцией развития системы существительного для периода [Скрелина, Становая 2005: 137, 134, 164].

Лексико-семантический анализ однословных номинаций в романе показал, что все однословные номинации условно можно разделить на 3 лексико-семантические подгруппы: номинации вьючных животных, птиц и

подниматься.

(É et É: 4905).

Также:

Guivrez le fiert par tel esforz

Que par la crope de cheval.

L'an porte a terre contre val

= Живре наносит ему удар с такой силой, что заставляет его перелететь через круп лошади, и приземляет его.

(É et É: 5015).

Очевидно, что самое необходимое для средневекового человека животное воспринималось как домашняя утварь, которая всегда под рукой и не несет никакой символики. Подобное мнение высказал в своей работе М.Пастуро. Животные могут быть представлены в совершенно противоположных тенденциях осмысления и восприятия, что характерно для описания животных в средние века. Несмотря на то, что лошадь – животное, часто обращающее на себя внимание, оно не имеет символической значимости, только практическую, возможно происходящую из чрезмерной привязанности и зависимости от данного животного в жизни [Пастуро 2013: 26].

Подобное же мнение о незаменимости лошади как экипировки для армейского обеспечения высказал Ж. Маторе в работе «Le vocabulaire et la société médiévale». Речь идет о лошади как о незаменимой вещи, и данному вопросу уделяется достаточно внимания в романе. Ж. Маторе отмечает, что обычно в куртуазных романах много говорится об экипировке самих лошадей – сбруе, чистке и т.д., например, употребляются такие старые слова как *arçon* (ленчик – основа седла), *cengles* (подпруга, перевязь), *estrie* (стремена), *ferrer* (подкова), *fer* (железо, мечь), *resne* (вожжса, повод), *sele* (сиденье, стремянка), которые были употреблены в романе «Рыцарь со львом» [Matoré 1985: 252–253].

Среди других зоонимов встретилось метафорическое употребление номинации *la cievre* (коза) в пословице:

Tant grate la cievre que mal gist

*Там скребет овечка, где что-то
плохо лежит.*

(É et É: 2585).

Эта пословица впервые встретилась в «Романе о Ренаре» в XIII веке и берет начало из старой сказки. В сказке говорится, что коза, чтобы повеселиться, разгребает землю и находит нож, которым потом и будет зарезана. Смысл пословицы – не находиться в некомфортных для себя ситуациях [Proverbes et dictons 2000: 30].

Символической значимостью в романе обладают только птицы. Интересными с этой точки зрения представляются номинации, обозначающие птиц, которые являлись известными символами охоты у многих средневековых европейских народов. Часто подвиды этих птиц рассматривают вместе, и поэтому представлено несколько номинаций (*faucon, terçuel, espervier, esmerillon*). В качестве дополнений употреблены 4 разных слова – 4 номинации со значениями похожих птиц: *terçuel* – *tierselet* (самец ястреба), *faucon* (сокол), *esmerillon* (кобчик – птица, вид сокола), *espervier* (ястреб):

*Qui faucon ou terçuel n'eüst, все без исключения несли ястреба,
Esmerillon ou espervier, или кобчика, или сокола;
Ou riche ostor sor ou tuiier.*

(É et É: 1980).

Символизм данной птицы – солнечная птица, царь всех других птиц, птица, представляющая богов и духов, а также воина, крепкого и отважного. Традиция связывать данную птицу с аристократией, которая продолжается от старых обрядов дарить императорам или членам королевских семей ястребов, в качестве трофея для охоты, широко распространилась по всему миру [Орёл 2008: 370].

Выводы:

Однословные номинации в романе «Эрек и Энида» являются основной структурной группой зоонимов и выражены именами нарицательными со

значениями выючных животных и птиц. Большинство номинаций являются в тексте дополнениями и употребляются с детерминативами. Грамматическое оформление зоонимов в романе включает в себя определенные, неопределенные, слитные артикли, притяжательные и указательные детерминативы.

При грамматическом оформлении класса однословных зоонимов в данном жанре отражено общее состояние старофранцузского языка в изучаемый период – так называемое «динамическое равновесие» аналитических и синтетических способов выражения грамматических значений с преобладанием аналитических форм, что совпадает с общей языковой тенденцией развития системы существительного для данного периода.

С лексической точки зрения анализ однословных номинаций в романе показал, что все однословные номинации условно можно разделить на 3 лексико-семантические подгруппы: номинации выючных животных, птиц и других животных. Особое значение для данного жанра имеют зоонимы со значением «лошадь», так как лошадь всегда представлена в куртуазных романах породами разных мастей, физической конституцией, размером и функциональным назначением. При этом данный зооним не имеет символического значения. Материал показал, что лошадь для этого периода стала предметом домашней утвари, в обиходной жизни была неотделима от человека. К ней относились как к неодушевленному предмету, который всегда под рукой.

Символической значимостью в куртуазном романе обладают только птицы. Символика могла быть как положительной, так и отрицательной.

3.3.2. Двухсловные и многословные зоонимы в куртуазном романе

В жанре куртуазного романа нам встретилось 35 двухсловных и 11 многословных номинаций животных, что составляет 20 и 6 % от всех номинаций в данном жанре.

Двухсловные зоонимы в куртуазном романе «Эрек и Энида» представлены следующими грамматическими структурами:

1) N+A, где – N существительное с посессивом или без, A – adg. – прилагательное со значением качества или местности, например: *un palefroi bai* (гнедой парадный конь), *un cheval ferrant* (лошадь цвета металла), *mon palefrois ver* (лошадь зеленоватого оттенка) *sun cheval de Capadoce* (каппадокская лошадь). Отметим, что данная группа двухсловной номинации наиболее частотна, а такая ее структура в романе характерна для номинаций различных типов лошадей;

2) A+N, где A – adg. – квалификативное прилагательное, N – nom – существительное, например: *le blanc cerf* (белый олень), *bele mule* (красивый мул). Данная структура номинаций характерна для описания других животных в романе;

Многословные структуры номинаций в куртуазном романе малочисленны и представлены следующим образом:

1) словосочетания с квалификативными прилагательными, чаще с лаудативными характеристиками, например структура N1+prép.+A+N2, где N1 – существительное – прямой зооним, prép. – предлог, A – прилагательное, N2 – существительное, например:

Un palefroi de grant bonté

Парадный конь очень хороший

Soef anblant, jant et bien fet.

Мягко идущий, изящный и хорошо сложенный.

(É et É: 5315);

2) словосочетаниями со значениями цветовых характеристик, например:

chevaus bais, sors et bançanz

цвета лошадей - bais= светлый,

яркий, гнедой, sors= коричневый,
bançanz=в яблочко

(É et É: 2340);

3) многословная номинация, выраженная относительным придаточным предложением:

<i>Ma dameisele, cist oisiaus</i>	<i>Мадмуазель, эта птица, Которая</i>
<i>Qui tant par est muëz et biaux,</i>	<i>так кажется тиха и красива,</i>
<i>Doit vostre estre par droite rante</i>	<i>должна быть вашей по праву</i>
	<i>собственности.</i>

(É et É: 805).

Рассмотрим лексическое наполнение номинаций. Лексика двухсловных и многословных номинаций в жанре куртуазного романа разнообразна. Существительные представлены прямыми зоонимами, т.е. обозначениями названий животных в прямом смысле слова.

Здесь необходимо подчеркнуть наличие отдельной категории зоонимов в старофранцузский период – названий лошадей, в которой имеется разнообразие существительных для обозначение разных типов лошадей. Это такие зоонимы, как (см. Приложение):

1) *cheval* (*chevax, chevoz, keval, chevalin, chevalet*) – лошадь. Восходит к латинскому слову *cāballus* – «лошадь»;

2) *chacëor* (*chaceor*) – лошадь для охоты или погони (XI–XIII век), слово произошло от глагола *chacier* – охотиться;

3) *cheireut* – лежащая или мертвая лошадь. В современном языке есть выражение *tombent du cheval* – «упавшая лошадь». Данный пример из лэ «Chaitivel» («Le malheureux»);

4) *destrier* (*destrer*) – боевой конь. Восходит к латинскому глаголу *dextrare* – «вести, направлять» и *dextra* – «то, что находится в правой руке», как боевой конь управляется правой рукой оруженосца, также в старофранцузском есть *destre* – «возжа»;

5) *ferrant* (*ferant, farat*) – как существительное слово означает *боевой конь, скакун* (XII–XIII вв.), слово может быть связано с *ferrum* («железо»);

6) *palefroid* (*palefreid*) – *запасная лошадь, парадный конь, не боевой, предназначавшийся особенно для женщин*. Слово восходит к греческому *paraverēdu* (VI век), что означает «запасная лошадь», а также *para* – «подле», «возле» и галльскому слову *veredus* со значением «лошадь»;

7) *mule* (*mul, mulet, mule*) – *мул* (XII–XIII век), слово средиземноморского происхождения произошло от *mīlu-, mīla, mulet* – «мул».

В куртуазном романе «Эрек и Энида» встретились номинации *ferrant, palefroid, cheval, mule, destrier*, например:

<i>Et faites metre vostre sele</i>	<i>И сделайте так, чтобы оседлать</i>
<i>Sor vostre mellor palefroi!</i>	<i>вашего лучшего парадного коня!</i>

(É et É: 2580).

Прилагательные, встречаемые в двухсловных и многословных номинациях, в романе создают разнообразие номинаций за счет лаудативных характеристик или цветообозначений. Особенно можно отметить такое разнообразие прилагательных среди номинаций различных видов лошадей.

Так, в описании лошадей мы видим такие квалификативные прилагательные, как:

1) *bai* – прилагательное восходит к латинскому *badiu-* – прилагательное со значением «гнедой», «красновато-рыжий». Данное прилагательное имеет такое значение только по отношению к масти лошадей [Шишмарев, словарь 1955: 26; Greimas 2004: 54];

2) *gent* – прилагательное восходит к латинскому *gēnītu-* со значением «благородный», «изящный», «прекрасный» [Шишмарев, словарь 1955: 127];

3) *ferrant* – прилагательное означает «серый», «серо-стальной».

Прилагательные «серый», «цвета железа» – частый эпитет для лошади [Greimas 2004: 263];

4) *ver* – прилагательное со значением «зеленый», например:

*Mon palefroi ver anselez,
Si l'amenez isnelemant*

Приведите моего зеленого
коня.*

Мне приведите его быстро.

(É et É: 1410).

Прилагательное *ver* обозначало также «меняющий цвет» [Там же: 615]. Так, в переводе данной номинации цвета в романе на современный французский язык переводчик считает *ver* эквивалентом прилагательного *pommelé*, которое означает «лошадь пятнистая», «лошадь в яблочко», которые могут быть серого или зеленоватого оттенка [Rousse, É et É: 1410];

5) *chier* – прилагательное со значением «дорогой», «драгоценный», «стоящий».

Среди двухсловных номинаций в романе отметим номинации с прилагательными и существительными, обозначающими местность происхождения лошадей. Это такие номинации, как: *le bai de Gascogne* (гнедой из Гаскони), *sun cheval de Capadoce* (его каппадокийская лошадь), *un palefrois norrois* (норвежский конь). Автор применял такие номинации для описания качества лошадей, своего рода гарантии их благородности, ценности и принадлежности к хорошей масти. В древности лошадей разводили для битв: они представляли собой серьезную военную силу. Поэтому получить титул заводчика высококлассных лошадей было очень престижно: тот, кто этого добивался, становился частью элиты. Например, каппадокийские лошади – быстрые, смелые и грациозные. Согласно их литературным портретам, они были крайне популярны. Описывают каппадокийских лошадей как обладателей удачной комбинации скорости, выносливости и сообразительности, что является огромным преимуществом для боевого коня [Каппадокия: страна прекрасных лошадей: [http](http://)].

Выводы:

Наш материал показал, что двухсловные и многословные номинации в куртуазном романе малочисленны. Структуры двухсловных номинаций содержат существительные и квалификативные прилагательные, а также

прилагательные со значением местности, откуда происходит животное. Более разнообразны номинации, обозначающие разные породы лошадей, т.к. они включают существительные – обозначения разных типов лошадей. На нашем материале встретились такие типы как: *cheval, chacëor, cheireut, destrier, ferrant, palefroid, mule*.

Среди двухсловных номинаций ведущей структурой является 1) N+A, где – N существительное с посессивом или без, А – adg. – прилагательное со значением качества или местности происхождения лошади.

Лексика многословных номинаций в куртуазном романе содержит существительные и прилагательные со значением качеств и цвета. Наиболее частотной категорией прилагательных, наполняющих двухсловные и многословные структуры, являются квалификативные прилагательные с лаудативным значением, а также прилагательные-цветообозначения.

Символическим значением данные номинации не обладают.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

В данной главе рассмотрены номинации персонажей животных в жанрах старофранцузского средневекового фаблио, лэ и куртуазного романа.

Первое, что обращает на себя внимание, это малочисленность номинаций в текстах жанра фаблио. Процент зоонимов по отношению к общему числу примеров из других жанров составляет 10 %. Тем не менее наибольшее количество номинаций приходится на однословные номинации (76 % от всех примеров в фаблио). При однословной номинации употребляются нетранспонированные имена существительные с аналитической моделью, где в качестве ведущего детерминатива выступает определенный артикль.

Что касается двухсловных номинаций, материал показал их структурное многообразие. Ведущей двухсловной структурой является конструкция N1+N2 – имя существительное + имя существительное. Это так называемая абсолютная беспредложная конструкция с подчинительной связью, со значением посессивности, где указанное значение выражено через чередование артикля в прямом и косвенном падеже, например, *la vache le prestre* (корова священника).

Многословные структуры представляют из себя единичные употребления.

В фаблио лексическое наполнение номинаций включает в себя зоонимы, обозначающие домашних животных, например: *li asnes, li chiens, les pertrix, li chat, un leu, une mule, la vache, une grant vache amaine brune*.

Наблюдения показали, что зоонимы – имена собственные в фаблио имеют стилистическую маркированность, которая связана с символической значимостью и текстовыми функциями зоонимов, употребленных в тексте. С символической точки зрения интересен орнитоним *l'Épervier* (сокол), в котором автор фаблио косвенно, через название, словом вызывает словесно-понятийную ассоциацию с птицей, символизирующей непостоянство и коварность. Представленная в заглавии однословная зоономинация

отображает важнейший компонент концептуально-тематической основы текста фаблио. Фигуративное название фаблио, репрезентирующее зооним *l'épervier*, выбрано по аналогии с повадками данной птицы. Автор фаблио косвенно, через название-зооним называет друга-предателя (в жизни знатного рыцаря) словом, вызывающим словесно-понятийную ассоциацию с птицей, символизирующей непостоянство и коварность.

Материал показывает употребление символических характеристик зоонимов у домашних животных, в частности цветовые характеристики зоонимов *Blere (Blerain)* и *Brunain* из фаблио «О Бурёнке, поповской корове», так как в номинации *Blerain* репрезентируется идея слабости, бледности, неблагополучия и богохульства, в номинации *Brunain* – идея упитанности, благополучия, силы и брони.

В изучаемый период жанр фаблио имеет значение для нарождающейся новой светской литературы во Франции, репрезентируя действительный обыденный мир Средневековья, и, несмотря на малочисленность зоономинаций в данном жанре, в этом процессе они помогают воссоздать зоопозитическую картину мира, существующую в сознании простого средневекового человека.

Анализ зоонимов в жанре лэ показал, что с лингвистической точки зрения обращают на себя внимание лэ Марии Французской. Здесь имеет место ярко выраженное равновесие флективных и аналитических форм, особенно среди однословных зоонимов. В сосуществовании конкуренции между синтетическими и аналитическими тенденциями данный жанр является «островком спокойствия», характеризующим «динамическое равновесие» (термин Л.М. Скрединой) системы имени существительного в изучаемый период. В анонимных лэ подобного равновесия не существует, а превалируют флективные формы зоонимов.

В жанре лэ лексико-семантический класс зоонимов представлен широким кругом номинаций, включающих птиц, домашних животных и мифических существ. Орнитонимы – особый класс зоонимов в лэ, который

является репрезентативным для жанра и интересным с точки зрения лексической семантики и происхождения, а также символического значения. В частности, на нашем материале встретились орнитонимы *l'aüistic, russignol, espervier, nihtegale, cisne*, о происхождении которых в лэ упоминает Мария Французская. В лэ нет большого количества метафорических зоонимов. Зоонимы в этом жанре выражены чаще собирательными существительными— *gibier, venaison, volatile*.

С точки зрения текстовых функций отмечаются имена собственные (антропозоонимы: *Bisclavret, Garulf*). Данные зоонимы выполняют функцию идентификации и самоидентификации героев произведения данного жанра.

Двухсловные номинации оказываются более многочисленными в анонимных лэ, чем в лэ Марии Французской. Структуры таких номинаций разнообразны с грамматической и лексико-семантической точек зрения. Выделить ведущую структуру среди двухсловных лэ невозможно ввиду единичности каждой номинации.

Ведущей структурой для многословных номинаций является определительное придаточное предложение со значением величины и общезначимых лаудативных качеств, репрезентируемых через широкозначное прилагательное *bon (хороший)*, а также прилагательное со значением белого цвета *blanc (белый)*, имеющего положительное символическое значение, что указывает на благородство, откровенность, а также чистоту, невинность и правдивость героя, обозначенного данным цветом.

В куртуазном романе однословные номинации, являются ведущей формой структуры зоонимов.

Грамматическое оформление всех зоонимов в романе включает в себя определенные, неопределенные, слитные артикли, притяжательные и указательные детерминативы, то есть имеет место преобладание аналитических форм. Данная тенденция совпадает с общей языковой

тенденцией развития системы существительного для старофранцузского периода.

С лексической точки зрения анализ однословных номинаций в куртуазном романе показал, что особое значение жанра имеют зоонимы со значением «лошадь». Представлены зоонимы со значением масти лошадей, физической конституции, размера и функционального назначения. Очевидно, что в сознании средневекового человека лошадь ассоциируется с предметом домашней утвари, в обиходной жизни она была неотделима от человека. К ней относились как к предмету, который всегда под рукой.

Мы делаем вывод о том, что зоонимы со значением «лошадь» не имеют символического значения. Материал показал, что символической значимостью в куртуазном романе обладают только зоонимы, обозначающие птиц, – орнитонимы: *l'aüstic* (соловей), *russignol* (соловей), *espervier* (ястреб), *nihtegale* (ласточка), *cisne* (лебедь).

Обращаем внимание на то, что часто подвиды этих птиц рассматриваются вместе. Символическое значение орнитонимов может быть разным в разных жанрах. Так, для лэ орнитоним *l'épervier* является отрицательным зоонимом со значением непостоянства и коварности, тогда как в куртуазном романе обозначает принадлежность к аристократическому обществу и высокое социальное происхождение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Решая проблему языковой репрезентации зоонимов в диахроническом тексте, мы пришли к следующим выводам.

Языковая репрезентация зоонимов в диахроническом тексте в жанрах животного эпоса, куртуазного романа, фэблио и лэ отражает общезыковые тенденции старофранцузского периода, в частности становление аналитических тенденций в системе имени существительного. Вместе с тем лексическое наполнение зоономинаций имеет свою специфику в отдельно взятом жанре.

Грамматическое оформление зоонимов во всех жанрах включает в себя определенные, неопределенные, слитные артикли, притяжательные и указательные детерминативы, которые выступают в качестве аналитических средств выражения грамматических значений имени существительного. Ведущим средством детерминации имени существительного является определенный артикль. Наблюдаются и безартиклевые номинации. В дополнение к общеизвестным случаям неупотребления артикля: именам собственным, словам общего значения и др. [Скрелина, Становая 2005: 148] – можем добавить, что в группе зоонимов без артикля употребляются слова со значением титулатуры, цветообозначения, а также некоторая инвективная лексика и др., например, *sire (cup)*, *gaignon (замеваемель)*, *beste (зверь)*, *gorpil (лис)*, *laron (разбойник)*, *teinturier (красильщик)*, *fox (безумец, дерзкий)*. Без артикля употребляются имена собственные в «Романе о Лисе», например имя собственное *Renart*.

Грамматическое оформление артиклевых и безартиклевых номинаций, выраженных именами нарицательными, характеризуется чередованием флексии *-s* и ее отсутствием. Наличие или отсутствие флексии объясняется наличием категории падежа у имени существительного в изучаемый период. С одной стороны, в системе имени существительного шло становление аналитических тенденций, с другой – имело место чередование падежных флексий. Данное состояние языка характеризуется как «динамическое

равновесие» (термин Л.М. Скрелиной). Номинации включают и аналитический и морфологический способы оформления имени-зоонима.

Так, плеоназм в выражении категориально-грамматических значений при употреблении зоонимов составляет специфику изучаемого периода и отражает общезыковые тенденции аналитизма в процессе становления системы имени существительного

С точки зрения **структурных особенностей** во всех жанрах ведущими являются однословные зоониминации. В жанре животного эпоса такие номинации составляют 75 % от всех номинаций, в жанре фэблио – 76 %, в жанре лэ – 70 %, в жанре куртуазного романа – 73 % от всех номинаций животных.

Во всех жанрах отмечаем малочисленность двухсловных и многословных номинаций (от 5 до 22 % в разных жанрах). Особенно малочисленными являются многословные структуры номинаций животных.

Двухсловные и многословные структуры имеют свои жанровые особенности.

Для жанра животного эпоса ведущей двухсловной номинацией является именная группа для обозначения главного персонажа романа Лиса, структурными элементами которой являются два имени существительных в двух вариантах: 1) имя нарицательное, обозначающее титулы, термины родства и дружбы, и имя собственное (*seignor Renart – сеньор Ренар = (N1+N2pr)*); 2) имя собственное и имя нарицательное со значениями профессии, родства или цвета шерстного покрова животного (*Renart li teînturier (Ренар красильщик)*).

Многословные структуры для обозначения персонажей «Романа о Лисе» встречаются реже однословных и двухсловных – 10 % от всех номинаций в романе, чаще они выражены многословными словосочетаниями или придаточными определительными предложениями с различными квалификативными характеристиками.

Материал показал, что в жанре лэ более многочисленными двухсловные и многословные номинации оказываются в анонимных лэ, нежели в лэ Марии Французской. Отмечаем разнообразие структур многословных номинаций в анонимных лэ. Это разнообразие не позволяет нам выделить ведущую структуру среди прямых номинаций. Все многословные номинации единичны. Однако среди метафорических номинаций выделяются частотностью структуры с наличием определительного придаточного предложения.

В куртуазном романе наибольшим структурным разнообразием отличаются структуры номинаций, обозначающие различные породы и масти лошадей.

Значимую роль в **лексико-семантическом значении** номинаций играет жанр произведения.

Так, текст жанра животного эпоса и тексты фаблю отражают архетип городской литературы и культуры Средневековья. Как следствие, в данных жанрах чаще номинируются домашние животные, участвующие в различных сюжетно-бытовых ситуациях, которые могли возникать в жизни средневекового города.

Ведущей лексемой для обозначения основного персонажа «Романа о Лисе» является однословная номинация имя собственное *Renart*, которое стало нарицательным после выхода данного произведения и впоследствии вытеснило из употребления номинацию *gourpil*, которая обозначала *лиса* в данный период.

Однословные номинации, не имена собственные, употребленные по отношению к главному персонажу, имеют двойственный характер. С одной стороны, имеют место лаудативы со значением дружбы, родства, титулатуры и профессий, физические характеристики, с другой – отмечается употребление инвективной лексики со значением физических качеств, характеристик, цветообозначения (характеристики цвета шерстного покрова животного), отрицательных моральных качеств и др., например, *li liceres*

(развратник), *taufez* (преступник). Лексическая семантика всех однословных номинаций, обозначающих неглавных персонажей животных в романе, разнообразна. Наиболее распространенными лексическими группами существительных являются группы зоонимов со значением биологического вида, дружбы и родства, через которые прослеживается антропоцентричность диахронического художественного текста данного произведения.

Для фаблио отметим, что наиболее частотной лексической двухсловной номинацией являются структуры с квалификативным значением цвета или масти животных и качественная лаудативная характеристика их характера. Лексическое наполнение номинаций в фаблио включает в себя зоонимы, обозначающие домашних животных: *li asnes*, *li chiens*, *les pertrix* и др. Зоонимы в фаблио имеют стилистическую маркированность, которая связана с символической значимостью.

В жанре лэ животные номинируются в ситуациях личностных переживаний героев произведений. Сублимация любовного чувства находит выражение в номинациях зоонимов и орнитонимов с яркой символикой, птиц и необычных животных, героев-оборотней и др.

Отмечаем, что орнитонимы представляют особый класс зоонимов в лэ, который является репрезентативным для жанра и интересным с точки зрения лексической семантики и происхождения, а также символического значения. Лэ – единственный жанр из рассмотренных нами, где орнитонимы широко представлены. В частности, речь идет об орнитонимах *l'aüistic* (соловей), *russignol* (соловей), *espervier* (сокол), *nihtegale* (ласточка), *cisne* (лебедь).

Лексика многословных номинаций анонимных лэ выражена нарицательными конкретными одушевленными существительными и прилагательными со значением качеств и цвета животных.

В куртуазном романе лексическое наполнение представляет собой подгруппы: номинации вьючных животных, птиц и других животных, специфические примеры номинаций, включающих названия животных,

используемых для обозначения меха, частей тела животных, пословицы и другие номинации. Наиболее частотными являются номинации со значением «лошадь».

Символическое значение зоонимов показывает жанровую прикрепленность к тексту. Так, символическую значимость для главного персонажа в «Романе о Лисе» приобретает портретная номинация Лиса со значением цвета шерсти – *Renart le ros (Ренар Рыжий)* – со значением инаковости и непохожести. Цвет имел большое значение для средневекового человека. На протяжении всего Средневековья рыжий значил жестокий, запятнанный кровью, уродливый, подчиненный или смешной; с ходом времени рыжий цвет волос стал говорить о человеке как о притворщике, хитреце, лжеце, обманщике, изменнике, предателе. В целом мы рассматриваем это значение как инвективное.

В фаблио материал показывает употребление символических характеристик зоонимов для описания домашних животных, в частности, цветовые характеристики зоонимов, через которые, с одной стороны, репрезентируется идея слабости, бледности, неблагополучия и богохульства, с другой – идея благополучия, силы и брони.

В жанре лэ символическим значением обладают орнитонимы. Так, для лэ орнитоним *l'épervier* является отрицательным зоонимом со значением непостоянства и коварности, тогда как в куртуазном романе обозначает принадлежность к аристократическому обществу и высокое социальное происхождение. Таким образом, проявляется двойственность символических значений для различных жанров.

Анализ показал, что, в куртуазном романе (архетип рыцарской культуры) у ряда лексем, обозначающих лошадей, несмотря на широкий спектр номинаций (*cheval (лошадь)*, *palefroi (конь)*, *destrier (боевой конь)*, *mule (мул)*) нет символического значения. Основной интенцией автора в данном жанре является демонстрация индивидуально-личностных характеристик субъекта (рыцаря), его приключений и подвигов. Животный

мир воспринимается как мир второго плана, зоономинации используются с утилитарными целями: для описания образа рыцаря или его дамы. Лошадь воспринимается как объект бытовой утвари, необходимой во всех сферах жизни средневекового человека, но не вызывающей никаких символических ассоциаций.

Таким образом, в зоолексике и зоонимике отражаются особенности осмысления внеязыковой реальности. Образы животных в художественных текстах наделяются свойствами, которые восходят к глубинам человеческого сознания, его верованиям и мифологии, имеют связь с символикой.

Проведенное исследование показало, что языковая репрезентация лексико-семантической группы зоонимов в художественных текстах средневековой литературы характеризуется жанровой обусловленностью текста.

Грамматическое оформление зоонимов находится в русле общеязыковой тенденции становления аналитизма в системе имени существительного и в ходе исследования не показало значительного жанрового различия в изученных текстах.

Для лексико-семантического наполнения языковых структур, репрезентирующих зоонимические номинации, а также для выявления символического значения зоонимов, категория жанра является значимой, реализуя жанрово-стилистическую определенность текста в литературном языке донационального периода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Александров, А.** Физиолог / А. Александров. – Казань: Типолитография Императорского университета, 1893.
2. **Алисова, Т. Б.** Введение в романскую филологию / Т. Б. Алисова, Т. А. Репина, М. А. Таривердиева. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Москва: ФГУП: Высшая школа, 2007. – 453 [5] с.
3. **Амросова, С. В.** Вариативность номинации действующего лица в художественном тексте как средство создания полифонии / С. В. Амросова // Номинация и контекст: сборник научных трудов. – Кемерово: КемГУ, 1985. – 125 с.
4. **Аристотель.** Поэтика / Аристотель; пер. В. Г. Апелеротта; под ред. Ф. А. Петровского. – Москва: Лабиринт, 2000. – 224 с.
5. **Арутюнова, Н. Д.** Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
6. **Арутюнова, Н. Д.** Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва, 1985. – Вып. 16. – С. 3–43.
7. **Арутюнова, Н. Д.** Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Изд. 2-е, испр. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
8. **Арутюнова, Н. Д.** Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Изд. 2-е, испр. – Москва: Языки русской культуры, 2002. – 895 с.
9. **Бакалай, А. Г.** Фразеология современного русского языка: учебное пособие / А. Г. Бакалай. – Новокузнецк: Кузбассвузиздат, 1992. – 78 с.
10. **Балли, Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли; пер. с 3-го фр. изд. Е. В. Вентцель; ред. Р. А. Будагова. – Изд. 2-е, стер. – Москва: Эдиториал УРСС, 2001. – 416 с.
11. **Балли, Ш.** Французская стилистика / Ш. Балли. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1961. – 394 с.
12. **Балли, Ш.** Язык и жизнь / Ш. Балли. – Москва: УРСС, 2003. – 230 с.

13. **Бах**, А. История немецкого языка / А. Бах; пер. с нем; [под ред. М. М. Гухман]. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1956. – 344 с.
14. **Бахтин**, М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М. М.Бахтин. – Москва: Художественная литература, 1975. – 502 с.
15. **Бахтин**, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Литературная учеба. – 1978. – № 1. – С. 200–219.
16. **Бахтин**, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; сост. С. Г. Бочаров. – Москва: Искусство, 1986. – 446 с.
17. **Бенвенист**, Э. О субъективности в языке / Э. Бенвенист // Общая лингвистика. – Москва, 1974. – С. 292–300.
18. **Бенвенист**, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; пер. с фр.; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – Изд. 3-е. – Москва: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. – 448 с.
19. **Бенуас**, Л. Знаки, символы и мифы / Л. Бенуас; пер. с фр. А. Калантарова. – Москва: Астрель: АСТ, 2006. – 158 с.
20. **Березин**, Ф. М. История лингвистических учений: учебник для филологических вузов / Ф. М. Березин. – 2-е изд. испр. и доп. – Москва: Высшая школа, 1984. – 319 с.
21. **Бестиарий в словесности и изобразительном искусстве:** / сост. Л.А.Львова; науч. ред. О. Л. Довгий. – Москва: Intrada, 2012. – 183с.
22. **Бестиарный код культуры:** сб. ст. по материалам международной научной конференции «Бестиарный код культуры» / Сост. А.Л. Львова, О.Л. Довгий. – Москва : Intrada, 2015. – 269 с.
23. **Бестиарий и чувства:** сб. ст. по материалам международной научной конференции «Пять чувств: Люди и звери» / сост. А. Л. Львова, О.Л.Довгий.– Москва: Intrada, 2017. – 253 с.
24. **Богин**, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: дис. канд.филол.наук / Г. И. Богин. – Ленинград : Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Терцина, 1984. – 344 с.

25. **Богин, Г. И.** Современные проблемы и методы исследования литературного текста / Г. И. Богин // Литературный текст: Проблемы и методы исследования: межвузовский тематический сборник научных трудов / Министерство общего и профессионального образования Российской Федерации, Тверской государственный университет. – Калинин, 1987. – С. 4–16.
26. **Богин, Г. И.** Схемы действий читателя при понимании текста / Г.И.Богин. – Калинин: КГПУ, 1989.
27. **Бородина, М. А.** Историческая морфология французского языка: (От синтеза к анализу): пособие для студентов факультета французского языка педагогических институтов (на фр. яз.) / М. А. Бородина. - Москва; Ленинград : Просвещение, 1965. – 229 с.: ил.
28. **Бройтман, С. Н.** Символ / С. Н. Бройтман // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко]. – Москва: Издательство Кулагиной: Intrada, 2008. – С. 226–227.
29. **Бугорская, Н. В.** Языки науки и проблемы теории языка: синхрония и диахрония / Н. В. Бугорская // Известия Алтайского государственного университета. – 2002. – № 4. – С. 055–060.
30. **Будагов, Р. А.** Язык и культура: хрестоматия: в 3 ч. / Р.А. Будагов. – Москва: Добросвет, 2000. – Ч.1 – 193 с.
31. **Ванеева, Е. И.** Физиолог / Е. И. Ванеева. – Санкт-Петербург: Наука, 2002. – 168 с.
32. **Васильев, Л. М.** Современная лингвистическая семантика: учебное пособие для вузов. – Москва: Высшая школа, 1990. – 176 с.
33. **Васильева, Н. М.** Французский язык. Теоретическая грамматика, морфология, синтаксис: учебник для вузов / Н. М. Васильева, Л.П.Пицкова. – 3-е изд. перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2013. – 473 с. – (Бакалавр. Углубленный курс).
34. **Васильева, С. П.** Имя собственное в языке и художественном тексте: учебное пособие / С. П. Васильева; Министерство образования и науки

- РФ, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; – Красноярск: КГПУ, 2017. – 221с.
35. **Введение в литературоведение.** Литературное произведение: основные понятия и термины: учебное пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, С.Н.Бройтман [и др]. – Москва: Академия, 1999. – 556 с.
36. **Викулова, Л. Г.** Волшебная французская литературная сказка конца XVII– конца XVIII века: прагмалингвистический аспект / Л.Г. Викулова; Министерство образования и науки РФ, Иркутский государственный лингвистический университет; – Иркутск: ИГЛУ, 2001. – 286с., ил.
37. **Виноградов, В. В.** О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – Москва: Высшая школа, 1971. – 240 с.
38. **Волкова З. Н.** Эпос Франции. История и язык французских эпических сказаний / З. Н. Волкова; отв. ред. Г. В. Степанов. – Москва: Наука, 1984. – 319 с.
39. **Воражбитова, А. А.** Теория текста. Антропологическое направление : учебное пособие / А. А. Воражбитова. – Москва: Высшая школа, 2005. – 385 с.
40. **Воркачев, С. Г.** Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев – Москва: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с.
41. **Воробьев, В. В.** Лингвокультурология (Теория и методы) / В. В. Воробьев. – Москва: РУДН, 1997. – 330 с.
42. **Гак, В. Г.** Введение во французскую филологию : учебное пособие / В.Г.Гак. – Москва: Просвещение, 1986. – 184 с.
43. **Гак, В. Г.** К типологии лингвистических номинаций / В. Г. Гак // Языковая номинация. Общие вопросы / отв. ред. Б. А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – Москва: Наука, 1977. – С. 230 – 292 .
44. **Гак, В. Г.** Сопоставительная лексикология. (На материале французского и русского языков) / В. Г. Гак. – Москва: Международные отношения, 1997. – 264с.

45. **Гак, В. Г.** Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – Москва: Добросвет, 2004. – 862 с.
46. **Гак, В. Г.** Языковые преобразования / В. Г. Гак. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
47. **Гальперин, И. Р.** Грамматические категории текста // Известия АН СССР.– 1977. – № 6. – С. 522.
48. **Гальперин, И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования / И.Р.Гальперин. – 5-е изд., стереотип. — Москва: КомКнига, 2007. – 144 с. – (Лингвистическое наследие XX века).
49. **Гаспаров, Б. М.** Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – Москва: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
50. **Герасимова, С.А.** Антропоцентрический подход к языку / С.А.Герасимова // Вестник Московского городского педагогического университета «Филология. Теория языка. Языковое образование». .– 2011.– №2 (8) – С.96.–100.
51. **Головенченко, Ф. М.** Введение в литературоведение: учебник / Ф. М. Головенченко. – Москва: Высшая школа, 1964. – 320 с.
52. **Григорьев, В. П.** Становление языка испанской национальной литературы. К постановке проблемы стилистики жанра как ведущей категории в познании особенностей начального периода развития языка литературы / В. П. Григорьев. – Ленинград: ЛГПИ, 1975. – 88 с.
53. **Григорьев, В. П.** Жанрово-стилистическая определенность текста и становление языка испанской национальной литературы: автореферат дис. д-ра филол. наук / В П. Григорьев. – Ленинград, 1983.
54. **Гумбольдт, Вильгельм фон.** Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт; пер. с нем.; под. ред. Г. В. Рамишвили. – Москва: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
55. **Гумбольдт, Вильгельм фон.** О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества [1830–1835] / Вильгельм

- фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – Москва, 1984. – С.37–298.
56. **Гуревич, А. Я.** Индивид и социум на Средневековом Западе / А. Я. Гуревич. – Санкт-Петербург: Александрия, 2009. – 492 с.
57. **Гуревич, А. Я.** Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. - Москва: Искусство, 1972. – 318 с.
58. **Даркевич, В. П.** Празднества Средневековья / В. П. Даркевич // Атеистические чтения.– Москва: Политиздат, 1990. – Вып.19– С. 57–73.
59. **Дейк Т. А. ван** Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
60. **Диахрония** [Электронный ресурс] // Большая советская энциклопедия. - Электрон. дан. – URL: <https://dic.academic.ru/dic> (дата обращения: 1.02.2019). – Загл. с экрана.
61. **Доза, А.** История французского языка / А. Доза; пер. с франц. Е. Н. Шор; под ред. М. С. Гурычевой. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1956. – 471 с.
62. **Дмитриева, О. А.** Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: автореф. дис. канд. филол. наук / О. А. Дмитриева; Министерство образования и науки РФ, Волгоградский государственный педагогический университет; – Волгоград: ВГПУ, 2007. – 40 с.
63. **Дюби Жорж** Средие века (987– 1460).От Гюго Капета до Жанны д'Арк / Жорж Дюби; пер. с фр. Г. А. Абрамова. – Москва: Международные отношения, 2001. – 416 с.
64. **Ермолович, Д. И.** Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи: учебное пособие / Д.И. Ермолович. – Москва: Р. Валент, 2005.– 416 с. – (Библиотека лингвиста).
65. **Жаббарова, Ф. У.** Категории текста [Электронный ресурс] / Ф.У.Жаббарова // Вестник Башкирского университета. – Электрон. дан. –

2011. – URL: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/kategorii-teksta> (дата обращения: 28.01.2019). – Загл. с экрана.
66. **Задорнова**, В. Я. Восприятие и интерпретация художественного текста / В. Я. Задорнова. – Москва: Высшая школа, 1984.
67. **Звегинцев**, В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звегинцев. – Москва: Издательство Московского университета, 1976. – 308 с.
68. **Зюмтор**, Поль. Опыт построения средневековой поэтики / Поль Зюмтор; пер. с фр. И. К. Стаф. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. – 544 с.
69. **Игнатьева**, Т. Г. Зоопоэтика старофранцузского текста / Т. Г. Игнатьева, Е. М. Дорогайкина // Вестник Московского городского педагогического университета «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2014. – № 2. – С. 64–71.
70. **Игнатьева**, Т. Г. Имя существительное в морфологии и синтаксисе старофранцузского языка: учебное пособие к курсу истории французского языка / Т. Г. Игнатьева, Л. А. Становая. – Красноярск: КГПИ, 1992. – 88 с.
71. **Игнатьева**, Т. Г. Куртуазная любовь как семиотический феномен западноевропейской культуры / Т. Г. Игнатьева // Вестник КГПУ / Министерство образования и науки РФ, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. – Красноярск: КГПУ, 2012. – № 3 (21). – С. 241–244.
72. **Игнатьева**, Т. Г. Литературный портрет в старофранцузском художественном тексте / Т. Г. Игнатьева // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева / Министерство образования и науки РФ, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. – Красноярск: КГПУ, 2013. – № 2 (24). – С. 191–194.
73. **Игнатьева**, Т. Г. Номинация персонажей в старофранцузском художественном тексте: монография / Т. Г. Игнатьева. – Красноярск: КГПУ, 2013. – 184 с.

74. **Игнатъева**, Т. Г. О жанровой системе французской рыцарской литературы (12–13 вв.) [Электронный ресурс] / Т. Г. Игнатъева. – Электрон. текстовые дан. – Загл. с титул. экрана. – Б. ц. – Режим доступа: <http://svr-lit.ru>
75. **Игнатъева**, Т. Г. Типология старофранцузского текста: монография / Т.Г.Игнатъева. – Красноярск: КГУ, 2001. – 201 с.
76. **История французской литературы**: в 4 т. / [ред. И. И. Анисимов и др.]. – Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1946. – Т. 1. С древнейших времен до революции 1789г. – 810 с.
77. **Казакова**, Е. В. Образ Лиса Ренара как воплощение констант средневекового менталитета [Электронный ресурс] / Е. В. Казакова .– Электрон. текстовые дан. // Вестник ННГУ. – 2012. – № 1–2. – URL: <http://cyberleninka.ru> (дата обращения: 22.07.2017). – Загл. с экрана.
78. **Каплан**, А. Б. Средневековая поэзия Франции как источник формирования национального сознания: Аналитический обзор / А.Б.Каплан; отв. ред. И. Л. Галинская. – Москва: 2008. – 100с. – (Теория и история культуры).
79. **Карасик**, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. — Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–19.
80. **Карасик**, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – Москва: Наука, 1992. – 316 с.
81. **Карасик**, В. И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия / В. И. Карасик, О. А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 5–25.
82. **Карасик**, В. И. Лингвокультурный типаж «английский чудак» / В.И.Карасик, Е. А. Ярмахова. – Москва: Гнозис, 2006. – 240 с.
83. **Карасик**, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И.Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

84. **Карасик, В. И.** Языковые ключи / В. И. Карасик. – Москва: Гнозис, 2009. – 406 с.
85. **Караулов, Ю. Н.** Лингвистические основы функционального подхода в литературоведении / Ю. Н. Караулова // Проблемы структурной лингвистики: сб. статей. – Москва: Наука, 1982. – С. 20–37.
86. **Караулов, Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва: Наука, 1987. – 256 с.
87. **Карнеев, А.** Материалы и заметки по литературной истории Физиолога / А. Карнеев. – Санкт-Петербург: ОЛДП, 1890. – 466с.
88. **Карташкова, Ф. И.** Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре / Ф. И. Карташкова, И. В. Куражева, А. В. Егорова; Министерство образования и науки РФ, Ивановский государственный университет. – Иваново: ИвГУ, 2009. – 152 с.
89. **Козлова, Т. В.** Семантика фразеологизмов с названиями животных в современном русском языке / Т. В. Козлова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание. Реферативный журнал. – 2003. – № 4. – С. 145–150.
90. **Колмачевский, Л. З.** Животный эпос на Западе и у славян / Л. Колмачевский. – Казань: Типография Императорского Университета, 1882. – 318 с.
91. **Колшанский, Г. В.** Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский; отв. ред. А. М. Шахнарович. – Изд. 3-е, стереотип. – Москва: Ком Книга, 2006. – 128 с. – (Лингвистическое наследие XX века).
92. **Колшанский, Г. В.** Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колшанский. – Москва: Наука, 1975. – 230 с.
93. **Кондратов, А.** Звуки и знаки / А. Кондратов. – Москва: Знание, 1978. – 208 с.

94. **Корнилов, О. А.** Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: ЧеРо, 2003. – 349 с.
95. **Красных, В. В.** «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В.Красных. – Москва: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
96. **Крылова, О. А.** Лингвистическая стилистика / О. А. Крылова. – Москва: Высшая школа, 2006.
97. **Кубрякова, Е. С.** Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – Москва: Наука, 1986. – 150 с.
98. **Кубрякова, Е. С.** О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров / Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел языкознания. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2002. – С. 5–13.
99. **Кузнецова, Л. В.** Звериная самоидентификация современного российского киногероя: кот, медведь и волк / Л. В. Кузнецова // Новый филологический вестник. – 2014. – № 1. – С. 136–142. - Рец. на сб. статей: Бестиарий и стихии / сост. А. Л. Львова, О. Л. Довгий. – Москва: Intrada, 2013. – 166 с.
100. **Левицкий, Ю. А.** Лингвистика текста: учебное пособие / Ю.А.Левицкий. – Москва: Высшая школа, 2006. – 207 с.
101. **Ле Гофф, Жак.** Цивилизация средневекового Запада / Жак Ле Гофф; пер. с фр. – Москва: Издательская группа Прогресс, 1992. – 376 с.
102. **Лингвистика и аксиология.** Этносемиометрия ценностных смыслов: коллективная монография / отв. ред. Л. Г. Викулова. – Москва: Тезаурус, 2011. – 352 с.
103. **Лихачев, Д. С.** Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение / Д. С. Лихачев. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. (Славянская библиотека). – 566 с.

104. **Лихачев**, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – 3-е изд. – Москва: Наука, 1979. – 360 с.
105. **Лосев**, А. Ф. Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. – Москва: Политиздат, 1991. – 525 с.
106. **Лотман**, Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1981. – Вып. 12. – С. 3–7.
107. **Лотман**, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – Москва: Искусство, 1970. – 384 с.
108. **Лотман**, Ю. М. Текст и структура аудитории / Ю. М. Лотман // Образцы изучения текста художественного произведения в трудах отечественных литературоведов. – Ижевск, 1995. – С. 227–232.
109. **Лукин**, В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство «Ось-8», 2005. – 560 с.
110. **Лыкова**, Н. Н. История языкознания в текстах и лицах: учебное пособие / Н. Н. Лыкова. – Москва: Флинта: Наука, 2010. – 192 с.
111. **Лясота**, Ю. А. Английская зоосемия: учебное пособие / Ю. А. Лясота. – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1984. – 116 с.
112. **Макаров**, М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М. Л. Макаров; Министерство образования и науки РФ, Тверской государственный университет. – Тверь, 1998. – 200 с.
113. **Макаров**, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – Москва: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
114. **Малафеева**, Е. Р. Семантическая структура фразеологизмов с компонентом-зоонимом в современном русском литературном языке: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01. / Е. Р. Малафеева; Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена;– Ленинград, 1989. – 16 с.

115. **Маслова, В. А.** Homo lingualis в культуре: монография / В. А. Маслова; [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. – Москва: Гнозис, 2007. – 320 с.
116. **Марданова, Д. М.** Сопоставительный анализ фразеологических зоонимов в английском и турецком языках / Д. М. Марданова; Министерство образования и науки РФ, Казанский государственный педагогический университет. – Казань: КГПУ, 1997. – 449 с.
117. **Марицас, К. Д.** Зооморфизм в эпоху перехода к цивилизации / К. Д. Марицас // Приволжский научный вестник. – 2012.– № 1. – С. 58–71.
118. **Матвеева, Т. В.** К лингвистической теории жанра / Т.В. Матвеева // Collegium. – 1995. – № 1–2. – С. 65–71.
119. **Мелетинский, Е. М.** Герой волшебной сказки. Происхождение образа / Е. М. Мелетинский. – Москва: Издательство восточной литературы, 1958.– 264 с.
120. **Мелетинский Е. М.** О Литературных архетипах / Е. М. Мелетинский; Министерство образования и науки РФ, Российский государственный гуманитарный университет. – Москва: РГГУ, 1994. – 136 с.
121. **Мелетинский, Е. М.** Сказки и мифы / Е. М. Мелетинский // Мифы народов мира: энциклопедия. – Москва, 1991. – С. 441–442.
122. **Мелетинский, Е. М.** Средневековый роман. Происхождение и классические формы / Е. М. Мелетинский. – Москва: Наука, 1983. – 304с.
123. **Мелетинский, Е. М.** Средневековый роман. Вопросы типологии / Е.М.Мелетинский. – Москва: Наука, 1982. – 272 с.
124. **Михайлов, А. Д.** Старофранцузская городская повесть фаблио и вопросы специфики средневековой пародии и сатиры / А. Д. Михайлов. – Москва: Наука, 1986. – 348 с.
125. **Михайлов, А. Д.** Старофранцузский «Роман о Лисе» и проблемы средневекового животного эпоса / А. Д. Михайлов // Роман о Лисе; пер. со старофр. А. Г. Наймана. – Москва: Наука, 1987. – С. 3–34.

126. **Михайлов**, А. Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе / А. Д. Михайлов. – Изд. 2-е, стереотип. – Москва: Ком Книга, 2006. – 352 с.
127. **Михайлов**, Н. Н. Теория художественного текста: учебное пособие / Н.Н. Михайлов. – Москва: Издательский центр «Академия», 2006. – 224с.
128. **Молотков**, А. И. Основы фразеологии русского языка / А.И.Молотков.– Ленинград: Наука, 1977. – 248 с.
129. **Морозов**, И. А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре (кросс-культурное исследование идеологии антропоморфизма): автореф. д-ра ист. наук: 07.00.07 / И.А. Морозов. – Москва, 2010. – 50 с.
130. **Москальская**, О. И. Грамматика текста учебное пособие по грамматике / О. И. Москальская. – Москва: Высшая школа, 1981 – 183 с.
131. **Нерознак**, В. П. Ономастика / В. П. Нерознак // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – Москва: Советская энциклопедия, 1987. – С. 260.
132. **Новое в зарубежной лингвистике**: сборник статей / В. А. Звегинцев. – Москва: Прогресс, 1978. – Вып. VIII: Лингвистика текста. – 479 с.
133. **Новое в зарубежной лингвистике**: сборник статей / под ред. Е.В.Падучевой.– Москва: Прогресс, 1985. – Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – 500 с.
134. **Новое в зарубежной лингвистике**: сборник статей / общ. ред. Б.Ю.Городецкий. – Москва: Прогресс, 1986. – Вып. XVII: Теория речевых актов. – 424 с.
135. **Омельченко**, С. Р. Возможности антропологического подхода в языкознании: учебное пособие / С. Р. Омельченко. – Волгоград: ВГУ, 2007. – 198 с.
136. **Орёл**, В. Е. Культура, символы и животный мир / В. Е. Орёл. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2008. – 584 с.

137. **Панов**, Е. Н. Знаки, символы, языки. Коммуникация в царстве животных и в мире людей / Е. Н. Панов. – Изд. стер. – Москва: ЛКИ, 2014. – 502 с.
138. **Папина**, А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: учебник / А.Ф. Папина. – Москва: УРСС, 2002. – 368 с.
139. **Пастуро**, М. Символическая история европейского Средневековья / М. Пастуро; пер. с фр. Е. Решетниковой. – Санкт-Петербург: Александрия, 2013. – 448 с.
140. **Пахсарьян**, Н. Т. Теория жанра романа во французской поэтике. Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения / Н.Т.Пахсарьян // Энциклопедический путеводитель. – Москва: Издательство Кулагиной – Intrada, 2010. – С. 402–405.
141. **Плеханова**, Т. Ф. Текст как диалог: монография / Т.Ф.Плеханова. – Минск: МГЛУ, 2003. – 251 с.
142. **Понтон**, Д. Дискурс-анализ в 21 веке: теория и практика (I). / Д.Понтон, Т.В. Ларина // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: «Лингвистика». – 2016. – №20(4). – С. 7–25.
143. **Попов**, М. Мир фантастики / М. Попов. – Электрон. дан., 2003 – 2019. Ч. 1: Средневековый бестиарий – URL: <http://www.mirf.ru/science/history/medieval-bestiary-1> (дата обращения: 19.03.2019). – Загл. с экрана.
144. **Порьяз**, А. В. Мировая культура. Возрождение. Эпоха Великих географических открытий / А. В. Порьяз. – Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 479 с.
145. **Потебня**, А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – Москва: Искусство, 1976. – 614 с.
146. **Проблемы лингвостилистики**. Новое в зарубежной лингвистике: сб. / ред. Н. Н. Попов. – Москва: Прогресс, 1979. – Вып. IX: Лингвостилистика. – 431 с.

147. **Прохоров**, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс / Ю. Е. Прохоров. – Москва: Наука, 2004. – 222 с.
148. **Пу Сун-лин**, Рассказы Ляо Чжяя о необычайном / Сун -лин Пу; пер. с кит. В. Алексеева. – Москва: Художественная литература, 1988. – 559 с.
149. **Пу Сун-лин**, Рассказы о людях необычайных / Сун -лин Пу; пер. с кит.– Москва: Художественная литература, 1954.
150. **Путилов**, Б. Н. Типология фольклорного историзма / Б. Н. Путилов // Типология народного эпоса. – Москва, 1975. – С. 168–173.
151. **Репина**, Т. А. Сравнительная типология романских языков: (французский, итальянский, испанский, португальский, румынский): учебник / Т. А. Репина; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт Петербург: СПбГУ, 1996. – 280 с.
152. **Реформатский**, А. А. Лингвистика и поэтика / А. А. Реформатский; сост. В. А. Виноградов. – Москва: Наука, 1987. – 263 с.
153. Риторика бестиарности: сборник статей / сост. А. Л. Львова, О. Л. Довгий. – Москва: Intrada, 2014. – 270 с.
154. **Розина**, И. В. Бестиарий и стихии / И. В. Розина // Новый филологический вестник. – 2014. – № 1. С. 55–67. – Рец. на сб. статей: Бестиарий и стихии / сост. А. Л. Львова, О. Л. Довгий. – Москва: Intrada, 2013. – 166 с.
155. **Рыжкина**, О. А. Исследование зоонимических метафор в русской и турецкой лингвокультурах / О. А. Рыжкина, С. Чакыралгу // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – Т. 7, № 2. – С. 18–26.
156. **Рянская**, Э.М. Способы действия в когнитивном аспекте: монография Э.М. Рянская. – Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. – 191с.
157. **Сабанеева**, М. К. Художественный язык французского эпоса: Опыт филологического синтеза / М. К. Сабанеева; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт Петербург: СПбГУ, 2001. – 292 с.

158. **Сайфутдинова, Э. Г.** Деривационное развитие зоонимов в русском языке / Э. Г. Сайфутдинова // Современная филология: материалы междунар. науч. конф. (Уфа, апрель 2011 г.). – Уфа: Лето, 2011. – С. 183–187.
159. **Сергиевский, М. Н.** История французского языка: учебник / М.Н.Сергиевский. – Москва: Учпедгиз, 1938. – 167 с.
160. **Сид, И.** Тотем в современной русской литературе. Зоопоэтика текстов, зоософия сообществ (постановка проблемы) / И. Сид // Бестиарий и стихи: сб. статей. – М.: Intrada, 2013. – С. 55–67.
161. **Симакова О. Б.** Лексико-семантическая группа «Орнитонимы» (на материале русского и французского языков): дис. канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / О. Б. Симакова. - Пенза, 2003. – 293 с.
162. **Скрелина, Л. М.** Некоторые вопросы развития языка (проблемы и методы диахронического исследования) / Л. М. Скрелина. – Минск: БГУ, 1973. – 144 с.
163. **Скрелина, Л. М.** Очерки по исторической стилистике французского языка / Л. М. Скрелина, Т. Я. Кузнецова; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Поморский международный педагогический университет им. М. В. Ломоносова. – Санкт-Петербург; Архангельск. – 207 с.
164. **Скрелина, Л. М.** История французского языка / Л. М. Скрелина. – Москва: Высшая школа, 1972. – 311 с.
165. **Скрелина, Л. М.** История французского языка: учебник / Л. М. Скрелина, Л. А. Становая. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Высшая школа, 2005. – 463 с.
166. **Соссюр, де Ф.** Заметки по общей лингвистике / Ф. Соссюр. – Москва: Прогресс, 1990. – 280 с.
167. **Соссюр, де Ф.** Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр; ред. Ш. Балли, А.Сеше; пер. с фр. А. Сухотина. – Екатеринбург: УрГУ, 1999. – 432 с.
168. **Соссюр, де Ф.** Труды по языкознанию / Ф. Соссюр; пер. с фр.; ред. М.А. Оборина. – Москва: Прогресс, 1977. – 695 с.

169. **Становая**, Л. А. Введение в скриптологию: учебное пособие / Л.А.Становая. – Санкт-Петербург: Златоуст, 1996. – 95 с.
170. **Становая**, Л. А. «Текст рукописи» vs «текст произведения». Базовые понятия современной истории французского языка / Л. А. Становая // Текст: дискурсивное проявление и коммуникативная практика: сборник научных статей в честь юбилея доктора филологических наук, профессора Л. Г. Викуловой; под общ. ред. Е. Г. Таревой; Министерство образования и науки РФ; Московский государственный педагогический университет. – Москва: МГПУ; Языки Народов Мира, 2017. – 244 с.
171. **Степанов**, Ю. С. История Французской литературы: хрестоматия / Ю. С. Степанов. – Москва — Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1946.
172. **Степанов**, Г. В. Язык. Литература. Поэтика / Г. В. Степанов. – Москва: Наука, 1985. – 382 с.
173. **Стернин**, И.А. Концепт и языковая семантика // Связи языковых единиц в системе реализации: Когнитивный аспект. Вып. 2. Тамбов, 1999. С. 69–75.
174. **Столяров**, А. А. Раннее средневековье (VI– X вв.). / А. А. Столяров // История философии. Запад – Россия – Восток. Философия древности и средневековья. – Москва: Греко-латинский кабинет, 1995. – Кн. первая: – С. 346 – 352 .
175. **Суперанская**, А. В. Общая теория имени собственного / А.В.Суперанская. – Москва: Наука, 1973. – 366 с.
176. **Суперанская**, А. В. Общая теория имени собственного / А.В.Суперанская. – Изд. 4-е. – Москва: URSS, 2012. – 368 с.
177. **Суперанская**, А. В. Общая терминология: Вопросы теории / А.В.Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева; отв. ред. Т.И.Канделаки. – Изд. 6-е. – Москва: Книжный дом «Либроком», 2012. – 248 с.

178. **Сепир**, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. – Москва: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с. (Филологии мира).
179. **Телия**, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – Москва: Наука, 1986. – 143 с.
180. **Телия**, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
181. **Телия**, В. Н. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности / В. Н. Телия, Т. А. Графова. – Москва: Наука, 1991. – 214 с.
182. **Тернер**, В. Символ и ритуал / В. Тернер; сост. и автор предисл. В.А.Бейлис. – Москва: Главная редакция восточной литературы издательства Наука, 1983. – 277 с.
183. **Токарев**, С. А. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А.Токарев. – Москва: Советская Энциклопедия, 1987. – 1147 с.
184. **Токарев**, С. А. Мифы народов мира. Энциклопедия [Электронный ресурс]: информационная система на компакт-диске / Е. М. Мелетинский; гл. ред. С. А. Токарев. – Электрон. дан. – Москва: Советская Энциклопедия, 2008. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
185. **Топоров**, В. Н. Лиса / В. Н. Топоров // Мифология: статьи для мифологических энциклопедий. / ред.-сост. А. Григорян. – Москва: Языки славянских культур, 2011. Т. 1 – С. 359–364.
186. **Топоров**, В. Н. Модель мира / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. – Москва, 1986. – Т. 2 – С. 161–166.
187. **Топоров**, В. Н. Статья «Лиса» [Электронный ресурс]: мифологический портал. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php>
188. **Трыков**, В. П. Французский литературный портрет XIX века / В.П.Трыков – Москва : Флинта, Наука, 1999. – 360 с.

189. **Тураева, З. Я.** Лингвистика текста. (Текст: Структура и семантика): учебное пособие / З. Я. Тураева. – Изд. 3-е. – Москва: Книжный дом «Либроком», 2012. – 144 с.
190. **Тураева, З. Я.** Художественный текст. Структура и семантика / З.Я.Тураев; Министерство образования и науки РФ, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева. – Красноярск: КГПИ, 1987. – 165 с.
191. **Фаблио:** старофранцузские новеллы / сост. В. А. Дынник. – Москва: Русский путь, 2004. – 344 с.
192. **Фатеева, Н. А.** Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи / Н. А. Фатеева // Серия литературы и языка. – 1998.– Т. 57, № 5. – С. 25– 38.
193. **Федосюк, М. Ю.** Нерешенные вопросы теории речевых жанров / М. Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 102–120.
194. **Федотов, О. И.** Анализ литературного произведения в современной французской филологии / О. И. Федотов. – Москва: Высшая школа, 1988.– 239 с.
195. **Фуко, М.** Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко; пер. с фр. В. П. Вагина, Н. С. Автономовой. – Санкт-Петербург: А-сад , 1994.– 406 с.
196. **Хованская, З. И.** Анализ литературного произведения в современной французской филологии: учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков / З. И. Хованская. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Высшая школа, 1988. – 239 с.
197. **Хованская, З. И.** Эпос Северной Европы. Пути эволюции / З.И.Хованская; Министерство образования и науки РФ, Московский государственный университет. – Москва: Издательство МГУ, 1989. – 176с.
198. **Художественный язык средневековья** / под ред. В. А. Карпушина. – Москва: Наука, 1982. – 272 с.

199. **Чекалина**, Е. М. Лексикология французского языка: учебное пособие / Е. М. Чекалина, Т. М. Ушакова; Министерство образования и науки РФ, Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 1998. – 236 с.
200. **Чувакин**, А. А. Смешанная коммуникация в художественном тексте. Основы эвокационного исследования / А. А. Чувакин; Министерство образования и науки РФ, Алтайский государственный университет. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995.
201. **Шевчик**, А. В. Лексикографическое описание зоонимов русского и английского языков [Электронный ресурс] / А. В. Шевчик // Вопросы лексикографии. – 2012. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksikograficheskoe-opisanie-zoonimov-russkogo-i-angliyskogo-yazykov> (дата обращения: 19.12.2018).
202. **Шерхонова**, Е. С. Денотативные зоны употребления цветообозначения «Белый» в старофранцузском тексте [Электронный ресурс] / Министерство образования и науки РФ; Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; Е. С. Шерхонова // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева . – 2012. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/denotativnyye-zony-upotrebleniya-tsvetooboznacheniya-belyy-v-starofrantsuzskom-tekste> (дата обращения: 28.01.2019).
203. **Шигаревская**, Н.А. История французского языка = Histoire de la langue française: учебник для студентов факультетов иностранных языков / Н.А.Шигаревская. – Ленинград: Просвещение, 1974. – 286 с.
204. **Шулежкова**, С. Г. История лингвистических учений: учебное пособие / С. Г. Шулежкова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Флинта, Наука, 2006. – 408 с.
205. **Шишмарев**, В. Ф. Книга для чтения по истории французского языка IX–XV вв. / В. Ф. Шишмарев. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1955. – 557 с.

206. **Штейн**, А. Л. История французской литературы: учебное пособие для студентов педагогических институтов / А. Л. Штейн, М. Н. Черневич, М.А. Яхонтова. – 2-е изд. дораб. – Москва: Просвещение, 1988. – 336 с.
207. **Эко**, У. Искусство и красота в средневековой эстетике / Умберто Эко; пер. с ит. А. Шурбелева. – Москва: АСТ, CORPUS, 2015. – 352 с.
208. **Этносемиотрия ценностных смыслов**: коллективная монография / Министерство образования и науки РФ, Иркутский лингвистический университет; ред. коллегия: Е. Ф. Серебренникова, Л. Г. Викулова, С. Н. Плотникова [и др.]. – Иркутск: ИЛУ, 2008. – 529 с.
209. **Юрченко**, А. Г. Александрийский «Физиолог». Зоологическая мистерия / А. Г. Юрченко. – Санкт-Петербург: Евразия, 2001. – 448 с.
210. **Язык и наука конца 20 века**: сборник статей / под ред. Ю.С.Степанова; Министерство образования и науки РФ, Российский государственный гуманитарный университет. – Москва: РГГУ, 1995. – 432 с.
211. **Языковая номинация**: виды наименований / под ред А. А. Уфимцева.– Москва: Наука, 1977. – 360 с.
212. **Якобсон**, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм «за» и «против»/ Е. Я. Басин, М. Я. Поляков. – Москва: Прогресс, 1975. – С. 193–230.
213. **Batany**, J. Français medieval. Textes choisis, commentaires linguistiques, commentaires littéraires, chronologie phonétique / J. Batany. – Paris: Bordas, 1972. – 319 p.
214. **Bédier**, J. Les Fabliaux: Etudes de littérature populaire et d'histoire littéraire du Moyen Age P., 1893 / J. Bedier. – Paris: Bordas, 1969. – 320 p.
215. **Belmont**, N. Folklore / N.Belmont // Encyclopædia Universalis. – Paris: 1993.– Vol. 9. – P. 601–608.
216. **Brusegan**, R. Le personage comme paradigme de traits dans les Fabliaux / R. Brusegan // Cahier d'etudes Medievales. Epopée, Animal, fable, Fabliau, Actes du IV colloque de la Societe Internationale Renardienne. Euvren, 7–11 septembre 1981. – Paris: Presses Uneversitaires de France, – 1984. – 724 p.

217. **Cohen**, M. Notes de méthode pour l'histoire du français / M. Cohen. – Moscou: Éditions en langues étrangères, 1958. – 96 p.
218. **Dufournet**, J. Chronologie. Le Roman de Renart / J. Dufournet. – Paris: Garnier-Flammarion, 1970. – 440 c.
219. **Eliade**, M. Aspects du mythe / M. Eliade. – Paris: Gallimard, 1973. – 250 p.
220. **Fontenelle**, B. Origine des fables / B. Fontenelle (Œuvres diverses.) – Paris: Brunet, 1702. – T. 1. – P. 567–588.
221. **Gaillard**, A. Fables, mythes, contes. L'esthétique de la fable et du fabuleux (1660–1724) / A. Gaillard. – Paris: Champion, 1996. – 488 p.
222. **Greimas**, A. I. Sémantique structurale. Recherche de méthode / A.I. Greimas. – Paris: Larousse, 1966. – 262 p.
223. **Gubernatls**, A. de, Zoological mythology or the legends of animals / A. Gubernatls v. 2, L., 1872, Reissued by Singing Tree Press: Book Tower, 1968. – 450 p.
224. **Huchon**, M. Histoire de la langue française / M. Huchon. – Paris: Librairie Générale Française, 2002. – 308 p.
225. **Ignatieva**, T. G. Sur la question de la structuration du texte / T. G. Ignatieva // Romanica Petropolitana II. – Санкт-Петербург, 2012. – P.125 – 130.
226. **Ilinski**, K. De la chauve-souris et des parties du discours [на французском языке] / K. Ilinski // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: сборник статей // Материалы XVIII Международной конференции Школы-семинара имени Л.М. Скредлиной (Москва, 13–16 сентября 2017 г.) / под. ред. Л.Г. Викуловой; Московский государственный педагогический университет. – Москва: МГПУ; Языки народов мира, 2017. – С. 114–121.
227. **Lévi-Strauss**, C. Anthropologie structurale / Claude Lévi-Strauss. – Paris: Plon, 1958. – 454 p.
228. **Matoré**, G. Le vocabulaire et la société médiévale / G. Matoré. – Paris: Presses Universitaires de France, 1985. – 336 p.

229. **Ménard**, P. Les lais de Marie de France. Contes d'amours et d'aventures de Moyen Age / P. Ménard. – Paris: Presses Universitaires de France, 1979. – 280p.
230. **Moignet**, G. La chanson de Roland / G. Moignet. – Paris: Bordas, 1989. –320 p.
231. **Nykrog**, P. Les Fabliaux: Etude d'histoire littéraire et de stylistique médiévales / P. Nykrog // Copenhague, 1957.
232. **Nykrog**, P. Les Fabliaux: Etude d'histoire littéraire et de stylistique médiévales / P. Nykrog // Copenhague, 1957; [переиздание] – Genève, 1973.
233. **Picoche**, J. Histoire de la langue française / J. Picoche, Ch. Marcello-Nizia.– 5-e éd., rev. et corr. – Paris: Nathan, 1998. – 399 p.
234. **Revol**, T. Introduction à l'ancien français / T. Revol; sous la direction de Daniel Bergez. – Paris: Éditions Nathan/HER, 2000. – 256 p.
235. **Ribard**, J. Le Moyen Âge Littérature et symbolisme / J.Ribard // Librairie Honoré Champion, Editeur. – Paris, 1984.
236. **Rigolot**, F. La Renaissance du Texte. Histoire et Sémiologie / F. Rigolot // Poétique. – 1982. – № 50. – P. 183–193.
237. **Rousse**, M. Naissance du Roman. Chrétien de Troyes. Erec et Enide. Texte originale et français moderne / Michel Rousse, G. Flammarion. – Paris, 1994.
238. **Stanovaïa**, L. A. Le système du genre de l'ancien français / L. A. Stanovaïa // Romanica Petropolitana II / отв. ред. А.Б. Черняк. – Санкт-Петербург, 2012. – P. 226–263.
239. **Schiffrin**, D. Approaches to Discourse / Deborah Shiffrin // Links and Letters . – 1996.– № 3. – P. 147–149.
240. **Schiffrin**, D. Discourse Markers / Cambridge / D. Schiffrin. – New York: Cambridge University Press, 1987.-- 231 p.
241. **Schiffrin**, D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin; Oxford; Cambridge. – Mass.: Basil Blackwell, 1994. – 195 p.

242. **Stubbs**, M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language / M. Stubbs. – Oxford: Basil Blackwell, 1983. – 272 p.
243. **Vikoulova** L., Tchernigova I. La spécificité communicative et pragmatique de la périphérie du texte littéraire diachronique: la préface / L. Vikoulova, I. Tchernigova // Romanica Petropolitana II / отв. ред. А.Б. Черняк. – Санкт-Петербург, 2012.
244. **Zumtor** P. Parler du Moyen Age / P. Zumtor. – Paris: Les Éditions de Minuit, 1980. – 108p.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

245. **Ахманова**, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 2-е, стер. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
246. **Аругтюнова**, Н. Д. Пропозиция // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 2002.
247. **Большой энциклопедический словарь**. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 1456 с.
248. **Введение в литературоведение**. Литературное произведение: Основные понятия и термины: учебное пособие / Л. В. Чернец [др.]; под ред. Л. В. Чернец. – Москва: Высшая школа; Издательский центр «Академия», 2000. – 556 с.
249. **Гак**, В. Г. Новый французско-русский словарь / В. Г. Гак, К. А. Ганшина. – Москва: Русский язык, 1995. – 1195 с.
250. **Глебов**, В. Д. Краткий фольклорный словарь : пособие для студентов-филологов / В. Д. Глебов; Министерство образования и науки РФ, Брянский государственный педагогический институт. – Брянск: БГПИ, 1994. – 96 с.

251. **Ефремова, Т. Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – Москва : Русский язык, 2000.
252. **Ефремова, Т. Ф.** Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. – Москва: АСТ, 2006. – Т.1–3.
253. **Философский энциклопедический словарь** / Главная редакция: Л.Ф.Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. Н. Ковалёв, В. Г. Панов – Москва: Советская энциклопедия, 1983 г. – 840 с.
254. **Комлев, Н. Г.** Словарь иностранных слов: (С переводом, этимологией и толкованием) / Н. Г. Комлев; Министерство образования и науки РФ, Московский государственный университет. – Москва: МГУ, 1995. – 144с.
255. **Кондаков, Н. И.** Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Наука, 1975. — 720 с.
256. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. – Москва: МГУ, 1997. – 245 с.
257. **Кубрякова, Е. С.** Ономазиология / Е. С. Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 345–346.
258. **Культурология. XX век: словарь** / гл. ред. А. Я. Левит. – Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. – 640 с.
259. **Латинско-русский словарь** / О. Петрученко. – Репринт 9-го изд. 1914г. – Москва: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1994. – 810 с.
260. **Лингвистический энциклопедический словарь** / гл. ред. В.Н.Ярцева.– Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
261. **Лингвистический энциклопедический словарь** / отв. ред. Н.В.Ярцева. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 707с.
262. **Литературный энциклопедический словарь** / под общ. ред. В.М.Кожевникова. – Москва: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
263. **Матвеева Т. В.** Полный словарь лингвистических терминов / Т.В.Матвеева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 562 с.

264. **Мифы народов мира.** Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – Москва: Советская Энциклопедия, 1991. – Т.1– 2.
265. **Мюллер, В. К.** Англо-русский словарь: 53000 слов / В. К. Мюллер. – 23-е изд., стер. – Москва: Русский язык, 1992. – 845 с.
266. **Подольская, Н. В.** Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская; отв. ред. А. В. Суперанская; АН СССР, Институт языкознания. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Наука, 1988. – 187 с.
267. **Поэтика:** слов, актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д.Тамарченко]. – Москва: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. – 358 с.
268. **Словари и энциклопедии на Академике** [Электронный ресурс]: толкования, переводы, книги. – Электрон. дан. – Академик: 2000 – 2009, URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 28.01.2019). – Загл. с экрана.
269. **Словарь античности** / Сост. Й. Ирмшер; пер. с нем. – Москва: Прогресс, 1989. – 704 с.
270. **Словарь гендерных терминов** [Dictionary of gender terms] / под ред. А.А. Денисовой. – Москва: Информация XXI век, 2002. – 78 с.
271. **Словарь лингвокультурологических терминов** / сост. М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков. – Москва: Гнозис, 2017. – 192 с.
272. **Словарь литературоведческих терминов** / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – Москва: Просвещение, 1974. – 509 с.
273. **Физиолог** // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – Санкт-Петербург, 1890–1907.
274. **Философский словарь:** пособие для самостоятельной работы студентов всех специальностей и всех форм обучения / сост. Б.Я.Пукшанский, А. В. Рыбчак; Министерство образования и науки РФ; Санкт-Петербургский горный университет. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2012. – 77 с.
275. **GUFO.ME. Философский словарь** [Электронный ресурс]: [сайт] / Станислав Ежи Лец. – Электрон. дан. – URL:

https://gufo.me/dict/philosophy_dict (дата обращения: 28.01.2019). – Загл. с экрана.

276. **Шишмарев, В. Н.** Культурологическое 074. Типаж [Электронный ресурс] / В. Н. Шишмарев // Журнал Самиздат. – Электрон. дан. – 2012. – URL:
http://samlib.ru/s/shishmarew_w_n/kulxturologicheskoe074tipazh.shtml (дата обращения: 10.09.2013). – Загл. с экрана.
277. **Шишмарев, В.Ф.** Словарь старофранцузского языка к книге для чтения по истории французского языка / В. Ф. Шишмарев. – Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1955. – 275 с.
278. **Bloch, O.** Dictionnaire étimologique de la langue française / O. Bloch, W.Von Wartburg. – Paris: PUF, 1968. – 682 p.
279. **Delarue, P.** Le conte populaire français. Catalogue raisonné des versions de la France et des pays de langue française. T. I. / P. Delarue. – Paris: Maisonneuve et Larose, 1976. – 394 p.
280. **Delarue, P.** Le conte populaire français / P. Delarue, M.-L.Tenèze. – Paris: Maisonneuve et Larose, 1977; T. 2. – Paris, 1977. – 731 p; T. 3. – Paris, 1977. – 507 p.
281. **Dictionnaire de l'Académie Française:** En 16 vol. – Paris, 1994 (1694).
282. **Dictionnaire de la langue Française Larousse Lexis Larousse:** 17, red. / J.-P. Mével, dir. Jean Dubois. – Paris Cedex 06, 1998. – 2109 p.
283. **Dictionnaire de linguistique des sciences du langage** / Sous la direction de Jean Dubois. – Paris: Larousse, 1994. – 514 p.
284. **Dictionnaire de proverbs et dictons.** Florence Montreynaud, Agnès Pierron, François Suzzoni – Dictionnaires Le Robert, 2000.
285. **Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage** / J. Dubois, M.Giacomo, L. Guespin, C. Marcellesi, J.-P. Mével. – Paris: Larousse, 1994. – 514 p.
286. **Duhamel, J.** Grand Inventaire du Génie français en 365 objets / J.Duhamel.– Paris: Albin Michel, 1990. – 300 p.

287. **Encycl. Univers.** – Encyclopædia Universalis: En 23 vol. – Paris : Encyclopædia Universalis, 1993.
288. **Thesaurus – Encyclopædia Universalis.** Thesaurus-Index. – Paris: Encyclopædia Universalis France, 1993. – 3782, CXXXVIII p.
289. **Furetière, A.** Dictionnaire Universel: En 3 vol. / A.Furetière; réed. fac similé. – Paris: SNL; Le Robert, 1978.
290. **Godefroy, F.** Lexique de l’Ancien Français / F. Godefroy / Champion Classiques- Honoré. – Paris: Champion Editeur, 2003. – 591 p.
291. **Greimas, A. J.** Dictionnaire de l’ancien français / A. J. Greimas. – Paris: Larousse Sejer, 2004. – 630 p.
292. **Gubernatls, A.** De Zoological mythology or the legends of animals / A. de Gubernatls. – MNME: 1872. vol. 1–2. L.
293. **Gubernatls, A. de.** Zoological mythology or the legends of animals; vol. 2, L., 1872. / A.de Gubernatls. – Reissued by Singing Tree Press, Book Tower, – 1968. – 450 p.
294. **Hatzfeld, A.** Dictionnaire général de la langue française du commencement du XVII-e siècle jusqu'à nos jours: en 2 vol. / A. Hatzfeld, A. Darmesteter. – Paris: Delagrave, 1964. – 2270 p.
295. **Hauterive, R. G.** Dictionnaire d’ancien français. Moyen âge et Renaissance / R. G. Hauterive. – Paris : Librairie Larousse, 1947. – 630 p.
296. **Huguet, E.** Petit Glossaire des Classiques français du Dix-Septième Siècle contenant les mots et locutions qui ont vieilli ou dont le sens s'est modifié / E.Huguet. – Genève; Paris: Slatkine Reprints, 1989. – 409 p.
297. **Larousse, P.** Grand Dictionnaire universel: en 18 vol. / P. Larousse. – Paris: Administration du Grand Dictionnaire universel.
298. **MicroRobert:** Dictionnaire du français primordial / Sous la dir. de Paul Robert. – Paris: Le Robert, 1980. – 1210 p.
299. **Nouv. Larousse** – Nouveau Larousse. Illustre dictionnaire universel encyclopédique: en VII vol. / Sous la dir. de Cl.Auge. – Paris: Larousse, s. d.

300. **Richelet**, P. Dictionnaire françois: en 2 vol. / P. Richelet. – Paris, Genève: Slatkine, Champion, 1994 (1-ère éd. 1680).
301. **Robert**, P. Dictionnaire Alphabétique et Analogique de la Langue: en 9 vol. / P. Robert; Entièrement revu et enrichi par Alain Rey. – 2-e éd. – Paris : Le Robert, 1991.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

302. **Аллюзия**: словарь иностранных слов [Электронный ресурс]: Словари и энциклопедии на Академике . – Электрон. дан. , 2000–2019 . – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/3442 (дата обращения: 01.04.2019). – Загл. с экрана.
303. **Бестия** [Электронный ресурс]: Словари и энциклопедии на Академике.– Электрон. дан. , 2000–2019 . – URL:- Электрон. дан. – Академик: 2000–2009, URL : <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 28.01.2019). – Загл. с экрана.
304. **Каппадокия**: страна прекрасных лошадей. Путешествие верхом [Электронный ресурс]: МК Турция: интернет-издание / гл. ред. Я.Ю.Ниязбаев. – Электрон. дан. – Москва: ЗАО «Редакция газеты «Московский Комсомолец», АНО «МИРНАС». 2003–2019. – URL: <https://mk-turkey.ru/tourism/2011/08/19/kappadokiya-strana-prekrasnyh-loshadej.html> (дата обращения: 01.04.2019). – Загл. с экрана.
305. **Махов**, А. Е. О средневековых бестиариях [Электронный ресурс]: видеолекция / А. Е. Махов. – Электрон. дан. (1файл : 00:09:26 ч). [2016]. – URL: <https://vimeo.com/146626354> (дата обращения: 19.03.2019). – Загл. с экрана.
306. **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** [Электронный ресурс] / [ООО «Итеос»]. – Электрон. дан. – [Москва: ООО «Итеос», 2012]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksikograficheskoe-opisanie-zoonimov-russkogo-i-angliyskogo-yazykov> (дата обращения: 01.04.2019). – Загл. с экрана.

307. **Disser Cat** – электронная библиотека диссертаций [Электронный ресурс] / ООО «Алфавит». – Электрон. дан. – Москва: ООО «Алфавит», [200?]. – URL: <http://www.dissercat.com/content/kontsept-kak-diakhronicheskii-fenomen-na-materiale-issledovaniya-kontsepta-smelost-vo-frants#ixzz5bMcvjweY> (дата обращения: 01.04.2019). – Загл. с экрана.
308. **Цивилизация средневекового Запада** [Электронный ресурс] / [«Свободная сцена»]. – Электрон. дан. – URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Tsivilizatsiya-sryednyevyukovogo-Zapada.15.html> (дата обращения: 01.04.2019). – Загл. с экрана.
309. **Раннее средневековье (VI– X вв.)** [Электронный ресурс]: электронная библиотека по философии / А. Злыгостев. – Электрон. дан. , 2001–2019. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000004/st118.shtml> (дата обращения: 01.04.2019). – Загл. с экрана.
310. **Studbooks.net**: Фразеологизмы с названиями животных. Зооморфизмы [Электронный ресурс]: студенческая библиотека онлайн. – Электрон. дан. 2013–2019. – URL: <https://studbooks.net/2094638/literatura/zoomorfizmy> (дата обращения: 01.04.2019). – Загл. с экрана.

ИСТОЧНИКИ

311. **Лис Райнеке и волк обжора** [=Reineke Fuchs und Wolf Gierschlund] / адаптация текста, предисл., упражнения, слов. Н. Ю. Сердюк. – М.: Айрис-пресс, 2013. – 16 с.
312. **Нейман, А. Г.** Роман о Лисе: пер. со старофранцузского / А. Г. Найман. – Москва: Наука, 1987. – 160 с.
313. **Dufournet, J.** Fabliaux du Moyen Âge. Présentation, traduction inédite, notes, bibliographie, chronologie et index / J. Dufournet. – Paris : Flammarion, 1998.
314. **Роман о Лисе** [Электронный ресурс]: эпос / пересказ А. В. Вигилянкой // Брифли – [библиотека кратких изложений на русском языке]. –

Электрон. дан. – URL: https://briefly.ru/_/roman_o_lise (дата обращения 10.09.2013). – Загл. с экрана.

315. **Harf-Lancner L.** Lais de Marie de France / Laurence harf-Lancier. - Librairie Générale Française, 1990. 352 p.
316. **Lais Féériques des XIIe et XIIIe siècles** / Présentation par Alexandre Micha, GF Flammarion , 1976. 350 p.
317. **Le Roman de Renart classique Hatier Traduit par Micheline Combarieu de Grès et Jean Subrenat.** Le conte médiéval. Oeuvres et thèmes. – Paris: Hatier, 2002. – 128 p.
318. **Le Roman de Renart.** – Paris: Garnier-Flammarion, 1970. – 440 с.
319. **Le Roman du Renart** [Texte imprimé]; [et Renart le novel de J. Giélée] / Publié d'après les manuscrits de la Bibliothèque du Roi des XIII, XIV et XV siècles, par M. D. M. Méon. – Paris: Treuttel et Würtz, 1826. – Vol. 4.
320. **Rousse, M.** Chrerien de Troyes.Érec et Énide / M. Rousse. – Paris: Flammarion, 2009. – 464 p.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. **АРС** – Мюллер В.К. Англо-русский словарь: 53 000 слов. – 23-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1992 – 845 с.
2. **БЭС** – Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп.– М.: Больш. Рос. Энцикл., 1998. – 1456 с.
3. **ЛЭС, 1990** – Лингвистический энциклопедический словарь/ Гл. ред. В.Н. Ярцева.– М.: Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
4. **ЛЭС, 1998** – Лингвистический энциклопедический словарь / отв. ред. Н.В. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 707с.
5. **Л-РС** – Латинско-русский словарь / О. А. Петрученко; Греко-латин. каб. Ю. А. Шичалина. – Репринт 9-го изд. 1914 г. – М.: Греко-латин. каб. Ю. А. Шичалина, 1994. – 810 с.;

6. **ЛТ** – Словарь лингвокультурологических терминов / авторы-сост. М.Л.Ковшова., Д.Б. Гудков; / отв.ред. М. Л. Ковшова. – Москва: Гнозис, 2017. – 192 с.
7. **СиЭнА** – Словари и энциклопедии на Академикe [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/>
8. **СЛТ** – Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И.Тимофеев и С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
9. **Шишмарев, книга** – Шишмарев В.Ф. Книга для чтения по истории французского языка IX– XV вв. / В.Ф. Шишмарев. – М.; Л.: АН СССР, 1955. – 557 с.
10. **Шишмарев, словарь** – Шишмарев В.Ф. Словарь старофранцузского языка к книге для чтения по истории французского языка [Текст] / В.Ф. Шишмарев. – М.;Л.: Издательство АН СССР, 1955. – 275с.
11. **Brunain** – Du Brunain la vache au prestre. Dufournet J . Fabliaux du Moyen Âge. Présentation, traduction inédite, notes, bibliographie, chronologie et index / J. Dufournet. GF. – Paris, Flammarion, 1998.
12. **DLSL** – Dictionnaire de linguistique des sciences du langage / Sous la direction de Jean Dubois. – Paris: Larousse, 1994. – 514p.
13. **D. pr. et d. leu** – Du prestre et du leu. Dufournet J . Fabliaux du Moyen Âge. Présentation, traduction inédite, notes, bibliographie, chronologie et index / J. Dufournet. GF. – Paris, Flammarion, 1998.
14. **É.et. Én.** – Rouse M. Chretien de Troyes.Érec et Énide. / – Paris: Flammarion, 2009. – 464с., с.11
15. **Proverbes et dictons** – Dictionnaire de proverbs et dictons. Florence Montreynaud, Agnès Pierron, François Suzzoni – Dictionnaires Le Robert, 2000.
16. **R.d.R.** – Le Roman de Renart. – Paris: Garnier-Flammarion, 1970. – 440 с.
17. **L.M.F.** – Harf-Lancner L. Lais de Marie de France / Laurence harf-Lancier / Librairie Générale Française, 1990, 352 p.

18. **L.F.** – Lais Féériques des XIIe et XIIIe siècles / Présentation par Alexandre Micha, GF Flammarion , 1976. 350 p.
19. **Aüstic** – Aüstic. Harf-Lancner L. Lais de Marie de France. / Laurence harf-Lancier / Librairie Générale Française, 1990. 352 p.
20. **Bisc.** – Bisclavret. Harf-Lancner L. Lais de Marie de France / Laurence harf-Lancier / Librairie Générale Française, 1990. 352 p.
21. **Desiré.** – Lais de Desiré. Lais Féériques des XII et XIII siècles / Présentation par Alexandre Micha, GF Flammarion, 1976. 350 p.
22. **Graelent** – Lais de Graelent. Lais Féériques des XIIe et XIIIe siècles. / Présentation par Alexandre Micha, GF Flammarion, 1976. 350 p.
23. **Guigemar** – Guigemar Harf-Lancner L. Lais de Marie de France. / Laurence harf-Lancier / Librairie Générale Française, 1990. 352 p.
24. **Guingamor** – Lais de Guingamor. Lais Féériques des XIIe et XIIIe siècles. / Présentation par Alexandre Micha, GF Flammarion, 1976. 350 p.
25. **Milon** – Milon. Harf-Lancner L. Lais de Marie de France / Laurence harf-Lancier / Librairie Générale Française, 1990. 352 p.
26. **Trot** – Lay del Trot. Lais Féériques des XIIe et XIIIe siècles. / Présentation par Alexandre Micha, GF Flammarion, 1976. 350 p.
27. **Tydorel** – Tydorel. Lais Féériques des XIIe et XIIIe siècles. / Présentation par Alexandre Micha, GF Flammarion, 1976. 350 p.
28. **Tyolet** – Tyolet. Lais Féériques des XII et XIII siècles / Présentation par Alexandre Micha, GF Flammarion, 1976. 350 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В качестве приложения предлагается **гlossарий зоонимов**. Основу glossария составляют 88 зоонимов старофранцузского письменного литературного языка, взятые из текстов жанров животного эпоса, куртуазного романа, лэ и фавлю. В glossарий также включены зоонимы, квалифицированные как эквиваленты найденных нами зоонимов в вышеописанных жанрах. Они взяты из словарей, представленных ниже.

Структура glossария представляет собой перечень всех изученных зоонимов, расположенных в алфавитном порядке. Структура glossария включает: 1) заглавное слово на старофранцузском языке и его эквиваленты, употребляемые в старофранцузский период, найденные в словарях; 2) перевод слов на современный русский язык, 3) информацию о грамматических показателях и семантико-этимологический комментарий к словам, составленный по следующим словарям.

1. **Латинско-русский словарь** / О. А. Петрученко; Греко-латин. каб. Ю. А. Шичалина. – Репринт 9-го изд. 1914 г. – М.: Греко-латин. каб. Ю. А. Шичалина, 1994. – 810 с.
2. **Шишмарев В. Ф.** Словарь старофранцузского языка к книге для чтения по истории французского языка / В. Ф. Шишмарев. – М.;Л.: Издательство АН СССР, 1955. – 275 с.
3. **Godefroy Frédéric** Lexique de l’Ancien Français / F.Godefroy. – Paris: Champion Editeur, 2003. – 591 p.
4. **Greimas A. J.** Dictionnaire de l’ancien français. – Paris: Larousse Sejer, 2004. – 630 p.
5. **Hauterive R.G.** Dictionnaire d’ancien français.Moyen âge et Renaissance / R.G. Hauterive. – Paris: Librairie Larousse, 1947. – 630 p.

Большинство зоонимов glossария входят в исконный фонд французской лексики и чаще являются произошедшими из латинского языка или заимствованиями. Исконным фондом французской лексики является словарь вульгарной латыни Галлии. Этот словарь, отличавшийся от лексики

классической латыни, подвергся в эпоху Империи сильному развитию. Изменения были значительными; они связаны в основном с распространением христианства, а затем с германским вторжением. Это язык богатый, образный, с обилием производных, народных образований и специальных терминов; в нем появляются вульгаризмы, растет число заимствований. Однако заимствования для старофранцузского периода остаются редкими [Доза 1956: 129; Скредина 1972: 34; Nuchon 2000: 11–13, 141–142].

В работе Т.Б. Алисовой, Т.А. Репиной и М.А. Таривердиевой говорится об общероманском лексическом фонде, который авторы также считают произошедшим от классической и народной латыни. Исконным фондом авторы считают слова «исконные», т.е. перешедшие из поздней разговорной латыни в романскую речь по непрерывной устной традиции и претерпевшие фонетические изменения. В исконный фонд входят повседневные предметы и понятия [Алисова, Репина, Таривердиева 2007: 390–393].

Отмечаем, что в качестве начальной формы слова в глоссарии мы ставим форму слова, которая встретилась нам в текстах, далее приводим остальные (менее частотные) формы данного слова или формы, существующие для данного слова, взятые из вышеприведенных словарей. Многие формы данных слов не дошли до современного французского языка и были утеряны, некоторые имеют свою форму в современном французском языке.

Необходимо также отметить, что в глоссарий вошли только зоонимы – однословные номинации, так как среди двухсловных и многословных мы всегда наблюдали только один компонент-зооним, то есть остальные слова в составной номинации являлись не зоонимом в прямом смысле слова, а словом с другим значением. Абсолютное большинство зоонимов входят в исконный фонд французской лексики. Имена собственные имеют свою этимологическую справку.

При составлении глоссария мы использовали положения А.В. Шевчик, приведенные в работе «Лексикографическое описание зоонимов русского и английского языков», в частности элементы мотивационной лексикографии: этимологическая справка и зоонимическая справка. Основопологающие принципы отбора лексики соответствуют типу мотивационно-сопоставительного словаря (однословность, номенклатурность, возможность денотатного соотнесения лексикографируемых единиц) [Шевчик: 2012].

Как отмечалось в работе ранее, Д.И. Ермолович главной практической проблемой определил полное отсутствие справочников и словарей, где зоонимы – фольклорные персонажи – были бы описаны и систематизированы [Ермолович 2005: 276–284].

Глоссарий зоонимов старофранцузского языка и их производных

№	Старофранцузское слово-зооним	Перевод на русский язык	Семантико- этимологический комментарий
А			
1	agnel (annes, agnelet, agnellu, agni, agnelin)	ягненок	n.m., < lat. agnus, n.m. – «ягненок»
2	asne (âne, asnel, anele, ânesse, asine)	осел	n.m., XII в., < lat. āsinus n.m.– «осел»
3	aüstic	соловей, птица- предзнаменование	n.f., < lat. āvis, aucĕllu- f. – «птица», также в словаре латинского языка О. Петручеко упомянут глагол ausp̄icor – «наблюдать приметы», «производить гадание по птицам»
В			
4	beste, (bestele, bestelete, bestial, bestiage)	животное, зверь	n.f., < lat. bestĭa, n.f., «животное», «зверь», «неразумное существо»
5	berbis (brebis, bis, biz, berbice, berb)	овца	n.f., XII–XV века, «овца» .– слово было впервые засвидетельствовано в Капитулярии о поместьях
6	biche (bice, bisse)	1) коза; 2) дикое животное;	n.f., XI век, < lat. bĭstia, bestĭa – n.f. «животное», «зверь»

		3) змея	
7	Bisclavret	волк-оборотень	n.pr., имя волка-оборотня в одноименном лэ Марии Французской, см. также Garulf. В XVI веке стали известны глагол biscler – «покоситься», «покривиться» и слово biscarié – прилагательное, которое обозначало «что-то в плохом состоянии», «испорченное» (номинация-мутация)
8	brachet (bracet, braque, brachete)	легавая, охотничья собака	n.m. , < bras, brasso, bracho, braque – слово засвидетельствовано в Сентонских формулах, встретилось в анонимном лэ «О Гингаморе» («lais de Guigemar»), в латинском языке есть brācātus adj. - «иноземный»
9	bués (buef, boes, bues, beos, bos, bōve, bœuf)	бык	n.m., < lat. bōs, bōvis m.– «вол», «бык»
	С		
10	cers (cer, cerf, serf)	олень	n.m , < lat. cērvu – «олень»
11	chacēor	лошадь для охоты	n.f., XI–XIII века, слово

	(chaceor)	или погони	произошло от глагола <i>chacier</i> – «охотиться».
12	<i>chat</i> (<i>chaz, cas, caz, chatte</i>)	кот, кошка	n.m., возможно произошло от гальского слова <i>cattu</i> – «кошка», возможно, < <i>lat. cātūlus</i> – «детеныш четвероногого животного, особенно из породы кошек и собак, а также льва, волка, медведя» – «щенок», «собачка».
13	<i>chastax</i> (<i>chaton, chasten, caston</i>)	котенок	n.m., < <i>chat</i> , слово встретилось в лэ Марии Французской « <i>Le Frene</i> », а также в анонимном лэ « <i>Lais de Mélion</i> »
14	<i>cheireut</i>	лежачая или мертвая лошадь	n.m., в современном языке есть выражение <i>tombent du cheval</i> – «упавшая лошадь» (пример из лэ « <i>Chaitivel</i> » – « <i>Le malheureux</i> »)
15	<i>cheval</i> (<i>chevax, chevoz, keval, chevalin, chevalet</i>)	лошадь (-и)	n.m., < <i>lat. cāballus</i> – «лошадь»
16	<i>chevalcher</i> (<i>chevauchir, chevalchier, chevalcher, sevaucer,</i>	ехать верхом на лошади	v. < <i>lat. caballicāre</i> – «ехать верхом» и n.m. <i>cāballus</i> – «лошадь»

	chivaucher)		
17	chevrel (chevre, chevrelet, chevrueil, chevreuil, chevroi, chievre)	дикая коза, косуля	n.m., < lat. capreolu, capra – «коза»
18	chevrotin (cevrotin, chevrette, kievre)	козочка	n.f. < chevre, XIII век, «козочка»
19	chevreau (chevrin, chevrotin)	шевро, выделанная козья кожа	adj. и n.m., XII–XVI века
20	chien (chen, chenz, chiens, chienet)	собака	n.m., < lat. cānis – «собака», «пес»
21	cisne (cine)	лебедь	n.m., XII век, первая форма французского слова cygne – «лебедь», < lat. cicinum «лебедь»
22	coc (coq, cos, cochet)	петух	n.m., XIII–XV век, < lat. cūcūlus – «кукушка», звукоподражательное слово от сосу, вытеснившее gallus– «петух»
23	corb (cors, corbe (f.), corbeau, corbin, corbeaux)	ворон (ворона)	n.m. et adj., XII–XIII век, < lat. corvus, corvīnum n.m. – «ворон»
	D		
24	destrier (destrer)	боевой конь	n.m., < lat. v. dextrare – «вести, направлять» и dextra

			– «то, что находится в правой руке», как боевой конь управляется правой рукой оруженосца, также в старофранцузском есть <i>destre</i> – «возжа»
	Е		
25	<i>ermin</i> (<i>ermine, ermin, erminet, hermine</i>)	горноста́й, мех горноста́я	n. f., XII–XIII века, известно <i>armenius (mus)</i> – «горноста́й», «армянская крыса», так как такой зверь часто встречался в Армении, у латинских писателей – <i>ronticus</i> – «горноста́й»
26	<i>escuireus</i> (<i>escurieu, escurel</i>)	белка, шкурка белки	n.m., XII–XVI век, возможна этимологическая связь с прилагательным <i>escuré</i> – «беззаботный», которое, в свою очередь, происходит от «Es» – и «curer», которые вместе означают «заботиться», «переживать», <i>curer</i> < lat. <i>cūga</i> – «доброта», «забота».
27	<i>esmerillon</i> (<i>esmeril, smeril</i>)	кобчик, ястреб небольшого размера	n.m., XII век, в качестве синонимов в глоссарии представлены 4 разных номинации со значениями «ястреб»: <i>terçuel</i> – <i>tierselet</i> =

			«самец ястреба», faucon = «сокол», esmerillon = «кобчик» = «птица» (ЭТИМОЛОГИЯ слова неизвестна, ВОЗМОЖНО связана с французским smeril = «сокол»), espervier = «ястреб»
28	esperver (esprevier, esparvier, espervier)	ястреб	п.м., XI век, espervarius, sparvarius – слово происходит из франкского sparwâri – ястреб и/ или германского sparvari – «ястреб»
29	estre (estres)	существо	п., в XII веке инфинитив estre использовался в качестве существительного со значением «бытие», «существо», слово происходит от глагола estre, < lat. v. essere – «быть»
	F		
30	fancons (fanc)	ястреб, сокол	п.м., позднее стало известно слово fançon, п.м. XIII–XVII века –petit enfant (enfantçon)
31	ferrant (ferant, farat)	1) серый, серо-стальной 2) боевой конь,	1) adj., XII- XIII века, слово м.б. связано с ferrum («железо»), «серый», «цвета

		скакун	железа», частый эпитет для лошади; 2) n.m., = cheval de bataille= боевой конь, конь. По происхождению эти два слова могут и отличаться, сущ. = coursier – скакун
32	fuiron	хорек	n.m., XIII –XVI век, < lat. furiónem, furónem – «неистовый»
G			
33	gaignon (gaaignon, gaignon, gaaignart)	1) жестокий; 2)сторожевая собака, дворовая собака	adj. и n.m., XII–XV века, слово обозначало сторожевую собаку (chien de garde, dogue, chien en général, bête cruelle), пейоративная форма слова gaaignart означала garase – «хищник», pillard – «грабитель»
34	Garulf (garol, garolf, garwall, garwalf)	волк-оборотень	n.m., XII–XIII, loup (leu)-garou – < герм. wariwolf – homme-loup – «человек-волк»; это вымышленный дикий зверь-оборотень из лэ Марии Французской «Bisclavret», XII век. Форма garwall – нормандская форма слова

35	gibier (giblets, gibelet, gibelotte)	дичь, вид маленьких птиц	n.m., XII–XV века, мелкая птица, на которую охотились, дичь
36	gorpil (gorpils, gorpilz, gourpil, goupil, groupil)	лис, лиса	n.m., XI–XV века, < lat. vulpículum, vulpéculum, vulpes, volpēs – «лиса», «маленькая лисица». Старофранцузский вариант номинации «лиса» или «щенок собаки», «детеныш хищника»; существовало и слово golpille – n.f., XII–XIII века, женский вариант слова лис – «лиса»
37	gresillon	1) кузнечик 2) звук кузнечика	n.m., XII–XVI века, < к пересечению слов grillet – «кузнечик» и grésiller – «потрескивать», lat., gryllus– перевод не приведен
Н			
38	Hersent	Грызента	n.p.g., имя волчицы в «Романе о Лисе»; слово является однокоренным с глаголом herceler (herseler) XII–XVI века – сейчас hercer или tourmenter – «мучить», «приставать»
39	heriçon	ёж	n.m., XII век, слово было

	(hereçon, herecon, hericione, ēīcus)		связано с глаголом heriçoner (hérissoner) – в современном французском – hérisser – «топорщиться»
I			
40	Isengrin (Isengrim, Ysengrin)	Изенгрин	п.рғ., имя волка, одного из главных персонажей в «Романе о Лисе» (животный эпос), имя немецкого происхождения
J			
K			
L			
41	leemier (limier, liemier, liamier)	собака-ищейка, легавая охотничья собака, собака на поводке	п. м., XII век, < liem, lien – «сворка»
42	leon (leons, lion, lions, leün)	лев	п.м., XII–XVI века, форма leün (XI век) и leon являются примитивными, со значением «лев», lionne n.f.– «львица»
43	levre (lievre, levrier, levrete)	заяц, заячий пес, собака, которая охотится на зайцев	п. м., XII век, < lat. lērdre, lērus – «заяц»
44	liche (lisse, lice, liesse, leisse)	самка крупной охотничьей собаки	п. f., XIII–XV века, слово считается словом с неясной этимологией, встречается в германских глоссах, от

			lyscisca или licisus – род охотничьей собаки
45	limaçon (loх, leo, leu, lieu)	улитка	n.m., < limace – «спираль» и, limace – «слизень» XII–XV века < lat. limáceum, līmōsus – «тинистый», «илистый», также было слово limaçon – «захват»
46	lou (loх, leo, leu, lieu)	волк	n.m., XII–XVI века, < lat. lupus – «волк»
47	love (leuve)	волчица	n. f., XII век, «волчица»
48	louviau (lovel)	волчонок	n.m., XII–XVI века, «молодой волк», < lat. lupellum, уменьшительное от «волк»
М			
49	mastins (mastinz, mastinel)	ручной пес, мастиф, большая сторожевая собака	n.m., XII век, < lat. mansuētīnu-, mansuētus – «ручной» (подразумевается canis – «собака») < mâtin и chien – «большая сторожевая собака»
50	moton (motton, multun)	баран	n.m., IX век, < lat. multo, multōne, molit – «баран»
51	mule (mul, mulet, mule)	мул	n.m., XII–XIII века, слово средиземноморского происхождения < mūlu-, mūla, mulet – «мул»

N			
52	nihtegale	ласточка	n. f., сложно установить этимологию данного слова, возможно, слово произошло от gal n.m., XII–XVI века – «петух» и adj. nice со смыслом «МИЛЫЙ», «деликатный», «грациозный»
53	Nobles	Нобль	n.pr., имя короля льва в «Романе о Лисе», < adj. nobile, nobile и n.f. nobilité, nobilté, nobleté XII–XVI века– «благородство», < lat. nobilitátem – «известность», «знаменитость», < lat. nōbīlis– adj. «известный», «знаменитый»
O			
54	oisauls (oisel, oiseaus, oisiaus, oisiax)	птица	n.m., VI век, < lat. āvis, aucēllu- f. – «птица»
55	oiselet	птичка	n.m., < oisel, уменьшительное слово
56	ors (ours, uers, urs, orsiel, orsetel)	медведь	n.m., XII век < lat. ūrsus m. – «медведь»
P			
57	palefroid	запасная лошадь,	n.m., VI век < grec.

	(palefreid)	парадный конь, небоевой, предназначавшийся особенно для женщин	paraverēdu-, VI век, «запасная лошадь», а также para – «подле», «возле» и галльское слово veredus со значением «лошадь»
58	pertrix (perdriz, pertris, perdrizel, perdriet)	рябчик, куропатка	n. f., < grec. pērdīce-, или от греческого perdrīal, провансальского perdigal (< perdix-gallus) – «рябчик-самец»
59	pinte (Pinte)	курица-пеструшка	n. f., известны слова pīncta, pīcta – «пеструшка» и lat. глагол pingēre – «раскрашивать», «окрашивать», отсюда и n.pr. Pinte – «Пеструшка» – прозвище курицы в «Романе о Лисе»
60	poisson (peisson, peissun, poissun)	рыба	n.m., < lat. pīscione- и piscis n.m. – «рыба»
61	porz (porc, porke, porc, porcor, porcel, porcelet, pors)	свинья, боров	n.m., XI–XIII века, < lat. porcus n.m. – «свинья», «боров»
62	poons (poonas, paonas, paon, paonel), pooir	1) павлин; 2) стая, армия, группа	1) n.m., XII век, < lat. pāvo, pāvōnis – «павлин»; 2) данное слово произошло от глагола pooir – формы

			глагола <i>rouvoir</i> – «мочь», который был распространен в XIII веке, в латинском это был глагол <i>potére</i> – «мочь»
63	<i>poule</i> (<i>pol, pole, polle, polain, poulaille</i>)	курица, домашняя птица	n. f., XIII век, < lat. <i>pullus</i> (=gallus) «петух», «курица»
64	<i>putios</i>	хорек	n.m., XII век, < возможно, от прилагательного <i>put</i> (в современном французском <i>puant</i>) – «грязный», «вонючий», < lat. <i>pūtīdus</i> – «гнилой», «вонючий»
Q			
R			
65	<i>rat</i> (<i>rate, ratte</i>)	крыса	n.m., XII век, < lat. <i>rattu</i> – «крыса», слово, возможно, образовано от скрещения слов <i>rapīdus</i> – «быстрый» и <i>cattus</i> – «кошка»
66	<i>Renart</i> (<i>Renars, Renarz</i>)	Ренар, Лис	n.pr., XII век, < к франкскому имени <i>Reginhart</i> – основная номинация «Романа о Лисе», имя главного героя романа Лиса-Ренара (Ренар), ставшее затем обозначением этого животного, слово, вытеснившее старое <i>goupil</i>

			(см. goupil)
67	renardie	хитрость	n.f. < renart, XI–XV века, в современном франц. – ruse, action de renard – «хитрость», «хитрость лисы»
68	renarder	хитрить	v. < renart, XI–XV века, в современном франц. – faire ke renard, user de ruses – «делать лиса», «использовать хитрость»
69	roncin (ronci, ronchi, runcin)	вьючная или ломовая лошадь	n.m., XI–XV века, этимология этого слова до конца не ясна, в латинском есть runcinus – cheval de charge – «вьючная лошадь», также в старом языке было слово roussin, < roux – «рыжий», «темный», в современном франц. cheval de charge ou de trait – «вьючная лошадь или особенная»
70	рох (ros, rous, rosset, roux)	1) рыжий; 2) рыжий (лис); 3) лошадь (форма ros)	adj. и n.m., XII век, < lat. rŭssu – «рыжий», «нечестный», «фальшивый» 2) в «Романе о Лисе» название лисы по цвету ; 3) n.m., XII век, «беговая

			лошадь», слово встретилось у Ж. Боделя
71	russignol (rousegnol, rousignol, rossignol, rossignel, lourseilnol, loursegnol)	соловей	n.m., XIII век, < rōscīniōlu, rōscīnīa – < lat. luscīnīa (ius)– «соловей». Данное слово впервые было засвидетельствовано в латинско-ассакских глоссах в XIII веке
		S	
72	sengler (sangler)	кабан, вепрь	n.m., XI–XV века, слово произошло от lat. Singulārem (porcum) – «porc solitaire» – «одинокая свинья»
73	serf	олень	см. cerf
74	serpent (serpentele)	змея	n.f., XII–XIII века < lat. sērpente – «змея»
75	sofis (sourize, sourice, sorisete)	мышь	n.f., XII век < lat. sōrix, sōrice, sōrex, sōricis – «мышь», IV век.
		T	
76	terciau (terçuel, tercel, tierselet)	самец ястреба	n.m., XII–XIII века, слово tierselet – является диминутивом, в современном франц. mâle du faucon, < lat. pop. tertiolum – tertius «третий» («третий по размеру», т.к. самец этой птицы был на треть меньше

			самки)
77	tesson (taisson, tais, taissel)	барсук	n.m., XIII век, в современном франц. – blaireau – «барсук»
78	torz (tor, torel)	бык	n.m., XII–XV века, < lat. taúrum «бык», современная французская форма taureau раньше была диминутивом, форма tors(torz) впервые встретилась в XIII веке в «Романе о Лисе» в форме Bruan li tors – «бык Брюан» – кличка быка в романе
	U		
79	uiseus	птица	см. oisauls
80	urs	медведь	см. ors
	V		
81	vache (vace, vake, vachete)	корова	n.f., XII век, < lat. vacca – «корова»
82	veau (vel, veel, veelet, vieaus)	теленочек	n.m., XII век, < lat. vītēllus n.m. – «теленочек», «яичный желток»
83	venaison (venoison, venison)	дичь	= gibier, n.f., < lat. vĕnātīōne – «охота», «травля»
84	vervex (vervece, uerbex)	овца	n.f., «овца», орфографические варианты слова от <i>berbis</i> – «овца», слово встречается у Пелагония, Руководство по

			ветеринарии, IV век, форма <i>uervex</i> – там же в надписях
85	vipère (vipere, guivre, vipre, wivre, wigre)	змея	n.f., XI–XV века, < lat. vīpĕra и germ. wīpera – «гадюка», «змея»
86	volatile (volatile, volentille)	дичь	n.f., XII–XV века, < volaille – «дичь»
	W		
87	werpil	лиса	см. gourpil
	Y		
88	Ysengrin	Изенгрин	см. Isengrin
		Z	
			в старофранцузский период животных на эту букву не существовало, например, в словаре В.Ф. Шишмарева зафиксировано всего одно слово на z, слово не является зоонимом